

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 31

№ 3(98) июль – сентябрь 2025 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 31**

No. 3(98) july – september 2025

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент (Белгород, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хиллута, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алфёрова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 29.09.2025. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,4. Заказ № 223.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2025

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Professor (Tashkent,
the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- Desyatov M. S.**, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk,
Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyshcheva, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

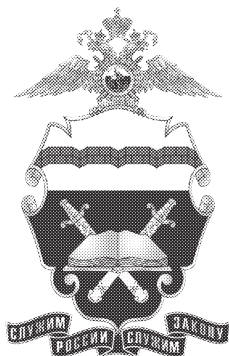
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 29.09.2025. Circulation 100 items. Published sheets 12,0. Printed sheets 13,4. Order No. 223.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

№ 3 (98) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2025

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Акиев А. Р. Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних: теоретические основы	229 Akiev A. R. Criminalistics Maintenance of Detection, Investigation and Prevention of Crimes against Family and Minors: Theoretical Basis
Герасимов А. М. Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления	235 Gerasimov A. M. Guilt and Its Reflection on the Level of Public Danger of Crime
Кобец П. Н. Анализ преступных посягательств в сфере современной работорговли и меры их предупреждения	240 Kobets P. N. Analysis of Criminal Attacks in the Modern Slave Trade and Measures to Prevent Them
Ситникова А. И., Назаренко Г. В. Проблемы толкования и квалификации альтернативных видов хищений, совершаемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств	246 Sitnikova A. I., Nazarenko G. V. Problems of Interpretation and Qualification of Alternative Types of Embezzlements Involving Bank Account or Electronic Money
Стебенева Е. В. Стратегические основы механизма криминологического противодействия коррупции	253 Stebeneva E. V. Strategic Framework of the Mechanism for Criminology-Based Combatting Corruption
Право и государство	Law and State
Белецкий И. А. Цифровой Паноптикон: изменяя уголовно-правовые догмы	258 Beletsky I. A. Digital Panopticon: Changing Criminal Law Dogmas
Буряков Е. В. Поисково-спасательные работы при безвестном исчезновении граждан: законодательные аспекты и практические особенности	265 Buryakov E. V. Search and Rescue Work in case of Missing Persons: Legislative Aspects and Practical Features
Давыдова М. Л. Приемы умного регулирования для непосредственной реализации права	271 Davydova M. L. Smart Regulation Techniques for Direct Implementation of Law
Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в ситуации проблемности позитивного права	276 Zaytseva E. S. Establishment of the Limits of Legal Regulation in a Situation of Gaps in Positive Law
Иванов Р. Л. Органы государственной власти с особым правовым статусом в российской системе разделения властей	281 Ivanov R. L. Public Authorities with Special Legal Status in the Russian System of Separation of Powers
Кожевников О. А. О необходимости гармонизации законодательства об общественном контроле и о противодействии коррупции	286 Kozhevnikov O. A. The Need for Harmonization of Legislation on Public Control and Anti-Corruption
Лановая Г. М. Связь науки и практики в правоприменении: условное и безусловное	292 Lanovaya G. M. The Relationship between Science and Practice in Law Enforcement: Conditional and Unconditional
Либанова С. Э. Медиация как уникальная форма реализации права в будущем	297 Libanova S. E. Mediation as a Unique Form of Implementation of Law in the Future
Луговик В. Ф., Десятов М. С. Пределы юридикации оперативно-розыскной деятельности: размышления о нелимитируемых действиях	302 Lugovik V. F., Desyatov M. S. Limits of the Legalization of Operational Crime Detection Activities: Vision of Unlimitable Actions
Плетников В. С., Плетникова М. С. Достижения науки и техники в процессе правоприменения: проблемы и перспективы внедрения	308 Pletnikov V. S., Pletnikova M. S. Scientific and Technological Achievements in Law Enforcement: Challenges and Prospects for Implementation
Поляков С. Б. Основания реализации права	312 Polyakov S. B. The Bases for Implementation of Law
Юридические ретроспективы	Juridical Retrospect
Быков А. В. История Министерства внутренних дел Российской империи в трудах второй половины XIX — начала XX вв.	318 Bykov A. V. History of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Works of the Second half of the 19 th — early 20 th century
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский и методологический инструментарий	Philosophical and Methodological Toolkit
Морозов А. А. Изучение жизненного мира: социальные исследования между феноменологией и философской антропологией	323 Morozov A. A. Study of the Lifeworld: Social Studies of Phenomenology and Philosophical Anthropology
Религия и общество	Religion and Society
Самойлов С. Ф., Литвинов А. А. Грекокатолическая интерпретация теологии Майдана	330 Samoilov S. F., Litvinov A. A. Greek Catholic Interpretation of Theology of Maidan
Информация для авторов	338 Information for Authors

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-229-234

5.1.4 Уголовно-правовые науки

Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних: теоретические основы

Арби Русланович Акиев

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики¹,

✉ melhi530@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Статья посвящена теоретическим основам формирования концепции криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Автор рассматривает эволюцию научных взглядов на понятие «криминалистическое обеспечение», анализирует различные дефиниции и подходы, представленные в криминалистической литературе. Обосновывается необходимость системного и многоуровневого исследования данного понятия, а также его применения в борьбе с указанной категорией преступлений. Особое внимание уделяется вопросам разграничения криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения, значению прогностических и образовательных функций криминалистического обеспечения. На основе проведенного анализа предлагается авторская концепция криминалистического обеспечения преступлений против семьи и несовершеннолетних как частной криминалистической теории, обеспечивающей научно-прикладное сопровождение правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, раскрытие преступлений, расследование преступлений, предупреждение преступлений, преступления против семьи и несовершеннолетних

Для цитирования: Акиев А. Р. Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних: теоретические основы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 229 – 234.

Criminalistics Maintenance of Detection, Investigation and Prevention of Crimes against Family and Minors: Theoretical Basis

Arbi R. Akiev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminalistics¹,

✉ melhi530@mail.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

The article dwells on theoretical basis of the formation of the concept of criminalistics maintenance for the detection, investigation and prevention of crimes against family and minors. The author considers the evolution of scientific views on the concept of «criminalistics maintenance», analyzes various definitions and approaches presented in literature on criminalistics. The need for a systematic and multi-level understanding of this concept, as well as its application in the fight against this category of crimes is substantiated. The focus is made on the distinction between criminalistics and operational detective support, as well as the importance of prognostic and educational functions of criminalistics maintenance. Based on the analysis, the author's concept of

criminalistics maintenance for crimes against family and minors is proposed as a private criminalistics theory providing scientific and applied support to law enforcement activities.

Keywords: criminalistics maintenance, detection of crimes, investigation of crimes, prevention of crimes, crimes against family and minors

Citation: Akiev A. R. Criminalistics Maintenance of Detection, Investigation and Prevention of Crimes against Family and Minors: Theoretical Basis. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 229–234 (In Russ.).

Вопросы, связанные с криминалистическим обеспечением процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также сопутствующих направлений криминалистической деятельности, на протяжении последних десятилетий неизменно находятся в центре внимания исследователей. В настоящее время в криминалистической науке, несмотря на продолжающиеся научные дискуссии, сложилась относительно целостная система положений, касающихся указанного направления, обладающих общекриминалистическим значением и способных претендовать на статус самостоятельной частной теории. Сформированные теоретические основы находят практическое воплощение при разработке и реализации концепций криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступных деяний различных групп и видов. Преступления против семьи и несовершеннолетних здесь не являются исключением. Более того, специфика как самих противоправных деяний, так и деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению обуславливает необходимость разработки комплексной и специализированной концепции криминалистического обеспечения в данной сфере.

Термин «криминалистическое обеспечение» впервые был введен в научный оборот В. Г. Коломацким в конце 1970-х гг. Ученый обратил внимание на необходимость преодоления проблемы запаздывающего внедрения в практическую деятельность органов предварительного расследования современных криминалистических технологий и методов, а также на важность их адаптации к реальным задачам следственной работы [1, с. 22]. Усиленный интерес к данной тематике в научной среде начал формироваться с начала 1990-х гг., что было связано с появлением ряда концептуальных исследований, оказавших значительное влияние на развитие теории криминалистического обеспечения. В частности, помимо В. Г. Коломацкого, существенный вклад в разработку как теоретических, так и прикладных аспектов криминалистического обеспечения внесли Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, В. А. Волынский, Т. В. Аверьянова, В. А. Образцов [2; 3; 4] и ряд других авторов. На сегодняшний день можно констатировать, что теоретические положения криминалистического обеспе-

чения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений прочно заняли устойчивое и значимое место в структуре современной криминалистической теории. Представлено множество различных взглядов на сущность криминалистического обеспечения [5, с. 62; 6, с. 64; 7, с. 67]. Практически каждая из предложенных идей со временем нашла поддержку у отдельных представителей криминалистической науки, получила дальнейшее развитие и была адаптирована к решению разнообразных теоретических и прикладных задач криминалистики, а также обеспечения проведения отдельных следственных действий или решения определенных криминалистических задач [8, с. 660; 9; 10, с. 262].

Несмотря на то что терминологические и содержательные аспекты рассматриваемой криминалистической категории остаются предметом научных споров, можно отметить, что за последние тридцать лет проведен значительный объем исследований, посвященных технико-, тактико- и методико-криминалистическому обеспечению предварительного расследования. Эти работы охватывают широкий круг вопросов: от организации и проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий до непроцессуальных мероприятий, а также вопросов взаимодействия органов предварительного расследования с другими правоохранительными органами (подразделениями), органами государственной власти и институтами гражданского общества. При этом термин «криминалистическое обеспечение» в ряде случаев стал использоваться (не всегда обоснованно) применительно к адаптации криминалистических знаний и результатов научных изысканий для решения задач в административной, гражданско-правовой и иных сферах деятельности, которые непосредственно не связаны с раскрытием или расследованием преступлений.

Системный анализ существующих научных позиций позволяет конкретизировать ключевые положения рассматриваемой криминалистической теории и создать основу для разработки целостной концепции криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Во-первых, анализ представленных в науке позиций демонстрирует многоаспектный, сложно-

системный и многоуровневый характер деятельности, направленной на криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Данный вид деятельности может изучаться в различных плоскостях и под разными углами, что подтверждается существующими попытками рассматривать его с технико-, тактико- или методико-криминалистических позиций. Подобный подход в определенной мере соотносится с точкой зрения А. Ф. Волынского, который указывает, что «система криминалистического обеспечения с формально-структурных позиций может представляться в соответствии со структурой криминалистики и включает теоретические основы такого обеспечения, технико-криминалистическое, тактико-криминалистическое и методико-криминалистическое обеспечение» [11, с. 56].

Во-вторых, при рассмотрении содержания категории «криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» нельзя игнорировать существующие в юридической литературе позиции, согласно которым данное обеспечение преимущественно соотносится с расследованием уголовных дел, при этом вопросы, касающиеся оперативно-розыскного сопровождения процесса выявления и раскрытия преступлений, остаются в стороне и часто не получают должного внимания.

Традиционное толкование объекта криминалистики предполагает, что данная отрасль юридической науки исследует как саму преступную деятельность, так и деятельность, направленную на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. На протяжении длительного периода раскрытие преступлений рассматривалось как неотъемлемый компонент стадии предварительного расследования (а значит, и криминалистической деятельности) с точки зрения ее сущностных характеристик. Подобный подход поддерживался многими учеными-криминалистами. Так, Н. П. Яблоков и А. Ю. Головин отмечали, что «один и тот же объект как часть объективного реального мира, обладающая относительной завершенностью, может познаваться (изучаться) различными науками с интересующих их позиций» [12, с. 32]. Исходя из этого раскрытие преступлений выступает предметом изучения как криминалистики, так и науки оперативно-розыскной деятельности, каждая из которых разрабатывает собственные подходы к обеспечению этой сферы функционирования правоохранительных органов, будь то криминалистическое или оперативно-розыскное обеспечение. Данный вывод убедительно подтверждается результатами исследований А. В. Варданяна [13], В. Г. Красильникова [14] и других авторов. Следовательно, деятельность по раскрытию преступлений, включая

преступления против семьи и несовершеннолетних, может одновременно являться объектом как криминалистического, так и оперативно-розыскного обеспечения.

В-третьих, терминологические конструкции и предлагаемые определения, используемые криминалистами, часто не содержат прямого указания на предупреждение (профилактику) преступлений как объект криминалистического обеспечения.

В специальной литературе криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений выделяется как самостоятельное направление указанной деятельности. Теоретические аспекты такого обеспечения раскрыты в серии трудов М. Ш. Махтаева [15], И. М. Комарова [16], А. Р. Лонцаковой [17] и ряда других ученых. При этом, несмотря на самостоятельное изучение вопросов предупреждения преступлений, они нередко органично включаются в более широкую систему криминалистического обеспечения деятельности по противодействию преступности в целом, а также преступлений отдельных групп и видов.

В-четвертых, одной из спорных проблем теории криминалистического обеспечения остается применение соответствующей терминологии в прикладных исследованиях, где криминалистические знания заимствуются и адаптируются для различных сфер юридической и иной деятельности, не связанных напрямую с противодействием преступности. Так, в литературе встречаются исследования, посвященные «криминалистическому обеспечению» коммерческой деятельности, информационной безопасности, гражданского и арбитражного судопроизводства [см., напр.: 18; 19 и др.].

Вопрос правильности использования термина «криминалистическое обеспечение» в таких областях вызывает сомнения. Так, А. Ю. Головин считает, что применение этого термина вне сферы противодействия преступности некорректно, поскольку «такие изыскания проводятся вне объектно-предметной области криминалистики, а их результаты необходимо относить к областям научного знания, объектом познания которых выступает соответствующая деятельность (общественные отношения)» [20, с. 144]. Данная позиция представляется вполне обоснованной, так как термин «криминалистическое обеспечение» изначально ориентирован на деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия преступности, что соответствует основному назначению криминалистической науки.

В-пятых, анализ существующих научных подходов к определению рассматриваемой категории выявляет значительные различия в определении ключевых признаков криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Эти различия напрямую отражаются

на структуре самого криминалистического обеспечения. В узком понимании оно ограничивается, по сути, системой криминалистических знаний, методов и средств. В более широком же смысле это комплексная деятельность, охватывающая разнообразные задачи и направленная на повышение эффективности и результативности процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также иной криминалистической деятельности (например, судебной или экспертной).

Следует отметить, что нам более оправданным представляется широкий подход к концептуальному пониманию криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В этом контексте оно рассматривается как система (комплекс) мер, обеспечивающих научно-организационное и прикладное содействие деятельности органов следствия и дознания с использованием современных криминалистических знаний, данных, средств, методов, технологий и рекомендаций, направленных на повышение эффективности и результативности решения стоящих перед ними правоохранительных задач по противодействию преступности.

Важно отметить, что рассматриваемое обеспечение не дублирует и не должно повторять традиционную структуру криминалистических научных знаний. С одной стороны, оно выступает как значимый научно-прикладной инструмент внедрения и практического использования результатов криминалистической исследовательской и прогностической деятельности в следственной практике. С другой стороны, оно должно создавать условия для оперативной передачи таких потребностей от правоохранительной практики к криминалистической науке. Именно по этой причине система теоретических положений криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в настоящее время может рассматриваться как самостоятельная частная криминалистическая теория.

Конкретная реализация данного комплекса мер проявляется в рамках криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений отдельных групп и видов, включая, в частности, преступления против семьи и несовершеннолетних. При этом концепция такого обеспечения в теоретическом плане предусматривает выполнение ряда научно обоснованных требований.

Разрабатываемая концепция криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних должна опираться на предметную область криминалистики и ключевые положения теории криминалистического обеспечения. Исходя из этих принципов формулируются понятие и струк-

тура рассматриваемого обеспечения, уточняются правовые основы его реализации, создается научно-информационная база для разработки и внедрения комплекса мер, направленных на повышение эффективности и результативности соответствующего направления правоохранительной деятельности. В рамках концепции разрабатываются и совершенствуются криминалистические средства и методы выявления, расследования и доказывания значимых для дела обстоятельств, решаются другие процессуальные, розыскные и профилактические задачи криминалистической деятельности. Это позволяет обеспечить научную преемственность и соответствие концепции криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних как частной криминалистической теории, так и общим положениям теории и методологии криминалистики.

Представляется, что современная концепция криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних должна быть нацелена на выявление и разрешение ключевых проблем следственной практики в данном направлении, а также на совершенствование общей практики судопроизводства.

Это предполагает необходимость постоянного мониторинга криминалистической деятельности для выявления актуальных прикладных потребностей и сложностей в сфере противодействия указанным преступлениям, а также оперативное реагирование на обнаруженные проблемы в научно-криминалистическом, нормотворческом и организационно-управленческом аспектах. Наряду с изучением и описанием криминалистических особенностей таких преступлений этим обеспечивается реализация познавательной функции соответствующего криминалистического обеспечения.

Кроме того, в современных условиях данное криминалистическое обеспечение должно создавать условия постоянной готовности органов следствия и дознания к раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых новыми способами с использованием современных цифровых технологий, телекоммуникаций и постоянно совершенствующихся методов социальной инженерии. В связи с этим трудно не согласиться с мнением И. В. Тишутиной, подчеркивающей необходимость следовать принципу работы на опережение, а не «догоняющего развития» [21, с. 522].

Особое значение в данном контексте имеют методы криминалистического прогнозирования, которые позволяют заблаговременно оценивать состояние преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних, отслеживать изменения в ее механизмах, выявлять новые виды и способы совершения противо-

правных действий, а также изменений и направлений развития деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению указанных преступлений, появления и совершенствования криминалистических средств и методов ее осуществления органами предварительного расследования. Прогностическое криминалистическое обеспечение создает возможности для своевременного внедрения и апробации в деятельности органов предварительного расследования и других правоохранительных структур новейших криминалистических средств, методов и технологий, особенно в сфере информационных и цифровых технологий, что представляет собой одну из ключевых функций данного направления.

Не менее значимой является своевременная профессиональная подготовка и обучение следователей и других сотрудников правоохранительных органов, участвующих в противодействии преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Это предполагает овладение необходимыми знаниями и навыками, их применение в доказывании по уголовным делам указанной категории, а также при решении розыскных, профилактических, организационных и других криминалистических задач в рамках предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом.

Особое внимание следует уделять совершенствованию форм и методов взаимодействия орга-

нов предварительного расследования с другими подразделениями правоохранительных структур, их сотрудниками, различными участниками криминалистической деятельности, государственными и муниципальными органами, учреждениями, организациями, должностными лицами, а также с общественными объединениями и населением. Эффективное решение этих задач обеспечивает реализацию организационно-коммуникативной функции криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

С теоретических позиций разрабатываемой концепции криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних можно рассматривать как основанную на нормах действующего законодательства и результатах познания криминалистикой рассматриваемого вида преступной деятельности систему (комплекс) мер по научному и организационно-прикладному содействию и оснащению работы органов следствия и дознания современными криминалистическими знаниями, данными, средствами, методами, технологиями и рекомендациями, направленными на повышение эффективности и результативности решения стоящих перед ними задач противодействия рассматриваемой преступной деятельности.

Список источников

1. Коломацкий В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : информационный бюллетень по материалам криминалистических чтений. М., 2001. № 13.
2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997.
3. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования : учеб. пособие / под ред. В. А. Образцова. М., 1992.
4. Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. М., 1999.
5. Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика : учебник : в 3 т. / под ред Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого. Т. 1: История, общая и частные теории. М., 1995.
6. Белкин Р. С. Понятие и содержание криминалистического обеспечения деятельности криминальной милиции // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997.
7. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как социальная функция криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3(6).
8. Дяблова Ю. Л., Тишутина И. В. Криминалистическое обеспечение установления личности: актуальные проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 6.
9. Моисеев Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. Звягин И. С., Звягин Д. С. О некоторых проблемах криминалистического обеспечения осмотра места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2.

11. *Криминалистика* : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
12. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. М., 2009.
13. Варданян А. В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты : монография. Ростов-н/Д., 2016.
14. Красильников В. Г. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение раскрытия краж на объектах железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
15. Махтаев М. Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений) : учебник для вузов. М., 2025.
16. Комаров И. М. Правовые и организационные криминалистические основы обеспечения предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 3(52).
17. Лоницакова А. Р. Теоретические и методологические основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в условиях цифровой трансформации общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2.
18. Гамза В. А. Проблемы криминалистического обеспечения безопасности коммерческого банка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
19. *Криминалистическое обеспечение деятельности бизнес-юриста* : учеб. пособие / Н. А. Иванов, Н. А. Жижин и др. ; отв. ред. М. В. Жижина. М., 2023.
20. Головин А. Ю. Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки расширения? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(102).
21. Тишутина И. В. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: перспективы совершенствования // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2024.

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-235-239

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления

Александр Михайлович Герасимов

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права¹,

✉ amgerasimov@list.ru

¹ Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Россия)

Исследование ориентировано на обоснование объективной зависимости величины общественной опасности преступления от свойственных его составу формы и вида вины. Приводится комплекс аргументов в пользу того, что характер общественной опасности деяния на уровне субъективной стороны содеянного определяется формой вины, отражающей готовность лица к посягательствам на объекты уголовно-правовой охраны. В свою очередь дифференциация вины на виды позиционируется как инструмент, позволяющий правоприменителю уточнять степень общественной опасности преступления. Одновременно в работе затрагивается проблема использования законодателем категории общественной опасности в двух форматах — условном и реальном. По итогам исследования формулируется конкретная рекомендация относительно перспектив оптимизации уголовно-правового механизма установления уровня общественной опасности преступления с учетом форм и разновидностей вины.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, вина, формы вины, умысел, неосторожность

Для цитирования: Герасимов А. М. Вина и ее отражение на уровне общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3 (98). С. 235–239.

Guilt and Its Reflection on the Level of Public Danger of Crime

Alexandr M. Gerasimov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal and Criminal Executive Law¹,

✉ amgerasimov@list.ru

¹ Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

The study is aimed at substantiating the objective dependence of the degree of the public danger of the crime on its inherent form and type of guilt. There is a set of arguments in favor of the fact that the nature of the public danger of the act at the level of the subjective party to the act is determined by the form of guilt, reflecting the willingness of the person to attack objects protected by criminal law. In its turn, the differentiation of guilt by type is positioned as a tool that allows law enforcer to clarify the degree of public danger of crime. At the same time, the work addresses the problem of the legislator's use of the category of public danger in two formats — conditional and real. As a result of the study, a specific recommendation is formulated regarding the prospects of optimizing the criminal-legal mechanism for establishing the level of public danger of crime with the forms and types of guilt taken into account.

Keywords: crime, public danger, guilt, forms of guilt, intent, negligence

Citation: Gerasimov A. M. Guilt and Its Reflection on the Level of Public Danger of Crime. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 235–239 (In Russ.).

Уголовно-правовой принцип справедливости требует от федерального законодателя и представителей правоприменения обеспечения соответствия наказаний и иных предусмотренных уголовным законом мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Стержень представленной идеи сводится к тому, чтобы применяемый к совершившему преступление лицу исправительно-

предупредительный инструментариум отвечал уровню общественной опасности содеянного. При этом значение подобного баланса не ограничивается формальной согласованностью тяжести преступления с объемом устанавливаемых за его совершение лишений и ограничений. Реализация принципа справедливости способствует развитию в сознании конкретного правоисполнителя и массовом сознании ощущения социальной ориентированности уголов-

ного законодательства, а также обоснованности используемых им средств принуждения для достижения задач по охране интересов личности, общества, государства и предупреждению преступлений. Государству чрезвычайно важно таким путем поддерживать высокий нравственный авторитет уголовного закона. Воспринимая его содержание в качестве необходимого условия обеспечения материального порядка, члены социума демонстрируют положительную динамику в практике следования уголовно-правовым предписаниям, что способствует формированию оптимального русла исполнения уголовного законодательства.

Между тем нельзя констатировать, что сам механизм установления уровня общественной опасности преступления, предполагающего применение адекватных мер уголовно-правового реагирования, полностью отлажен и доведен до уровня доктрины. Преимущественным образом возникающие в заданном ключе проблемы касаются понимания общественной опасности и ее сущностных характеристик. Одной из таковых выступает проблема отражения вины на объективной величине общественной опасности. Изложенное определяет актуальность настоящего исследования и его направление.

Категория вины хорошо известна уголовному законодательству, практике его применения и уголовно-правовой теории. Несмотря на то что ее понятие не получило официального определения, оно достаточно унифицированно интерпретируется исследователями и правоприменителями. Традиционно вина характеризуется как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступающим вследствие этого общественно опасным последствиям, находящее выражение в форме умысла или неосторожности [1, с. 23; 2, с. 3–7; 3, с. 14]. Из представленной дефиниции очевидно, что вина определяется с использованием категории общественной опасности. Однако многие ученые отрицают сущностную связь между ними: первая не определяет содержания второй, и наоборот. Так, взаимообусловленность общественной опасности и вины скептически оценивалась представителями советской школы уголовного права и ее многочисленными последователями. Объяснение тому обнаруживается в достаточно одностороннем толковании ими понятия «общественная опасность». Еще в середине прошлого столетия В. Н. Кудрявцев отмечал, что «общественная опасность — это объективное свойство действий определенного рода, причиняющих с достаточно высокой степенью вероятности существенный ущерб интересам нашего общества» [4, с. 99]. Теоретики, отстаивающие сугубо объективную природу общественной опасности, всегда были склонны отвергать роль вины в установлении ее объема. Как указывал П. П. Оси-

пов, «общественно опасное деяние и преступление — понятия нетождественные не только по нормативному признаку, но и по внутреннему содержанию. Общественно опасное деяние может быть совершено невменяемым (ст. 11 УК РСФСР), преступление же — это всегда виновное общественно опасное деяние» [5, с. 122].

Представленное толкование общественной опасности явно расходится с логикой действующего уголовного законодательства и практикой его применения. Главным аргументом тому выступает очевидная связь форм и видов вины с устанавливаемой величиной общественной опасности содеянного. В этом не сложно убедиться, обратившись к основанию и критериям категоризации преступлений. Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ преступления дифференцируются на группы, отражающие четыре ступени их тяжести, исходя из характера и степени общественной опасности деяния. При этом одним из критериев официальной классификации преступлений признается форма вины. Подобное положение вещей не позволяет отрицать сущностную взаимосвязь исследуемых феноменов.

В контексте развиваемой мысли необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что уголовный закон допускает существование общественной опасности в ситуациях невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ). Между тем при их интерпретации законодатель допускает чрезмерно широкое использование упомянутой категории. Будучи неотъемлемым атрибутом преступления, общественная опасность не может существовать в отрыве от других ее сущностных признаков. Не является исключением здесь и признак виновности. В противном случае понимание общественной опасности сводится исключительно к вреду от преступления. Кроме того, если бы лицо, допустившее невиновное причинение вреда, становилось источником и носителем общественной опасности, то это потребовало бы купирования последней. Однако очевидно, что никакой угрозы для общества такого рода лицо не представляет. Именно по этой причине невиновное причинение вреда не влечет уголовно-правовых последствий. Можно высказать предположение, что в содержании ст. 28 УК РФ законодатель подразумевает потенциальную общественную опасность, о которой пойдет речь ниже.

Роль вины в установлении общественной опасности преступления заключается в том, чтобы охарактеризовать предрасположенность лица к посягательствам на охраняемые уголовным законом объекты. Как отмечал Ю. А. Демидов, «общественная опасность деяния повышается далее тем больше, чем больше оно выражает отрицательное отношение виновного к ценностям общества» [6, с. 70]. В развитие

данной мысли Б. В. Волженкин справедливо утверждал, что «признак виновности, являющийся необходимой характеристикой любого преступления, показывает, что преступное деяние, как умышленное, так и совершенное по неосторожности, в той или иной мере является следствием и выражением социальных качеств, личностных свойств индивида, его общественного лица (антиобщественная направленность или нравственная противоречивость личности)... Те качества, которые привели виновного субъекта к совершению преступления и которыми он характеризуется как личность сегодня, обосновывают существование реальной возможности совершения им нового преступления» [7, с. 8, 11]. Аккумулируя суть изложенных тезисов, Б. Т. Разгильдиев ввел в научный оборот категорию «готовность», под которой предложил понимать «психико-волевое состояние лица как необходимое условие причинения вреда неконкретизированному объекту посредством совершения нового неконкретизированного преступления» [8, с. 217].

Максимальную готовность к посягательствам на охраняемые объекты демонстрирует физическое лицо, действующее с прямым умыслом. Руководствуясь определенной криминальной мотивацией, оно целенаправленно стремится к преступному результату. Прямой умысел является единственным видом вины, волевой момент которого основывается на желании наступления последствий. Приобретая практический опыт удовлетворения личных потребностей за счет намеренного ущемления интересов личности, общества или государства, лицо объективируется как прямой источник опасности. Вероятность совершения им новых умышленных преступлений наивысшая.

Несколько ниже готовность к отрицательному воздействию на объекты уголовно-правовой охраны у лица, субъективное отношение которого к содеянному оценивается по признакам косвенного умысла. Отличительная особенность рассматриваемой разновидности вины состоит в том, что лицо, хотя и не желает наступления последствий, сознательно их допускает или безразлично к ним относится. В то же время уровень его опасности для интересов личности, общества и государства остается достаточно высоким. Причинение вреда объектам охраны в целях удовлетворения личных потребностей является для соответствующего субъекта вполне приемлемым поведением.

Ситуация кардинально меняется при оценке готовности посягать на охраняемые объекты со стороны лица, допускающего преступную неосторожность. Сама семантика категории «неосторожность» ассоциируется с неосмотрительными, беспечными, опрометчивыми поступками человека, серьезным

образом не относящегося к возможным их последствиям. В отличие от умышленного посягательства, неосторожное поведение не предполагает удовлетворения собственных потребностей за счет целенаправленного причинения вреда правам и законным интересам личности, общества или государства. Отсутствие прямой связи мотива совершенного деяния с наступающими последствиями позволяет утверждать, что исходящая от допускающего преступную неосторожность лица угроза опосредованная. Не случайно в неосторожных преступлениях фокус общественной опасности содеянного смещается с самого поведения правоисполнителя на наступающий вследствие такового физический или материальный вред. Без реальных последствий подобные деяния преступлениями не признаются. При определенных обстоятельствах они могут образовывать составы административных, дисциплинарных и иных правонарушений, не достигающих уровня общественной опасности.

Опосредованную готовность посягать на охраняемые объекты законодатель также посчитал нужным дифференцировать. Она несколько выше в случае преступного легкомыслия, когда лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Минимальная опасность для охраняемых объектов исходит от субъекта, допускающего преступную небрежность. Специфика небрежного поведения предполагает отсутствие волевого момента вины как такового. Вследствие своей невнимательности или непредусмотрительности лицо не предвидит последствий своего вредоносного поведения, хотя должно и могло их предвидеть.

Немаловажно отметить, что в разрезе соотношения общественной опасности и вины существует серьезная проблема. Характеризуя интеллектуальный и волевой моменты умысла и неосторожности, законодатель активно оперирует категориями «осознание общественной опасности деяния» и «предвидение общественно опасных последствий». Здесь обнаруживается явный логический порок, когда следствие опережает причину. Общественная опасность как неотъемлемый атрибут преступления не может объективироваться до вступления в законную силу соответствующего обвинительного приговора суда. Деяние (действие или бездействие) и его последствия приобретают свойство общественной опасности одновременно с констатацией всех существенных признаков преступления. Вполне вероятны ситуации, когда содеянное хотя формально содержит признаки криминаобразующего состава, общественно опасным не признается. В качестве иллюстрации можно сослаться на ситуации малозначительности деяния,

освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания в связи с изменением обстановки.

Предстающая как некая воляность законодателя официальная трактовка форм и видов вины может иметь лишь одно логическое объяснение. В содержании ее интеллектуального и волевого моментов подразумевается условная общественная опасность деяния и его последствий, вопрос о которой юридически ставится, но окончательно разрешается судом. Для правоприменительной практики такого рода правовая ситуация вполне естественная. Каждый прецедент, вызывающий обоснованные сомнения относительно соблюдения правоисполнителем своей уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления, находится под контролем правоприменителя. По итогам уголовно-правовой оценки содеянного потенциальная общественная опасность подтверждается судом, становясь реальной, либо не подтверждается. Таким образом, в некоторых нормах и положениях, включая положения о вине, законодатель употребляет категорию общественной опасности только для того, чтобы подчеркнуть уголовно-правовую природу деяний, вопрос о юридическом значении которых решается правоприменителем на основании уголовного закона [9, с. 44].

В заключительной части проводимого исследования стоит заострить внимание на соотношении сущностных характеристик общественной опасности с формами и видами вины. Небезызвестно, что общественная опасность определяется характером и степенью. По смыслу уголовного закона и практики его применения характер общественной опасности отражен всей совокупностью признаков состава преступления, закрепленной соответствующей диспозицией уголовно-правовой нормы. В свою очередь степень общественной опасности устанавливается судом исходя из обстоятельств содеянного и личностных характеристик виновного, остающихся за рамками криминообразующих признаков соответствующего посягательства, но имеющих уголовно-правовое значение*. Проанализировав законодательную и правоприменительную позицию относительно отражения вины на сущностных характеристиках общественной опасности, можно сделать следующий вывод: форма вины влияет на определение характера общественной опасности совершенного деяния (на нормотворческом уровне); вид вины учитывается при оценке степени общественной опасности содеянного (на правоприменительном уровне).

Юридическая практика показывает, что в преимущественном большинстве случаев федеральный законодатель и представители правоприменения придерживаются сути представленного концепта. Форма вины традиционно закладывается в конструкцию состава преступления как один из ключевых признаков, определяющих характер общественной опасности оцениваемого деяния. Тогда как вид вины, устанавливаемый судом применительно к конкретному действию или акту бездействия, позволяет уточнить степень общественной опасности последнего. Между тем в содержании уголовного закона обнаруживается положение, несколько размывающее значение форм и видов вины в установлении характера и степени общественной опасности преступления. Речь идет о ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части уголовного закона. Толкование данного уголовно-правового положения обуславливает вывод о том, что в ситуации, когда диспозиция уголовно-правовой нормы не содержит прямого указания на форму вины, возможны два варианта: преступление совершается исключительно умышленно; преступление может совершаться как с умыслом, так и по неосторожности. При этом, если первый вариант никаких противоречий не обнаруживает, то второй явно нивелирует значение деления вины на две формы. Получается, что один и тот же состав преступления может характеризоваться как умыслом, так и неосторожностью. Ярким примером тому служит основной состав доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110 УК РФ), субъективная сторона которого в теории и правоприменительной практике интерпретируется с позиции двух форм вины.

Подобная практика установления субъективной стороны преступления провоцирует возникновение еще одной, не менее важной проблемы. Допуская совершение одного и того же преступления как с умышленной, так и с неосторожной формами вины, законодатель, правоприменитель и исследователи тем самым не исключают принадлежность такого преступления одновременно к двум категориям. Так, если рассматривать основной состав доведения до самоубийства в качестве умышленного посягательства, то оно относится к категории тяжкого преступления. Вместе с тем аналогичное деяние, рассматриваемое как неосторожное, становится преступлением средней тяжести. Подобное положение вещей явно не соответствует смыслу катего-

* О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

ризации преступлений в зависимости от уровня их общественной опасности.

Решение выявленных проблем видится на нормотворческом уровне посредством возвращения к первоначальной редакции положения, закрепленного ч. 2 ст. 24 УК РФ. До 1998 г. оно было изложено следующим образом: «Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». В представленной редакции анализируемое уголовно-правовое положение полностью исключает возможность установления в одном и том же составе преступления умысла и неосторожности в качестве альтернативных признаков его субъективной стороны. При таком подходе в полном объеме проявляется огромное значение форм вины

в определении уровня общественной опасности содеянного. Учитывается совершенно разная готовность посягать на охраняемые уголовным законом объекты со стороны лиц, действующих умышленно и по неосторожности. В итоге обеспечивается основное требование принципа справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Сформулированные выводы и рекомендации выступают мотивом для дальнейшего развития теории общественной опасности преступления, а также решения частных вопросов, связанных с соотношением ее сущностных характеристик с формами и видами вины.

Список источников

1. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
2. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972.
3. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
4. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
5. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
6. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
7. Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964.
8. Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2(7).
9. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : монография. М., 2022.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-240-245

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Анализ преступных посягательств в сфере современной работорговли и меры их предупреждения

Петр Николаевич Кобец

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия)

В современном мире среди особо опасных общественных деяний все чаще в поле зрения правоохранителей и общества оказывается работорговля. Анализируемые преступные посягательства относятся к тяжким преступлениям, в результате совершения которых происходит нарушение прав и свобод попадающих в рабство людей. Анализ данной проблемы позволяет автору с уверенностью говорить о том, что в настоящее время, как и на протяжении многих столетий, работорговля носит транснациональный характер, не переставая оставаться важнейшей из глобальных проблем современности. В работе акцентируется внимание на том, что названные преступные посягательства, совершаемые международными преступными группами, получают все большую распространенность. В связи с этим, исследуя причины высокой латентности рассматриваемых преступных проявлений, автор выявил обстоятельства, способствующие данному положению дел. Предложено применение комплекса профилактических мер, в который входят социальные, экономические, правовые, организационно-управленческие мероприятия, при этом акцентируется, что все они должны иметь упреждающий характер и системную основу. В то же время в целом вся система анализируемых мероприятий, по мнению автора, нуждается в постоянной научной проработке, предполагающей выявление всех наиболее совершенных мер борьбы с данными преступными посягательствами.

Ключевые слова: рабство, транснациональная преступность, латентность, правовое регулирование, национальное законодательство, законотворческая деятельность, предупреждение преступности

Для цитирования: Кобец П. Н. Анализ преступных посягательств в сфере современной работорговли и меры их предупреждения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 240–245.

Analysis of Criminal Attacks in the Modern Slave Trade and Measures to Prevent Them

Petr N. Kobets

Doctor of Science (in Law), Professor, Chief Research Officer of the Centre of Organizational Maintenance of Scientific Work¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Slave trade is more frequently considered among particularly dangerous public acts in the modern world by law enforcers and society. The analyzed criminal offences are serious crimes that violate the rights and freedoms of enslaved persons. The analysis of this problem allows the author to say with certainty that today, like for many centuries, the slave trade is transnational in nature, without ceasing to be a major global problem of our time. The focus is made on the fact that these criminal attacks committed by international criminal groups are becoming increasingly common. Therefore, in investigating the reasons for the high degree of latency of the criminal acts under consideration, the author has identified the circumstances conducive to this state of affairs. It is proposed to apply a set of preventive measures, which include social, economic, legal, organizational and managerial activities, with emphasis on the fact that all of them should have a proactive nature and systemic basis. At the same time, in general, the entire system of analyzed activities, according to the author, needs constant scientific work, which involves identifying all most effective measures to combat this crime.

Keywords: slavery, transnational crime, latency, legal regulation, national legislation, legislative activity, crime prevention

Citation: Kobets P. N. Analysis of Criminal Attacks in the Modern Slave Trade and Measures to Prevent them. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 240–245 (In Russ.).

В настоящее время трудно найти людей, которые оправдывали бы рабство, между тем подавляющее большинство общества вряд ли подозревает о том, что в настоящее время данная форма эксплуатации человека бурно развивается, что в свою очередь повышает риски многих людей и увеличивает их уязвимость столкнуться с данной угрозой. Торговля людьми относится к преступным посягательствам, хорошо известным еще с давних времен. Римское право относило данные преступные проявления, предполагающие хищение и продажу людей в рабство, к особо тяжким и сурово наказывало за их совершение. Вместе с тем рассматриваемый вид преступной деятельности на протяжении многих веков относили к посягательствам, которые могли принимать многообразные формы. Среди многих государств мира и, в частности, стран, находящихся на стадии своего развития, а также имеющих низкий уровень жизни, переходную экономику и развивающийся рынок, эволюция подобных преступных посягательств является вполне закономерным процессом. Однако и мировые державы также подвержены анализируемым преступным проявлениям.

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. принят Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, где в ст. 3 нашло свое официальное закрепление понятие «торговля людьми»¹. В связи с этим «торговля людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо»².

Таким образом, возможно с уверенностью говорить о том, что работорговля осуществляется на основе трех элементов: действия, средства и цели. В качестве действий выступают вербовка, перевозка, укрывательство. В качестве средств — угрозы, обман, похищение, подкуп и другие способы заставить и удерживать человека. Целью является эксплуатация.

Как отмечают отечественные эксперты, число жертв международной торговли живым товаром (незаконного оборота работорговли) составляет около 27 млн чел. Немаловажно и то, что почти 80% подобных жертв — женщины и несовершеннолетние [1, с. 5]. В масштабах планеты треть выявляемых жертв работорговли — дети. На протяжении последних пятнадцати лет уровень всех несовершеннолетних лиц, которые были выявлены в качестве жертв работорговли, вырос в три раза, а несовершеннолетних лиц мужского пола — в пять раз³.

В Российской Федерации проблема работорговли приобрела особую значимость в конце прошлого столетия. Развал Советского Союза способствовал появлению новых государственных образований, население которых сразу же столкнулось с последствиями разрушения различных социальных институтов, новой экономической политикой, безработицей и безденежьем, что способствовало вовлечению преступниками населения в незаконную эксплуатацию.

Российской Федерацией ратифицированы все универсальные международно-правовые документы в сфере регулирования противодействия современным видам рабства. Однако долгое время в Уголовном кодексе Российской Федерации не содержалось составов, относящихся непосредственно к работорговле. Лишь с 2003 г. в УК РФ были введены соответствующие нормы, которые на сегодняшний день являются высоколатентными и сложно доказуемыми. О высоком уровне латентности преступных посягательств в сфере работорговли говорится многими отечественными исследователями [2, с. 156].

Таким образом, в настоящее время отечественным уголовным законодательством преступные посягательства в сфере работорговли наказываются по ст. 127¹ УК РФ — «Торговля людьми» и 127² УК РФ — «Использование рабского труда». Однако предусмотренные уголовным законодательством меры не способствуют высокой раскрываемости данных деяний. И, как свидетельствует правоприменительная практика, за совершение преступных посягательств, предусмотренных данными нормами, привлекается довольно небольшое количество виновных лиц. В частности, об этом красноречиво свидетельствует анализ статистических данных по вопросам рабства, опубликованных Судебным департаментом при Вер-

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности.

³ ООН: торговцы людьми активно осваивают киберпространство. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1428512> (дата обращения: 18.02.2025).

ховном Суде Российской Федерации. Так, в 2023 г. российские суды (по первой инстанции) вынесли обвинительные приговоры всего лишь 119 лицам по ст. 127 УК РФ, в предыдущем году — 114, при этом не было вынесено ни одного приговора по ст. 127² УК РФ. В 2023 г. 17 человек осудили за торговлю людьми по ст. 127¹ УК РФ, в 2022 г. таковых было всего лишь 11 человек⁴.

На протяжении многих лет ситуация по этому вопросу совершенно не меняется. Немаловажной причиной сложности борьбы с рассматриваемыми преступными проявлениями служит то, что это транснациональный бизнес, в который втянуты представители преступного мира многих стран. Этот преступный бизнес, по сути, превратился в современную форму работорговли с развитым домашним рабством, заключением принудительных браков, с разрастающейся сексуальной индустрией, в которой преобладает сексуальная эксплуатация лиц женского пола и несовершеннолетних. Как правило, будущих жертв работорговли обманным путем вывозят за рубеж и впоследствии принуждают к сексуальному рабству и постоянному насилию. Примечательно, что подобная картина наблюдается во многих государствах мира, и поэтому борьба с торговлей людьми не может быть признана эффективной. Из-за боязни давать свидетельские показания в отношении работорговцев часть расследуемых уголовных дел прекращается.

В соответствии с данными ранее проведенных отечественными учеными исследований, возрастные рамки жертв рассматриваемых преступных посягательств существенно различаются. Так, на фоне тридцатилетних жертв работорговли прослеживается тенденция к увеличению количества несовершеннолетних лиц женского пола в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, которых вовлекают в занятие проституцией. Лиц женского пола в возрасте от сорока пяти до шестидесяти лет работорговцы продают для использования в сфере бытового и домашнего обслуживания. Возраст лиц мужского пола, ставших жертвами работорговли, варьируется от двадцати до сорока пяти лет и связан с их максимальной мобильностью, а также трудоспособностью. Они легче вербуются, и при этом доход, полученный от работы взрослых мужчин в силу физиологических особенностей, гораздо больше, чем от иных категорий лиц, находящихся в рабстве. Несовершеннолетних лиц, как правило, используют для труда, где не требуется большой физической выносливости, а именно в качестве прислуги, наездников верблюдов, в сельском хозяй-

стве, при производстве ковров и др. Часто их могут вовлекать для участия в вооруженных конфликтах [3, с. 243].

Среди важнейших факторов, способствующих росту рассматриваемых преступных проявлений, можно отметить: расширение и увеличение доступа к передвижению по миру; снижение разного рода издержек на транспортировку; возможность работы за рубежом; возникающие финансовые затруднения у различных категорий граждан; возможность избежать домашнего насилия; лучшие возможности получения высокооплачиваемой работы за рубежом.

Ранее проведенные автором исследования в сфере работорговли в полной мере способствуют формированию позиции о том, что анализируемые преступные посягательства преимущественно относятся к организованной преступной сфере. Специально хотелось бы отметить, что некоторыми экспертами предложены даже градации анализируемых транснациональных группировок в сфере работорговли, в частности, это: глобальные организации; транснациональные организации, которые отличаются от первых тем, что они не заняты продажей завербованных лиц иным группировкам, но контролируют сами собственных жертв современного рабства; локальные организации, опирающиеся на запросы будущих приобретателей жертв работорговли. Поэтому стадии анализируемых преступных проявлений разбиты на несколько действий, а также могут быть представлены различными категориями злоумышленников. В связи с этим в большинстве случаев отечественные и зарубежные эксперты рассматривают работорговлю не только как отдельное преступное посягательство, но и как устойчивый преступный процесс, состоящий из нескольких стадий, на которых организаторы анализируемых деяний задействуют различных исполнителей.

Так, в процессе первого этапа злоумышленниками предусматривается совершение обмана, вербовки или похищения жертв. Последующий этап связан с их транспортировкой либо в случаях трансграничных преступлений — с выездом за рубеж. Третий этап сводится к угнетению пострадавших лиц, в процессе чего они могут быть подвергнуты разного рода принудительному труду, насильственной сексуальной эксплуатации, либо же эти жертвы будут проданы для проведения операций по незаконной трансплантации органов и тканей, ведения принудительного попрошайничества, а также совершения мелких хищений. Последним этапом работорговли считается та стадия, на которой владельцы жертв из-за их невысокой стоимости могут вообще избавить-

⁴ Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.02.2025).

ся от них, как от ненужной вещи. В то же время ряд исследователей данной проблемы, как и сам автор, полагают, что может существовать еще один этап преступного участия, присущий любым криминальным структурам, организациям и сообществам, суть которого заключается в легализации незаконных доходов с последующим их инвестированием в иные виды преступной деятельности [4, с. 56]. В частности, совершенно очевидно, что у торговцев людьми могут существовать прочные связи в криминальном мире с другими криминальными и транснациональными преступными сообществами, сфера преступных интересов которых распространяется на незаконный оружейный бизнес, наркотрафик и др.

Таким образом, в отличие от иных общеуголовных преступных посягательств, анализируемые преступные проявления в большинстве случаев совершаются не одним и не двумя лицами, а многочисленными членами транснациональных преступных группировок. Причем на каждого фигуранта данных сообществ возложены определенные «профессиональные» обязанности, которыми они обладают лучше иных злоумышленников: вербовщика, перевозчика, похитителя, продавца, охранника и др. При этом роли отдельных представителей и фигурантов рассматриваемых транснациональных группировок могут варьироваться и быть подвержены изменениям в тех случаях, когда преступникам удастся одновременное совмещение нескольких обязанностей. Например, организаторы данных преступных посягательств параллельно могут вербовать новых жертв, а также решать вопросы по их беспрепятственной транспортировке в зарубежные страны [5, с. 36].

Вследствие того, что рассматриваемая преступная деятельность связана с необходимостью пересечения государственных границ различных стран, большинство экспертов работорговлю относят к преступным посягательствам международного характера и называют их транснациональными. Примечателен и тот факт, что в процессе вербовочной деятельности, а также подготавливая и отправляя будущих жертв работорговли за рубеж, злоумышленники довольно умело стремятся использовать создавшуюся негативную обстановку в своих странах для реализации преступных целей. Для большего доверия к себе со стороны намеряющихся жертв злоумышленниками предпринимаются разнообразные шаги, которые сводятся к обещаниям перспективной работы за рубежом, стабильного заработка, обеспечения их приличным жильем и даже выгодного замужества.

В то же время немаловажным является и то обстоятельство, что вербовочная деятельность, которую ведут преступники в отношении будущих потерпевших

в каждом из государств мира, в большинстве случаев отличается по своим формам и способам. В первую очередь преступники внимательно подходят к изучению демографических и иных особенностей лиц, проживающих в этих территориальных образованиях. В большинстве случаев в целях анализа личностных особенностей потенциальных жертв, проживающих в каком-либо из регионов, преступники-вербовщики в нем селятся и уже на месте изучают психологические типологии интересующих их лиц.

Чтобы в процессе вывоза за рубеж будущих жертв работорговли не возникало разного рода проблемных ситуаций, членами транснациональных преступных группировок, занимающихся работорговлей, которые ответственны за трафик живого товара, подготавливаются заграничные паспорта и визы, а также приобретаются билеты в страну назначения. Кроме того, при необходимости втягивания жертв в разного рода долговую зависимость, чтобы они не передумали покидать Родину, вербовщиками предпринимаются попытки по оказанию потенциальным потерпевшим финансовой помощи для приобретения одежды и иных вещей.

В связи с этим для результативного воздействия на организаторов и исполнителей рассматриваемой преступной деятельности чрезвычайно важна успешная правоохранительная работа в информационном пространстве. Необходимо, чтобы данная деятельность включала в себя формирование разного рода накопительных информационных баз и хранилищ участников международных преступных групп, которые были замечены в торговле людьми. Правоохранителям также важно заниматься сбором информационных данных не только о лицах, которые причастны к работорговле, но и ее жертвах, особенно тех, которые бесследно пропали. Подобные информационные массивы необходимо формировать во многих странах, которые сталкиваются с проблемой работорговли. Именно в данной области совместная консолидация информационных данных дружественных нашей стране государств по борьбе с работорговлей способно привести к значительному эффекту по данному направлению деятельности. Правоохранителям также необходимо заниматься организацией и проведением предупредительных мероприятий в сфере противодействия работорговле посредством минимизации причинного комплекса, который способствует этой преступной деятельности. Причем данный участок предупредительной работы предусматривает ведение агитационной деятельности, информационной пропаганды и просветительской работы в обществе. В том числе не менее важна виктимологическая профилактика для минимизации жертв рассматриваемых преступных посягательств.

Усиление мер ответственности и ужесточение репрессий в отношении лиц, участвующих в преступной деятельности, связанной с нелегальным трафиком людей на основе ужесточения санкций уголовно-правовых норм, также является неотъемлемой частью совершенствования борьбы с современными видами рабства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 127¹ УК РФ предусмотрен максимальный срок наказания, который составляет до шести лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 127² УК РФ до десяти лет, лишь ч. 3 данного уголовно-правового состава предусматривает наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет. Санкции за совершение преступных посягательств, предусмотренных ст. 127² УК РФ, также весьма лояльны. Частью 1 ст. 127² УК РФ предусмотрен максимальный срок наказания до пяти лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 127² УК РФ до десяти лет. Только ч. 3 данного состава предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Целесообразность ужесточения как минимум в два раза строгости наказания за совершение данных деяний, образующих анализируемые составы, определена и продиктована рядом чрезвычайно важных обстоятельств и причин. Довольно сложно гарантировать защиту пострадавшим от рассматриваемых преступных посягательств в условиях, когда санкции по всем трем частям анализируемой нормы не превышают шести лет лишения свободы. При этом также может быть назначено условное наказание или же, отбыв реальные две трети назначенного судом срока, преступники выйдут на свободу и смогут легко расправиться с жертвами работорговли, которые выступали в качестве свидетелей на данном процессе. Если за преступные посягательства, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 127¹ УК РФ и 127² УК РФ, санкции будут увеличены хотя бы до двенадцати лет лишения свободы, то, зная об этом, жертвам работорговли будет проще дать согласие на сотрудничество с правоохранителями и последующее участие в качестве свидетелей на судебном процессе по обвинению работорговцев. И наконец, существенное увеличение санкции за совершение рассматриваемого преступления позволит соблюсти принцип соразмерности наказания. Немаловажно и то, что санкция в двенадцать и более лет лишения свободы предложена автором с учетом анализа зарубежного законодательства, который свидетельствует о том, что при совершении преступных посягательств в сфере работорговли во многих странах виновных приговаривают к тюремному заключению на сроки от десяти до пятнадцати лет.

Кроме того, анализируемыми профилактическими мероприятиями, действиями и процедурами необходимо также охватывать государствен-

ный надзор и контроль за функционированием бизнес-структур, работающих в сфере модельного бизнеса, туристической индустрии, трудоустраивающих за рубежом россиян. По большей части это связано с тем, что в ряде таких коммерческих организаций транснациональными преступными сообществами вербуются будущие жертвы работорговли. Немаловажно также отметить, что следует стремиться к тому, чтобы любая деятельность, связанная с организацией трудоустройства за рубежом, строго лицензировалась, необходимо, чтобы любые договорные отношения в рассматриваемой сфере совершались самостоятельно гражданами без доверенных лиц, были зарегистрированы территориальными органами исполнительной власти, а копии данных документов направлялись в органы внутренних дел.

Ряд экспертов полагает, что рассматриваемые преступные посягательства обладают глубокими экономическими корнями. По данным представителей ООН, ежегодный доход от работорговли составляет не менее 7 млрд долларов. Причем это третий по прибыльности бизнес транснациональных преступных группировок. Он уступает только наркоторговле и торговле оружием [6, с. 188]. И поэтому важно акцентировать внимание на развитии экономических мер противодействия работорговле, в первую очередь сконцентрировавшись на сбалансированности политики в сфере экономики. В целях эффективного противодействия анализируемым преступным проявлениям уполномоченные на то государственные органы обязаны предоставить и обеспечить финансовую безопасность и экономическую поддержку инвалидам, нуждающимся, малоимущим, многодетным гражданам. Укрепление экономической ситуации в стране, а также хорошая устойчивость и сбалансированность экономических процессов, вне всякого сомнения, приведут к повышению жизненного уровня большинства граждан и, в том числе, сформируют необходимую основу по предупреждению рабства.

В заключение проведенного исследования подчеркнем, что «работорговля представляет собой противоправное, преступное деяние, целью которого является передача как самого человека, так и всех его прав и свобод за плату, на определенной территории, за определенный временной промежуток» [7, с. 16]. Именно по этой причине в первую очередь следует говорить о важности совершенствования специально-криминологического предупреждения торговли людьми. Специально-криминологическим предупреждением рассматриваемых преступных проявлений прежде всего занимаются государственные органы в сфере борьбы с преступностью, деятельность которых строится на выявлении лиц и организаций,

подозреваемых в совершении анализируемых преступных проявлений, своевременном пресечении и документировании их незаконной деятельности.

Одновременно с этим особую роль в анализируемой предупредительной работе могут иметь меры общесоциального предупреждения, поскольку именно они устраняют недостатки в социальной, нравственной, психологической и иных сферах общества. Немаловажным фактором является и то, что именно данные меры наиболее результативно способствуют улучшению трудовых условий в стране, борьбе с безработицей, обеспечению досуга и отдыха граждан, а также в целом направлены на повышение благосостояния людей. Как правило, данные меры всеохватывающие, широкомасштабные, разносторонние,

комплексные и непрерывные. Анализируя их содержание, можно отметить, что они могут быть социальными, воспитательными, управленческими и др.

В том числе немаловажно, что планирование результативных мер борьбы с данными преступными посягательствами возможно при определенных условиях, таких как: системный подход, основанный на нормах специального законодательства; постоянная научная проработка анализируемого феномена; мониторинг всех имеющихся проблем, включая высокую латентность данного явления; отслеживание активных миграционных потоков; упреждающий характер и системная основа комплекса используемых профилактических мероприятий в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Смирнов Г. К., Щепилов О. О. Защита жертв торговли людьми в уголовном судопроизводстве : справочно-методическое пособие / под общ. ред. А. Н. Рубцовой ; Н. В. Зайберт. СПб., 2009.
2. *Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности* : монография / под ред. С. М. Иншакова. М., 2012.
3. Борецкий А. В. Характеристика типичных личностных особенностей потерпевшего по делам о торговле людьми // Наука и новые технологии. 2012. № 3.
4. Ароновиц А., Тойерманн Г., Тюрюканова Е. Анализ торговли людьми как бизнесмодели: путь к более эффективному предотвращению преступления. Вена, 2011.
5. Глушков А. И., Головкин Н. В. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам о торговле несовершеннолетними : учеб. пособие для студентов Института детства. М., 2015.
6. Лебединец И. Н. Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работоторговлей и другими формами торговли людьми // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3(64).
7. Кобец П. Н. Психологическая реабилитация потерпевших от преступлений, совершенных с целью торговли людьми и криминальной эксплуатации человека // Юридическая психология. 2024. № 1.

УДК 343.7

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-246-252

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы толкования и квалификации альтернативных видов хищений, совершаемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств

Александра Ивановна Ситникова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и публичного права¹,

✉ orcrimpravo@yandex.ru

Геннадий Васильевич Назаренко

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и публичного права¹,
академик РАЮН, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,

✉ nazarenkogen@gmail.com

¹ Московский университет «Синергия» (Москва, Россия)

Об актуальности выбранной темы свидетельствуют трудности толкования и квалификации альтернативных видов хищений, совершаемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств. Предмет исследования образуют уголовно-правовые предписания об ответственности за мошенничество и кражу денежных средств, а также современная судебная практика применения норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение хищений, обозначенных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ. Цель — выявление критериев дифференциации альтернативных хищений. Научная новизна работы заключается в признании критериями дифференциации различных преступных действий, сформулированных в п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, не только способов, но и средств хищений. Авторы делают следующие выводы: 1) анализ судебной практики показывает, что критерии отграничения разных видов хищений играют важную роль при уголовно-правовой оценке содеянного; 2) в целях дифференциации составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконное завладение чужим имуществом с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 разъяснением, позволяющим точно квалифицировать преступные действия, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ; 3) для квалифицированного применения уголовно-правовых предписаний, предусмотренных ст. 159⁶ УК РФ, требуется внести уточнения в дефинитивное примечание к ст. 272 УК РФ, содержащее определение понятия «компьютерная информация». Имеющаяся практика реализации норм уголовного закона напрямую зависит как от качества уголовно-правовых предписаний и разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, так и от степени уяснения правоприменителем глубинного (концептуального) уровня текста уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: мошенничество, кража с банковского счета, электронные денежные средства, компьютерная информация, способ совершения, неправомерное завладение, средства совершения

Для цитирования: Ситникова А. И., Назаренко Г. В. Проблемы толкования и квалификации альтернативных видов хищений, совершаемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 246–252.

Problems of Interpretation and Qualification of Alternative Types of Embezzlements Involving Bank Account or Electronic Money

Alexandra I. Sitnikova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal and Public Law¹, ✉ orcrimpravo@yandex.ru

Gennady V. Nazarenko

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal and Public Law¹, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,

✉ nazarenkogen@gmail.com

¹ Moscow University „Synergy“ (Moscow, Russia)

The relevance of the selected topic is demonstrated by the difficulties in interpreting and qualifying alternative types of embezzlement involving bank accounts or electronic money. The subject of the study includes criminal law regulations on liability

for fraud and theft of money, as well as modern judicial practice of application of norms providing for criminal responsibility for the commission of thefts, designated by cl. "g" part 3 Art. 158, 159³, cl. "v" part 3 Art. 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose is to identify the criteria for differentiation of alternative embezzlements. The scientific novelty of the work consists of the recognition as the criteria for differentiation of various criminal acts, formulated in cl. "g" part. 3 Art. 158, art. 159³, cl. "v" part. 3 Art. 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, not only ways but also means of embezzlements. The authors draw the following conclusions: 1) an analysis of judicial practice shows that the criteria for distinguishing different types of embezzlements play an important role in the criminal-legal assessment of the act; 2) in order to differentiate offences, establishing liability for the illegal acquiring possession of someone else's property from a bank account or in relation to electronic funds, it is necessary to supplement the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No.48 with an explanation that makes it possible to accurately qualify the criminal acts provided for in cl. "g" part. 3. Art. 158, 159³, cl. "v" part. 3 Art. 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation; 3) for the qualified application of criminal law provisions provided for by Art. 159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to make clarifications in the definition note to Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, which contains a definition of the concept "computer information". The existing practice of implementing criminal law directly depends on both the quality of criminal-law regulations and explanations of Rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as on the extent to which the depth (conceptual) level of the text of criminal law rules is understood by the legal practitioner.

Keywords: fraud, theft from a bank account, electronic funds, computer information, the means of committing, unlawful acquiring possession, the tools of committing

Citation: Sitnikova A. I., Nazarenko G. V. Problems of Interpretation and Qualification of Alternative Types of Embezzlements involving Bank Account or Electronic Money. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 246–252. (In Russ.).

Политико-правовой предпосылкой включения в уголовный закон альтернативных видов мошенничества и кражи стало предложение Президента Российской Федерации В. В. Путина о внесении актуальных изменений и дополнений в отечественное уголовное законодательство в отношении признаков мошеннических действий¹. В связи с этим Верховный Суд РФ выступил с инициативой о введении в УК РФ новых видов мошенничества с учетом сферы совершения мошеннических действий. Предложение Президента об усилении противодействия мошенническим проявлениям и соответствующая инициатива высшего судебного органа страны завершились принятием Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Вполне логично, что в уголовный закон введены ст. ст. 159¹–159⁶ УК РФ, предусматривающие ответственность за ранее не известные виды мошеннических действий, и внесены необходимые изменения в санкции чч. 3, 4 ст. 159 УК РФ. При этом разработчики статей об альтернативных видах хищений обосновали потребность их введения в действующий уголовный закон необходимостью исключения ошибок, возникающих при квалификации мошеннических действий, а также в целях повышения результативности правоприменительных органов,

осуществляющих выявление и расследование фактов мошенничества в различных сферах деятельности².

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ ввел в диспозицию ч. 1 ст. 159³ УК РФ в качестве новых средств совершения мошеннических действий «электронные средства платежа». При этом законодатель исключил из данной диспозиции всех адресатов обманных действий, в том числе сотрудников кредитных, торговых и иных организаций. Одновременно в диспозиции ст. ст. 158 (п. «г» ч. 3) и 159⁶ (п. «в» ч. 3) УК РФ введены квалифицирующие признаки, указывающие, что хищения совершаются «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». Вместе с тем законодательные уточнения вызвали на практике проблемы, связанные с трудностями толкования и дифференциации смежных составов преступлений, в том числе тех составов, где предметами хищений выступают электронные денежные средства (ст. 159³ УК РФ) и денежные средства, похищенные с банковского счета, а также электронные денежные средства (п. «г» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ).

Традиционно считается, что основными критериями отграничения мошеннических действий, квалифицируемых по ст. 159³ УК РФ, от кражи и мошенничества в сфере компьютерной информации выступают способы совершения посягательств на чужую

¹ URL: <https://www.kremlin.ru/acts/signmentsexecution/16923> (дата обращения: 11.01.2025).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации: пояснительная записка к проекту Федерального закона. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

собственность. В литературе утверждается, что кража всегда совершается тайным способом (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), соответственно, мошеннические действия в сфере использования электронных средств платежа предполагают использование такого способа, как обман (ст. 159³ УК РФ) [1, с. 294, 305, 318]. Однако на сайте, где размещено постановление Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изменениями и дополнениями) находится текст, предваряющий постановление, который гласит: «**Кражей** (выделено в тексте) считаются и действия того, кто тайно либо **путем обмана** (выделено в тексте) воспользовался телефоном потерпевшего, подключенного к „мобильному банку“ или авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему чужими данными». Такое утверждение уязвимо, поскольку кража в отношении предмета посягательства, в качестве которого выступают денежные средства, совершается именно тайным способом, а обман как таковой имеет место при завладении различными средствами совершения хищения, такими как персональные данные потерпевшего и другие средства с использованием IT-технологий.

Автор данной трактовки фактически утверждает, что кража совершается не только тайным способом, но и путем обмана, тем самым отрицает отграничение кражи от мошенничества по тайному (скрытному) способу хищения. С этим мнением трудно согласиться, так как при совершении хищения денежных средств при использовании чужого смартфона, который его владелец передает в пользование субъекту преступления под воздействием обмана, изъятие денежных средств с чужого счета осуществляется таким образом, чтобы собственник этих средств не догадался, что его средства скрытно изымаются. Обман в таких случаях представляет собой лишь способ получения во временное пользование смартфона, чтобы совершить кражу чужих денежных средств.

Смешение способов изъятия денежных средств на практике ведет к ошибочной квалификации различных форм хищения. Исключение, пожалуй, составляют преступные деяния, квалифицируемые по ст. 158¹ УК РФ, так как мелкое хищение охватывает различные формы изъятия чужого имущества, в том числе такие, как мошенничество и кража.

В уголовно-правовой доктрине дискуссионные проблемы толкования диспозиции ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ сформировались на основе нетрадиционного подхода законодателя к описанию диспозиции компьютерного мошенничества [2, с. 72]. В результате научный спор ведется в отношении признаков состава мошен-

ничества в компьютерной сфере. К числу значимых дискуссий можно отнести различные мнения в отношении трактовки состава преступления, признаки которого даны в ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ. Так, в литературе утверждается, что в уголовно-правовом предписании, предусмотренном ст. 159⁶ УК РФ, сформулирован не состав мошенничества, а состав кражи [3] либо особый род хищения [4].

В юридической литературе справедливо отмечается, что обман как традиционный способ совершения мошеннических действий не может осуществляться в отношении технических средств [5, с. 716]. На наш взгляд, незаконное преобразование мошенниками компьютерной информации либо вмешательство в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей можно назвать обманом лишь условно, так как создание ложной информации не вводит в заблуждение потерпевшего и не ведет к добровольной передаче субъектам преступной деятельности имущества или права на него, как это имеет место при совершении традиционных видов мошенничества. Вместе с тем исследователи подвергают критике законодательное определение понятия «компьютерная информация». В связи с этим Л. А. Коврижных резонно считает, что «неоднозначное толкование того или иного понятия может стать причиной смысловой неточности и, в конечном итоге, привести к ошибкам в правоприменительной деятельности» [6]. Кроме того, доктринальные и правоприменительные трудности вызывает техническая терминология, использование которой требует специальных знаний.

Общее определение понятия «информация» дано в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Однако определение понятия «компьютерная информация» в данном законе отсутствует. Дефиниция указанного понятия сформулирована лишь в примечании 1 к ст. 272 УК РФ. Следует отметить, что определение понятия «компьютерная информация», которое дано в указанном примечании, имеет ряд существенных недостатков, препятствующих правильному толкованию и применению ст. 159⁶ УК РФ. В данной дефиниции в качестве видов компьютерной информации обозначены электрические сигналы, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Однако Верховный Суд РФ обосновал в своем официальном отзыве на законопроект от 7 апреля 2011 г. другой подход, поскольку справедливо отметил, что «термин «электрические сигналы» не вносит достаточной ясности в определение понятия компьютерной информации, в связи с чем требуется дополнительное пояснение»³.

³ Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 1/общ.-1583 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации».

Необходимо поддержать позицию Верховного Суда РФ о недостаточности включения в текст примечания № 1 к ст. 272 УК РФ термина «электрические сигналы». Для квалифицированного применения ст. 159⁶ УК РФ, на наш взгляд, необходимо учитывать все виды информации, которые не охватывает легальное определение понятия «компьютерная информация», поскольку информация может циркулировать вне электрических сигналов. Эта субстанция в настоящее время результативно передается по беспроводным каналам связи, посредством использования электромагнитных сигналов и оптоволокон, а также может успешно храниться на флэш-картах, CD-дисках, Blu-Ray (универсальный формат) и обеспеченных жестких дисках.

В связи с этим требуется некоторая модернизация легальной дефиниции понятия «компьютерная информация». Оптимальное определение, учитывающее все виды информации, может быть следующим: *компьютерная информация представляет собой данные, зафиксированные в цифровой форме на любом носителе, независимо от средств его хранения, обработки и передачи посредством существующих компьютерных систем либо информационно-телекоммуникационных сетей*. Данное определение охватывает все носители информации, включая магнитные, оптические диски; всевозможные поверхности с нанесенными на них линейными или двумерными кодами и волокно-оптические линии, а также электромагнитные поля различных радиоканалов цифровой связи.

Следует отметить, что при совершении мошеннических действий в сфере компьютерной информации хищение осуществляется за счет комбинации технических приемов [7, с. 107–112], которые можно оценить как обман лишь условно, поскольку субъект преступления вводит ложную информацию, удаляет законную информацию, блокирует либо модифицирует ее таким образом, чтобы совершить хищение с банковского счета или электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ). Например, С. совершил умышленное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, находящейся в мобильном устройстве, посредством ввода в мобильное устройство программного обеспечения, получил незаконный онлайн-доступ к системе и из корыстных побуждений умышленно похитил денежные средства с банковского счета Б. путем ввода и модификации компьютерной информации, переведя их на собственный счет⁴.

В случае незаконного преобразования компьютерной информации из корыстных побужде-

ний в целях завладения чужими денежными средствами обман физического лица, который имеется ввиду в ст. 159 УК РФ, отсутствует, поскольку первичное воздействие субъект преступления оказывает на компьютерную информацию. Законодатель в качестве способа мошенничества в сфере компьютерной информации указывает незаконное «вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей».

Кроме того, разграничение хищений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, проводится и посредством совершения соответствующих действий. Этот признак указан в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Последнее гласит, что средствами кражи, квалифицируемой по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, совершенной с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, и мошенничества в сфере компьютерной информации, квалифицируемого по п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, выступают такие средства вычислительной техники, как смартфоны, планшеты и ноутбуки, которые имеют соответствующее программное обеспечение. В отличие от указанных преступлений, средствами совершения мошеннических действий, указанных в ст. 159³ УК РФ, являются электронные средства платежа, например, в виде платежных карт, электронных кошельков, банковских терминалов, банкоматов. Согласно Положению ЦБ РФ, регламентирующему порядок использования платежных карт, имеется три их разновидности: расчетная, кредитная, предоплаченная. Иные карты, например накопительная, подарочная, бонусная, средствами совершения мошенничества, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, не являются.

Необходимо отметить, что электронные денежные переводы уполномочены осуществлять банки, а также и не банковские кредитные организации, получившие лицензии Центробанка РФ на реализацию соответствующей деятельности. В связи с этим при осуществлении денежных переводов кредитной организацией, не имеющей необходимой лицензии, деяние виновного лица надлежит квалифицировать как мошенничество по ст. 159 УК РФ, как действия, не подпадающие под признаки ст. 159³ УК РФ.

Мошенничество, совершаемое с использованием платежных карт, имеет две разновидности: с использованием подлинных или поддельных карт [8, с. 98]. Правоприменительная практика при квалификации действий мошенника с применением подлинных карт (найденных или похищенных) крайне противо-

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 9 июля 2019 г. по делу № 1-886/2019. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 11.01.2025).

речива и неоднозначна. Так, районный суд г. Ульяновска признал действия виновного в совершении хищения денежных средств с помощью чужой карты через банкомат кражей⁵, в другом случае подобные действия Красноярский областной суд квалифицировал как мошенничество⁶. Оба варианта квалификации в приведенных примерах суды рассматривали до разработки Пленумом Верховного Суда РФ новой редакции постановления № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Однако и после принятия рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ суды по-разному применяют уголовно-правовые предписания о хищениях чужого имущества. Так, Черняховский городской суд Калининградской области квалифицировал действия К. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. К. нашел банковскую карту, принадлежащую И., произвел оплату товаров в различных магазинах и кафе, похитив денежные средства. При этом действия К. не были доведены до конца, поскольку банковская карта была заблокирована потерпевшим. Суд апелляционной инстанции исключил из приговора квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба». Шестой кассационный суд общей юрисдикции переквалифицировал действия осужденного на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159³ УК РФ. В кассационном определении указано, что квалификация хищения по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ возможна только при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ. По статье 159³ УК РФ следует квалифицировать действия лица в случаях, когда хищение имущества осуществляется с использованием принадлежащей другому лицу пластиковой карты, путем сообщения уполномоченному работнику торговой организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконности владения им платежной картой. В связи с этим суд кассационной инстанции пришел к выводу о необходимости переквалифицировать содеянное на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159³ УК РФ. Ссылка суда кассационной инстанции на разъяснения, содержащиеся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, является необоснованной, поскольку эти разъяснения даны к ранее действовавшей редакции ст. 159³ УК РФ. Однако Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. в ст. 159³ УК РФ внесены изменения,

исключающие из диспозиции статьи указание на обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. В связи с этим определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 г. подлежит отмене с передачей дела на новое кассационное рассмотрение⁷.

В настоящее время в соответствии с пунктом 17 данного постановления действия лица, совершившего незаконное изъятие чужих денежных средств из банкомата посредством обманно приобретенных персональных данных потерпевшего, подлежат квалификации в качестве кражи, поскольку хищение осуществляется тайным способом, а завладение средством совершения кражи происходит за счет обмана. Тайный способ незаконного завладения денежными средствами прямо свидетельствует о совершении хищения денежных средств с банковской карты, персональные данные которой получены виновным обманным путем, в форме кражи. Так, потерпевшая М. вступила в общение с ранее знакомым К. по смартфону. О том, что он находится в местах лишения свободы, она не знала. В ходе переписки К. сообщил, что она ему нравится, и предложил начать с ним отношения, пояснил, что работает в строительной компании, отметил, что у него отсутствует банковская карта и попросил реквизиты ее банковской карты для создания личного кабинета. После чего на счет ее карты придут денежные средства от строительной компании. При этом К. пояснил, что поступающие коды от банка М. должна сообщить ему. М., поддавшись обману, отправила К. данные своей банковской карты и код из смс-сообщения. Таким образом, через банковское приложение К. обеспечил доступ к управлению денежными средствами, находящимися на банковском счете потерпевшей. В результате К. тайно похитил денежные средства потерпевшей, при этом он использовал конфиденциальную информацию владельца денежных средств. Хищение было совершено скрытно от потерпевшей, действия К. носили характер кражи. По приговору Ленинского районного суда г. Ульяновска К. был осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁸.

В судебной практике сложились разные подходы к оценке действий лица, которое незаконно завладело чужими денежными средствами посредством использования платежных карт: в одних случаях такие действия квалифицируются как традиционное мо-

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 10 января 2016 г. по делу № 02-14/2016 г. URL: <https://www.rospravosudie.com/> (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ Определение Красноярского областного суда от 9 января 2013 г. по делу № 14-122/2013. URL: <https://www.rospravosudie.com/> (дата обращения: 22.11.2024).

⁷ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. по делу № 12-УДП20-5-К6. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 17.01.2025).

⁸ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 13 апреля 2022 г. по делу № 22-693/2022. URL: <https://www.uloblsud.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

шенничество (ст. 159 УК РФ), в других — как мошеннические действия в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ) либо мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ). Существующая судебная практика вполне подтверждает неоднозначность толкования и применения указанных статей.

Первый пример (ст. 159 УК РФ): *Л., имея преступный умысел на совершение хищения денежных средств кредитно-финансовых учреждений путем получения кредитов по поддельному паспорту, подал заявку на оформление и выдачу кредитной карты банка. Далее Л. получил от представителя банка кредитную карту с лимитом 60 000 руб., с которой скрылся с места совершения преступления. Преступный умысел Л. не удалось реализовать до конца, поскольку кредитная карта была заблокирована сотрудниками банка. Виновный был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ⁹.*

Второй пример (ст. 159¹ УК РФ): *А., имея преступный умысел на хищение денежных средств путем использования ложных сведений о своем регистрационном учете по месту пребывания, оформила пакет документов на получение кредита в размере 300 000 руб. Денежные средства были перечислены на ее счет и с помощью банковской карты похищены. Действия виновной были квалифицированы по ч. 1 ст. 159¹ УК РФ¹⁰.*

Третий пример (ст. 159³ УК РФ): *Н., имея умысел на совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа, путем свободного доступа похитил карту с возможностью оплаты до 1000 руб. без введения пароля, совершил оплату товаров в магазинах на общую сумму 5103 руб. Приговором мирового суда судебного участка № 103 района Южное Бутово г. Москвы признал Н. виновным в совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа по ч. 1 ст. 159³ УК РФ¹¹.*

Таким образом, приведенная судебная практика квалификации незаконных действий лиц, совершивших хищение денежных средств с использованием платежных карт, имеет неоднородный характер, поскольку одни и те же действия в отношении денежных средств с использованием одного и того же средства незаконного завладения чужим имуществом (платежной карты), квалифицируются как традиционное мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ) либо как мошенничество

с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ). На наш взгляд, причиной имеющих расхождений является несовершенство законодательных предписаний. Особенно в этом отношении отличается ст. 159³ УК РФ, в которой сформулирована норма, содержащая малоинформативную диспозицию, полностью совпадающую с заголовком указанной статьи.

В заключение отметим: рассмотренная в настоящей статье судебная практика наглядно показывает, что уголовно-правовая оценка хищений, осуществляемых с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, имеет существенные расхождения, поскольку содеянное квалифицируется по ст. ст. 158, 159³ либо 159⁶ УК РФ. В целях правильной уголовно-правовой оценки действий виновных, осуществляющих незаконное завладение чужим имуществом с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 разъяснением, позволяющим дифференцировать квалификацию преступных действий, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ. На наш взгляд, предпосылкой введения дополнения в постановление высшего судебного органа могут быть рекомендации следующего содержания:

1) если тайное хищение денежных средств осуществляется без ввода, удаления, блокировки и других манипуляций с компьютерной информацией, то действия лица, которое использовало в своих интересах или в интересах других лиц похищенные денежные средства, подлежат квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;

2) если виновный из корыстных побуждений за счет компьютерных технологий незаконно получил доступ к расчетному счету, принадлежащему другому лицу, а затем перевел чужие средства на свой счет и распорядился похищенными средствами по своему усмотрению, то содеянное подлежит квалификации по ст. 159⁶ УК РФ как мошенничество в сфере компьютерной информации;

3) если собственник денежных средств под воздействием обмана переводит денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства путем безналичного расчета, используя фишинговые ссылки платежных систем, на счет заинтересованного лица, действия виновного следует квалифицировать по ст. 159³ УК РФ как мошенничество с использованием электронных средств платежа;

⁹ Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы по делу №01-0404/2019). URL: <https://www.rospravosudie.com/> (дата обращения: 22.01.2025).

¹⁰ Приговор от 20 февраля 2019 г. по делу №9-103/2019. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 17.01.2025).

¹¹ Приговор 17 декабря 2020 г. по делу №01-0008-103/2020. URL: https://www.rospravosudie.com (дата обращения: 25.01.2025).

- 4) если лицо обманным способом завладело персональными данными другого лица или иными техническими средствами, позволяющими осуществлять денежные операции, а затем тайным способом совершило незаконное изъятие денежных средств, действия виновного надлежит квалифицировать как кражу по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;
- 5) совершение хищения с банковского счета возможно только в отношении безналичных и электронных денежных средств.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред А. И. Чучаев. М., 2022.
2. Рускевич Е. А., Фролов М. Д. Мошенничество в сфере компьютерной информации : монография. М., 2020.
3. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. М., 2012.
4. Тропинина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : комментарий с путеводителем по судебной практике / под ред. А. И. Чучаева. М., 2021.
6. Коврижных Л. А. О подходах к определению понятия «компьютерная информация» // Неволинские чтения. Вопросы совершенствования высшего юридического образования на современном этапе : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2017.
7. Ситдикова Г. З. К вопросу о квалификации мошенничества, совершенного с использованием мобильного устройства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4(12).
8. Архипов А. В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России : монография. М., 2020.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-253-257

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Стратегические основы механизма криминологического противодействия коррупции

Елена Викторовна Стебенева

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела ¹,

✉ st.el@list.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Авторское видение стратегических основ механизма криминологического противодействия коррупции выразилось в анализе существующей Национальной стратегии противодействия коррупции с указанием конкретных недостатков и предложений по ее совершенствованию (периодизация, целеполагание, постановка задач). Приводя национальные планы как тактическое продолжение реализации стратегических основ противодействия коррупции, автор выделил позиции, требующие изменения в целях повышения эффективности рассматриваемой деятельности, в частности кластерного (модульного) планирования противодействия коррупции.

Ключевые слова: криминологическое противодействие коррупции, коррупционная преступность, стратегия и тактика противодействия

Для цитирования: Стебенева Е. В. Стратегические основы механизма криминологического противодействия коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 253–257.

Strategic Framework of the Mechanism for Criminology-Based Combatting Corruption

Elena V. Stebeneva

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, doctoral student of the science and research department ¹,

✉ st.el@list.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

The author's vision of the strategic framework of the mechanism for criminology-based combating corruption was expressed in an analysis of the existing National Anti-Corruption Strategy, with specifying shortcomings and proposals for its improvement (periodicity, targeting, setting goals). The national plans are presented as a tactical continuation of the implementation of the anti-corruption strategic framework, highlighting the positions that require changes in order to improve the effectiveness of the activities under consideration, in particular the cluster (module) anti-corruption planning.

Keywords: criminology-based combating corruption, crimes of corruption, strategy and tactics of combatting

Citation: Stebeneva E. V. Strategic Framework of the Mechanism for Criminology-Based Combatting Corruption. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 253–257 (In Russ.).

Механизм криминологического противодействия коррупции, являясь многоэлементной, разнородной системой, в первую очередь базируется на доктринально-концептуальных основах с учетом идеологического базиса, пронизывающего весь конструкт модели рассматриваемого механизма [1]. Сущностная природа идеологии такова, что она действует лишь как замысел, в виде совокупности идей, взглядов и т. д., пока не найдет свое воплощение в практической плоскости, а именно через концептуальные основы в стратегическом разрешении тактики реализации [2, с. 33].

Это в свою очередь предполагает, что стратегические основы, будучи закономерным продолже-

нием концептуальных начал криминологического противодействия коррупции, играют в механизме его реализации основополагающую роль, призванную консолидировать и интегрировать антикоррупционную деятельность всех субъектов, принимающих участие в профилактике коррупционных преступлений и иных правонарушений, в преодолении последствий коррупционных деяний, влияющих на снижение уровня коррупционной преступности, и др. [3].

Согласимся, что любая государственная стратегия, в том числе стратегия противодействия коррупции, является концентрированным выражением теории и практики конституционного строительства

демократического правового государства, основное содержание которой заключается в разработке, обосновании и претворении в жизнь определенного комплекса задач, строго ориентированных на укрепление законности и правопорядка [4, с. 173] (в нашем случае — антикоррупционного). Поэтому государственная стратегия противодействия коррупции — это программный комплекс действий на длительную перспективу, определяющий задачи, силы, средства, способы и приоритеты в рассматриваемой деятельности при опоре на концептуальные основы. Именно такое соподчинение (иерархия) видится нам логичным и разумным, что не всегда наблюдается в государственном планировании.

Имеющаяся на сегодняшний день в России Национальная стратегия противодействия коррупции¹ (далее — Стратегия), выстроена, на наш взгляд, недостаточно логически верно и не полностью отвечает современным реалиям. Так, отмечается отсутствие в Стратегии конкретных этапов и сроков реализации, которые воплощались бы в дальнейших планах противодействия коррупции на определенный временной отрезок, тем самым определяя периодизацию планирования. Содержание Стратегии требует дополнения, например, в виде разработки матриц с поэтапным (календарным) программированием деятельности: краткосрочное — 1–3 года; среднесрочное — 4–10 лет; долгосрочное — свыше 10 лет [5, с. 61].

Стратегия должна быть признана продолжением концептуальных основ, где указываются конкретные задачи, реализующие приоритетные направления, заданные как концептуально выверенные векторы. В действующей Стратегии задачи недостаточно разработаны. Так, в пункте 6 раздела II Стратегии заявлены всего три задачи, касающиеся законодательных и организационных основ, организации исполнения законодательных актов и антикоррупционного поведения, что недостаточно и незаслуженно мало отражает весь комплекс требующихся задач для достижения поставленных целей. В рассматриваемом документе обозначена всего одна — искоренение причин и условий, порождающих коррупцию (п. 5 раздела II Стратегии), что является малодостижимым и вряд ли осуществимым (даже без заявления одной из задач выявления причин и условий коррупции), тогда как именно Стратегия призвана продолжить целевой аспект логического содержания механизма криминологического противодействия коррупции. При этом указанные в п. 8 раздела IV Стратегии основные направления больше подходят к названию задач и так-

же требуют расширения и конкретизации, которые в последующем реализовались бы в тактике противодействия коррупции, а именно, в национальных планах. Как один из возможных вариантов можно было бы предложить проблемный подход, например, связать обозначенные проблемы, задачи и меры по их разрешению, тем самым обеспечив более предметно (объектно) блок требующихся управленческих решений [5, с. 61].

Стратегия должна выступать как программа действий соответствующих субъектов противодействия коррупции с учетом доктринально-концептуальных основ в виде целей, принципов и приоритетных направлений, чего в действующей Стратегии мы не видим. Одним из недостатков Стратегии является отсутствие предлагаемых сил и средств, оценок реальных затрат и критериев эффективности деятельности, что отмечали и иные авторы [6, с. 53].

Таким образом, принятая в 2010 г. Национальная стратегия противодействия коррупции является неполной, требует актуализации с учетом разработанных доктринально-концептуальных, идеологических основ, политических и социальных изменений.

Стратегия в свою очередь служит базисом тактики, вырабатываемой на основе планирования. Существующие национальные планы противодействия коррупции в России выступают как тактические приемы реализации стратегически важных задач с учетом концептуальных основ противодействия коррупции. Тактика противодействия коррупции (антикоррупционная тактика), являясь непосредственным инструментом воплощения в жизнь концептуально выверенных и стратегически определенных инструментов противодействия коррупции, предполагает на основе программного планирования достижение поставленных задач через выполнение отдельных антикоррупционных мер. Анализ национальных планов Российской Федерации по противодействию коррупции за 2009–2024 гг. показывает не совсем верное планирование проводимых мероприятий, так как строится на видовом разделении мер, но слабо учитывает видовое разделение коррупции, что предполагает планирование по сферам распространения коррупции. Однако именно учет специфики той или иной социальной сферы позволит более точно и конкретно выявить проблему и воздействовать на нее. Несомненно, имеющиеся ведомственные планы, реализуемые в соответствии с национальными, учитывают эту специфику, но лишь отчасти, так как строятся по тому же принци-

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пу, как и первый. Кластерное, модульное, контурное и иное построение планов по сферам распространения коррупции способствовало бы, по нашему мнению, более эффективному планированию противодействия коррупции.

Реализация стратегических основ противодействия коррупции невозможна без определения объектов и субъектов антикоррупционной деятельности. В статье 5 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» перечислены основные субъекты, реализующие организационные основы исследуемой деятельности. К ним отнесены: Президент РФ; Федеральное Собрание РФ; Правительство РФ; Счетная палата РФ; Генеральная прокуратура РФ; федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, иные органы, формируемые по решению Президента РФ для координации деятельности в области противодействия коррупции. Однако явно прослеживается несогласованность с п. 7 ст. 3, с пп. 2, 4 ст. 7 указанного Закона, где предусмотрены социальный контроль за деятельностью государственных органов; взаимодействие правоохранительных и иных государственных органов с гражданами и институтами гражданского общества, но последние в качестве субъектов, осуществляющих противодействие коррупции, не упоминаются, при этом в ст. 13.3 Закона предусмотрена обязанность организаций предпринимать меры по предупреждению коррупции.

Согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» граждане, общественные объединения и иные организации не относятся к субъектам регулируемой деятельности, но п. 4 ст. 2 отнесены к лицам, оказывающим помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений, что законодательно закрепляет легальность их профилактической деятельности. Таким образом, мы имеем неопределенность в правовом статусе в качестве субъекта противодействия коррупции представителей общественности, что в том числе сказывается и на уровне активности их участия в исследуемой деятельности, это отмечают и другие ученые [7; 8].

Так, представительство институтов гражданского общества в комиссиях по координации по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации является не столь значительным. Например,

лишь 26,2% составило представительство торгово-промышленной палаты субъектов РФ в указанных региональных комиссиях, что неоправданно мало, учитывая распространенность коррупции в коммерческой деятельности и их высокую антикоррупционную возможность в обеспечении антикоррупционной безопасности хозяйствующих субъектов. При этом широко используется в указанных комиссиях представительство региональных общественных палат субъектов РФ (в 90,5% всех исследованных региональных комиссиях), но достаточно редки какие-либо заслуживающие внимание предложения от их представителей в сфере противодействия коррупции [9, с. 87, 92–94, 123].

В совокупности представители общественности выполняют функцию социального контроля, который является неотъемлемой частью противодействия коррупции наравне с государственным, что служит усилению механизмов профилактического контроля [10], позволяющих повысить эффективность противодействия правонарушениям коррупционной направленности, а это, в свою очередь, предполагает внесение изменений в рассмотренное выше федеральное законодательство и активизацию вовлечения представителей общественности в антикоррупционную деятельность.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение в качестве субъекта противодействия коррупции органов прокуратуры, которые Федеральным законом «О противодействии коррупции» наделены координирующей функцией деятельности правоохранительных органов РФ в борьбе с коррупцией; правом взаимодействия с компетентными органами иностранных государств по отдельным вопросам в сфере противодействия коррупции и др.²

Более того, в системе органов прокуратуры созданы специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, в чьи задачи входит своевременное предупреждение средствами прокурорского надзора коррупционных правонарушений, выявление и устранение их причин и условий; прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции; возмещение вреда, причиненного коррупционными правонарушениями, и др. Данные полномочия периодически расширяются³.

Прокуратура Российской Федерации как единая федеральная централизованная система ор-

² Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции : приказ Генпрокуратуры России от 10 октября 2022 г. № 581.

³ О новых полномочиях прокуроров в сфере контроля за законностью получения денежных средств лицами, представляющими сведения о доходах, их супругами и несовершеннолетними детьми : информационное письмо Генпрокуратуры России от 20 апреля 2022 г. № 86-13-2022/Иф5433-22. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/combating-corruption-in-proc/met/inf?item=74460341> (дата обращения: 10.03.2025).

ганов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющая иные функции, возглавляемая Генеральным прокурором РФ, назначаемым на должность Президентом РФ, выполняет в сфере противодействия коррупции особые (исключительные по своей автономности и направленности) функции через реализацию специфических задач⁴. Выделение нами органов прокуратуры в качестве особого субъекта в механизме криминологического противодействия коррупции аргументировано тем, что анализ его деятельности в исследуемой области дает обоснование идентифицировать его как координирующий субъект во всей системе субъектов противодействия коррупции. В свою очередь это определяет необходимость возможного расширения полномочий органов прокуратуры в целях распространения координирующей функции не только на правоохранительные органы, как это предусмотрено антикоррупционным законодательством, но и на иных субъектов антикоррупционной деятельности.

Достаточно продолжительно идет научная и политическая дискуссия о выделении в системе субъектов антикоррупционной деятельности отдельного независимого федерального органа по противодействию коррупции, основанием создания которого служит в том числе зарубежный опыт [11; 12]. Доводами за создание независимого антикоррупционного органа является то, что это способствует реализации антикоррупционного законодательства и повышает качество координационной функции в противодействии коррупции. Поэтому учреждение федерального органа исполнительной власти по вопросам противодействия коррупции способствовало бы изменению структурной вертикали власти и появлению новых подходов в организации антикоррупционной деятельности. Однако, на наш взгляд, расширение полномочий органов прокуратуры восполнило бы отсутствие в России отдельного федерального органа по противодействию коррупции и усилило бы позиции как координирующего органа в механизме криминологического противодействия коррупции, что требует тщательной проработки и дополнительных исследований в целях внесения изменений в федеральное законодательство (Федеральный закон «О противодействии коррупции», Федераль-

ный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и др.). Кроме того, практически во всех субъектах РФ имеются специализированные региональные государственные антикоррупционные органы или иные органы, на которые возложены функции по противодействию коррупции [13].

Объектами антикоррупционного воздействия является непосредственно коррупция как социальное явление через ее проявления в видах коррупционных правонарушений; иные социальные явления, оказывающие влияние на коррупцию и выступающие как коррупциогенные детерминанты (бюрократизм, фаворитизм, nepотизм и др.); лица, совершившие (совершающие) коррупционные деяния; правоуполномоченные лица как объекты привития основ антикоррупционного поведения; нормативные правовые акты, регламентирующие антикоррупционную деятельность.

Например, согласно проводимому опросу по восьми федеральным округам РФ⁵ почти половина граждан среди причин коррупции выделила распространенность клановости и семейственности среди чиновников, что является ничем иным как nepотизмом — явлением, на которое, помимо прочих объектов, должны быть направлены антикоррупционные меры.

В заключение отметим, что в механизме криминологического противодействия коррупции на основе идеологических и доктринально-концептуальных основ строится антикоррупционная планомерная стратегия и поступательная тактика, находящие выражение в приоритетных направлениях антикоррупционной деятельности путем воздействия на объекты профилактики субъектами рассматриваемого противодействия.

В системе субъектов противодействия коррупции отдельное место занимают органы прокуратуры, выполняющие роль координирующего и специального субъекта, чьи полномочия требуют расширения путем внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство. В целях усиления роли представителей общественности в противодействии коррупционным правонарушениям, в том числе преступлениям, также требуется предусмотреть их участие в формировании организационных основ рассматриваемой деятельности в федеральном законодательстве.

Существующая Национальная стратегия противодействия коррупции требует кардинальной дора-

⁴ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1.

⁵ С 2024 г. автором проводилось исследование по восьми федеральным округам РФ: г. Архангельск, г. Грозный, г. Донецк, г. Екатеринбург, г. Иваново, г. Иркутск, г. Калининград, г. Краснодар, г. Красноярск, Ленинградская область, г. Москва, г. Нижний Новгород, г. Новокузнецк, г. Омск, г. Рязань, г. Самара, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, г. Симферополь, г. Сочи, г. Тамбов, г. Томск, г. Тюмень, г. Челябинск, г. Чита, г. Якутск, г. Ярославль и др. (по состоянию на 5 июня 2025 г. опрошено 329 чел.).

ботки по внесению изменений с указанием конкретных стратегических этапов и сроков ее реализации (тактико-стратегических матриц), определяя периодизацию дальнейшего тактического планирования; дополнению и постановки цели, задач, направлений с учетом концептуальных основ (пп. 5, 6, 8 Стратегии) путем проблемно-управленческого подхода; определению требуемых сил и средств, критериев эффективности деятельности, выполняя функцию стратегической программы как основы тактического планирования противодействия коррупции.

Антикоррупционную тактику, находящую выражение в национальных, региональных, ведомственных планах, требуется выстраивать на основе

функционального подхода с учетом специфики социальных сфер распространения коррупции, что предполагает кластерное (модульное) планирование противодействия коррупции и призвано повысить эффективность и качество рассматриваемой деятельности. Это позволит не только усовершенствовать стратегическое планирование в рассматриваемой сфере, задаст направление государственному управлению, но и послужит обеспечению национальной безопасности страны в целом [14], что предполагает предпринять стратегическую трансформацию проведения антикоррупционной политики через реализацию приоритетных векторов совершенствования.

Список источников

1. Стебенева Е. В. Доктринально-концептуальные основы криминологического противодействия коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20, № 2.
2. Шишкарев С. Н. Концептуальные и правовые основы российской антикоррупционной политики : монография. М., 2010.
3. Стебенева Е. В. Механизм противодействия коррупции (структурная модель и ее элементы) // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : мат-лы межвед. науч.-практ. конф. СПб., 2024.
4. Противодействие коррупции : учебник / под общ. ред. Е. В. Охотского. 2-е изд., испр. М., 2017.
5. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономики в РФ (макет-проект) / С. С. Сулакшин, И. Р. Ахметзянова, М. В. Вилисов и др. ; под общ ред. С. С. Сулакшина. М., 2009.
6. Эминов В. Е., Максимов С. В. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России : монография. М., 2015.
7. Бородин О. А. Субъекты обеспечения процесса противодействия коррупции в России // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3(26).
8. Цирин А. М., Матулис С. Н., Молчанова М. А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4(65).
9. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Комиссии по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации: состояние, проблемы и пути их решения : монография. Казань, 2023.
10. Желудков М. А., Алексеева А. П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(102).
11. Игитов А. М. Концепция национального органа по противодействию коррупции как новый инструмент в борьбе с ней // Актуальные вопросы противодействия коррупции в публичном и частном секторах : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2022.
12. Паук Н. Н. Наиболее эффективный орган противодействия коррупции // Государственная служба. 2012. № 2(76).
13. Сабитова Э. Н. Комитет по противодействию коррупции Республики Крым как субъект антикоррупционной политики государства // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 24.
14. Бавсун И. Г. Документы стратегического планирования в механизме административно-правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина в связи со 100-летием со дня рождения. СПб., 2024.

УДК 340.1:343

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-258-264

5.1.4. Уголовно-правовые правовые науки

Цифровой Паноптикон: изменяя уголовно-правовые догмы

Илья Александрович Белецкий

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики¹,

✉ abinik@inbox.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

В статье по мотивам публикаций доктора философских наук Д. В. Попова представлена гипотеза, согласно которой эволюция цифрового Паноптикона неизбежно повлечет необходимость пересмотра некоторых уголовно-правовых догм. Развитие сети камер видеонаблюдения, интегрированных с искусственным интеллектом, который способен уже сейчас идентифицировать личность и, вероятно, в обозримом будущем сможет идентифицировать преступление, нельзя не учитывать при разработке новой концепции уголовного закона. В частности, пересмотру могут подлежать признаки тайности хищения, публичности совершения запрещенных уголовных законом действий, собирания сведений о частной жизни лица.

Ключевые слова: уголовное право, цифровой Паноптикон, надзор, контроль преступности, тайное хищение

Для цитирования: Белецкий И. А. Цифровой Паноптикон: изменяя уголовно-правовые догмы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 258–264.

Digital Panopticon: Changing Criminal Law Dogmas

Ilya A. Beletsky

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminalistics¹

✉ abinik@inbox.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

The article on the basis of the publications of the doctor of philosophical sciences D.V. Popov presents a hypothesis according to which the evolution of the digital Panopticon will inevitably entail the need to review some criminal law dogmas. The development of a network of video surveillance cameras, integrated with artificial intelligence that is already able to identify individuals and probably in the foreseeable future will be able to identify crimes, cannot be ignored when developing a new concept of criminal law. In particular, features of covert nature of embezzlement, commission of criminal acts prohibited by law in public, collection of information on a person's private life may be subject to review.

Keywords: criminal law, digital Panopticon, supervision, crime control, covert embezzlement

Citation: Beletsky I. A. Digital Panopticon: Changing Criminal Law Dogmas. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 258–264 (In Russ.).

Мы из Советского Союза, прибыли по культурному обмену. Наши знают, где мы. Ищут.

х/ф «Кин-дза-дза» (реж. Г. Данелия, 1986).

Что может цифровой Паноптикон?

Три четверти века назад в свет вышел известный роман-антиутопия, в котором изображено общество будущего. Уже тогда Эрик Артур Блэр описал не просто Паноптикон как способ управления, точнее, даже

надзора, а именно цифровой Паноптикон — памятный, зрячий, трансформирующий, бесчеловечный и безжалостный и, очевидно, использующий последние достижения науки и техники — в представлениях писателя.

Продолжая научный дискурс о биополитике, Дмитрий Владимирович Попов не просто не оставляет читателя равнодушным, он заставляет задуматься о будущем. Диспозитивы, описанные Д. В. Поповым [1, с. 174; 2, с. 278], внушают доверие и надежду как позволяющие соблюсти право человека остаться человеком, а не превратиться в *homo captivus* (человека-узника) [2, с. 287]. Вместе с тем появление цифрового Паноптикона, даже при соблюдении упомянутых диспозитивов, заставляет предположить, что некоторые догмы уголовного права должны измениться. Неизбежно.

Суть цифрового Паноптикона удачно описана О. В. Кильдюшовым: «Полиция приблизительно точно знает, где находится и чем занимается в любое время дня каждый гражданин... В подобном государстве преступление есть нечто крайне необычное; ему предшествует известное необычное движение. В государстве, где все есть порядок и все идет по струнке, полиция сразу же замечает это необычное движение... целью полиции является установление настолько прозрачного порядка, чтобы он сделал незаконные действия невозможными» [3]. Цифровой Паноптикон сегодня уже не просто архитектурное решение для здания, это не просто мировая сеть технических решений с искусственным интеллектом, способных *постоянно* наблюдать за нами, это способ государственного управления.

«Паноптикон — инструмент наблюдения и *ipso facto* власти; бесспорно. Условием наблюдения и *ipso facto* власти является видимость наблюдаемого» [4, с. 12]. Государство, совершенно очевидно, стремится искоренить преступность, а потому паноптизм, синоптизм и даже паноптический крадуфандинг видятся чем-то неизбежным [5].

В 2007 г. на улицах английского города Миддлсбро установили видеокamеры с динамиками, позволяющие напрямую разговаривать с людьми на улице. Министр внутренних дел Д. Рид сказал, что эта технология является частью общей политики правительства по борьбе с антисоциальным поведением и поиску инновационных способов остановить преступность, и она доказала свою эффективность¹.

Камеры стали умнее. Теперь они оснащены морфобиометрическими датчиками, способными точно определять ненормальное поведение, наблюдать за движением толпы, обнаруживать подозрительное поведение. Британская компания Internet Eyes изобрела метод, который позволяет каждому пользователю Интернета следить за другими людьми из любой точки мира с персонального компьютера, просматривая каналы с камер, установленных на пред-

приятиях, зданиях или улицах. Пользователи могут направлять оповещения полиции, если заметят подозрительное поведение. В зависимости от количества преступлений, которые человек поможет предотвратить, он может заработать до 1000 фунтов стерлингов [6]. Вот пример краудсорсинга, о котором пишет Д. В. Попов [1, с. 174–181].

А. В. Батоев убедительно показывает, что число камер видеонаблюдения за 2022 г. в рамках АПК «Безопасный город» в Российской Федерации неуклонно растет. Лидером, конечно, является столица [7, с. 98–101]. Практика деятельности полиции в г. Москве показывает, что количество преступлений, раскрываемых с помощью АПК «Безопасный город», растет, и можно с уверенностью сказать, что при раскрытии большого количества преступлений общеуголовной направленности АПК «Безопасный город» в той или иной степени используется оперативными сотрудниками [8, с. 137]. Использование искусственного интеллекта при работе с «большими данными» распознавания лиц в скором времени должно позволить обеспечить сбор и анализ информации о квартирах, представляющих оперативный интерес, о лицах, причастных к преступной деятельности, способствовать выявлению связей интересующих лиц, мест их посещения и другие аспекты. Этому будут способствовать постоянно совершенствующиеся возможности системы искусственного интеллекта при распознавании лиц в рамках системы АПК «Безопасный город», которые уже в настоящее время позволяют обрабатывать до 30 млн фото лиц в день [9, с. 180].

Локомотивом в области цифрового надзора является Китай. Уличные видеокamеры в Китае предупреждают полицию, например, если наркозависимое лицо делает слишком много звонков на один и тот же номер или когда человек с психическим заболеванием в анамнезе приближается к школе. В 2020 г. программное обеспечение предупредило власти о подозрительном браке. Расследование (анализ данных с камер видеонаблюдения) показало, что мужчина и женщина вместе проводили достаточно мало времени, что не характерно для супругов, в итоге полиция пришла к выводу, что брак был фиктивным и заключался для получения разрешения на иммиграцию.

Основатель Megvii, стартапа по искусственному интеллекту, отмечает, что система видеонаблюдения может предупреждать полицию о подозрительном поведении. Он объяснил, если камеры обнаружат человека, который проводит слишком много времени на вокзале, то система может идентифицировать его в качестве возможного карманника. В 2022 г. по-

¹ *Talking CCTV brings voice of authority to the street*. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2007/apr/uk-talking-cctv.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

лиция Тяньцзиня приобрела программное обеспечение, созданное Hikvision — конкурентом Megvii, которое предназначено для прогнозирования протестных движений. Система собирает данные о гражданах, часто подающих жалобы на действия представителей местных властей. Затем она оценивает личность заявителей по вероятности того, что они поедут в столицу для проведения протестных акций.

Полиция Китая может настроить систему на отслеживание ситуаций, когда, например, два человека с историей употребления наркотиков регистрируются в одном отеле или когда несколько человек с историей протеста входят в один и тот же парк. Власти Шанхая использовали программное обеспечение для выявления тех, кто превысил обычное потребление воды и электроэнергии, что, вероятно, позволяло выявлять мигрантов, которые часто живут в одном жилище.

С таким наблюдением «плохим парням некуда спрятаться»². Но главное, что человек не может не понимать, что его действия *постоянно* контролируются. И речь в связи с развитием технологий искусственного интеллекта идет не о том, что в данную секунду у монитора находится оператор, который наблюдает противоправное поведение «виновного», и «виновный» это осознает. Оператор на другом конце видеокamеры вовсе не нужен. *Наблюдает* не человек — *надзирает* цифровой Паноптикон. Он моментально информирует о преступлении уполномоченное должностное лицо.

По одному из дел суд указал, что С. А. Королев как должностное лицо банка был достоверно осведомлен о наличии видеонаблюдения на банкомате и не мог предполагать, что его действия по изъятию денежных средств из банкомата останутся тайными³. С некоторыми оговорками этот пример показывает, как в обозримом будущем может измениться отношение каждого гражданина к наблюдению за его поведением в полисе.

А. А. Арчукова небезосновательно пишет, что идентификация по функциональным признакам внешности, проявляемым при использовании «устройств ввода», представляет такие преимущества, как отсутствие необходимости в дополнительном оборудовании, возможность проведения скрытой идентификации, а также высокая эффективность благодаря сложности подделки данных при-

знаков, что делает результаты отождествления более достоверными [10, с. 21].

Итак, цифровой Паноптикон в настоящее время обладает большим ресурсом, который позволяет не просто накапливать гигантские объемы информации о жизни человека, но и анализировать эту информацию для решения большого спектра задач — от упрощения реализации бытовых потребностей, до идентификации личности в целях раскрытия и расследования преступления. Развитие цифрового Паноптикона в обозримом будущем не остановится, что обяжет общество пересмотреть большинство правовых догм, в том числе уголовно-правовых.

Уголовно-правовые догмы?

Уголовное право динамично. Это свойство одновременно и достоинство, в том виде, в котором позволяет адекватно реагировать на трансформацию общественных отношений, и недостаток, который не позволяет быстро сформировать устойчивую практику применения отдельных норм, особенно в том виде, в котором нормотворческую функцию реализует отечественный законодатель. Попытаться сосчитать все камни, брошенные в его огород представителями научного сообщества, — задача, заранее лишенная смысла. Во-первых, их великое множество, во-вторых, все об этом и так знают.

Динамичное уголовное право тем не менее успело обзавестись догмами, т. е. непреложными, постоянными концепциями. Догма права — условное наименование одной из сфер деятельности юридической науки, которая состоит в комментировании и систематизации норм действующего права, их логическом толковании, определении основных правовых понятий, т. е. в формально-логической обработке действующего права в целях его правильного применения и совершенствования законодательной техники⁴. Сразу отмечу, что следующие далее рассуждения касаются лишь некоторых устоявшихся со времен первых упоминаний о науке уголовного права догм — признаков тайности хищения как одной из самых распространенных форм посягательств против собственности, публичности как конститутивно- или квалифицирующего признака отдельных преступных деяний, а также ряда других традиционных концепций регулятивного законодательства, используемых в уголовном праве.

² «An Invisible Cage»: How China Is Policing the Future. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/25/technology/china-surveillance-police.html?smid=url-share> (дата обращения: 02.02.2025).

³ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июля 2024 г. по делу № 77-2312/2024. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9073215&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 04.02.2025).

⁴ Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/030/703.htm> (дата обращения: 06.02.2025).

Так, уже со времен Русской Правды государство отличает посягательства на чужое имущество, дифференцируя ответственность по способу хищения: тайному или открытому, в том числе с применением насилия. Судебник 1550 г. выделял кражу, грабеж, разбой и мошенничество как различные формы хищения, в основу классификации которых положен способ изъятия имущества. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее — Уложение), пожалуй, впервые дается дефиниция кражи, под которой признается «всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя и грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества»⁵.

В Уложении с извлечениями из решений кассационного департамента Правительствующего сената, подготовленном в 1886 г. профессором Н. С. Таганцевым, указано, что грабеж совершается в присутствии собственника или посторонних лиц, в том числе когда они понимали противоправный характер изъятия, но не оказывали сопротивления. Кроме того, уже в то время был разработан субъективный критерий разграничения форм хищения: если виновный не осознает, что его действия носят открытый характер, он совершает кражу⁶.

В. А. Владимиров отмечал, что, например, «тайным признается и похищение, совершаемое у потерпевшего, который в силу тех или иных причин не осознает происходящего» [11, с. 65].

Почти за 150 лет правила об оценке тайности и открытости хищения не претерпели значимых изменений. Они стали догмой уголовного права: каждый обучающийся юридического факультета должен знать признаки тайности, которые в настоящее время закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В качестве еще одного примера «нетайного» хищения чужого имущества может выступать преступление, ответственность за которое установлена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — кража с банковского счета. Хищение путем оплаты товаров по чужой карте или перевод денежных средств со счета потерпевшего на счет виновного или лица, не осведомленного о преступных намерениях, позволяет достаточно оперативно установить персональные данные таких лиц. Речь в первую очередь идет не о том, что такие преступления оставляют цифровые следы, а о том, что цифровая составляющая оказывает влияние на суть противоправного посягательства и оно просто не сможет быть *тайным*. Учитывая, что мои рассу-

ждения носят в первую очередь прогностический характер, справедливо будет изложить последний тезис в форме вопроса. Может ли подобное деяние при наличии стольких наблюдателей (даже так — при наличии цифрового Паноптикона) и при осознании этого обстоятельства самим преступником продолжать считаться тайным, или же признак тайности подлежит пересмотру?

«Нельзя утверждать, — пишет Д. А. Бажин, — что общественная опасность преступления повышается в том случае, если оно совершается публично. Более того, в истории российского уголовного права были периоды, когда совершение противоправного деяния в присутствии других лиц признавалось даже менее опасным, поскольку наличие свидетелей облегчало поиск преступника и в отдельных случаях позволяло противодействовать посягательству и защититься от него. Однако иногда публичное совершение преступления придает ему большую общественную опасность» [12].

Одним из фундаментальных положений российского уголовного права является дифференциация наказания в зависимости от отсутствия или наличия квалифицирующих признаков [13]. Публичность, которая в действующем УК РФ является как составообразующим (ст. 207¹), так и квалифицирующим признаком преступления (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), с развитием цифрового Паноптикона утратит свою уникальность как признак некоторых составов преступлений: публичными будут все посягательства, поскольку описываемая система цифрового контроля и надзора, как указывалось выше, позволяет в режиме реального времени оценивать противоправное поведение лица не только искусственным интеллектом, но и всеми членами общества (Crowdsourced Panopticon). С тотальным поглощением общества сетью Интернет, как представляется, в обозримом будущем отпадет необходимость выделять в составе преступления признак публичности в качестве квалифицирующего и тем более — основного.

Аналогичные рассуждения касаются возможности пересмотра содержания явки с повинной, режима тайности в отношении сведений о частной жизни лица и большинства инструментов социального контроля в уголовном праве [14].

Признак публичности может отражаться не только в одноименном термине, но и в формулировке «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)». И хотя эти признаки неравнозначны в действующем УК РФ — сеть Интернет может использоваться приватно (тет-а-тет), например, для сбыта наркотичес-

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. С. 607.

⁶ Там же.

ких средств, есть основания полагать, что развитие цифрового Паноптикона обяжет общество пересмотреть их содержание.

Айкидо — сила цифрового Паноптикона против него самого

Итак, ограничение приватности повседневной жизни, которое известно *каждому* члену общества, делает такие признаки тайности хищения, как «незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника», «виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно» нерелевантными возможностям цифрового Паноптикона. Человек *не может не знать*, что его действия видны и известны в данный момент. Таким образом, тайность в обозримом будущем лишится указанных выше признаков, а еще позднее, вероятно, тайными будут только мысли, но не действия индивида. Публичность — вот неотъемлемый признак преступлений будущего.

Интернет как составляющая цифрового Паноптикона деанонимизирует физическую, реальную жизнь человека. Но в то же время позволяет оставаться анонимным в виртуальной жизни.

Там, где паноптикон и синоптикон используют «одностороннюю структуру с концентратором и спицами, с однонаправленными соединениями к ее концам» (периферия в случае первого, центр для второго), Интернет построен как децентрализованная и «распределенная архитектура с разнонаправленными соединениями между всеми узлами в сетевой информационной среде. Это распределение связей позволяет членам сети (машинам и частным лицам) получать доступ и общаться с другими членами через большое количество одновременно доступных путей, которые очень редко проходят через один центральный узел. В этой модели управления информацией центральному органу гораздо труднее контролировать поток данных, чем в паноптической среде [15].

Еще в 2003 г. Г. Маркс описал 11 стратегий сопротивления контролю в сети Интернет [16]. Поиск способов анонимизации в сети Интернет постоянно продолжается. Так, приложение BugMeNot (BMN) предлагает обойти процесс регистрации, который является обязательным для входа на многие веб-сайты, предоставляя пользователям доступ к базе данных, состоящей из активных учетных записей (имен пользователей и паролей), полученных путем предоставления недостоверных социально-демографических данных. BMN также предоставляет одноразовые адреса электронной почты, которые могут использоваться в течение двадцати четырех часов в качестве альтернативы раскрытию реального адреса электрон-

ной почты онлайн-торговцам и брокерам данных. Другое приложение — TrackMeNot (TMN) используется всякий раз, когда браузер Firefox открывает поисковые системы, такие как Google, AOL, Yahoo и MSN, которые отслеживают все поисковые запросы пользователя, чтобы предлагать контекстную рекламу, в том числе с привязкой к его геолокации. TMN использует стратегию обфускации (запутывания), чтобы растворить реальные поисковые запросы в облаке случайных запросов. Это значительно усложняет профилирование.

И конечно, нельзя не упомянуть систему прокси-серверов, позволяющую устанавливать анонимное сетевое соединение, известную как The Onion Router или TOR.

Это не значит, что Интернет лишен архитектуры контроля. Так, например в конце 2024 г. вынесен обвинительный приговор организатору и участникам преступного сообщества Hydra, которое с использованием TOR-соединения занималось сбытом наркотических средств⁷.

Отмечая, что цифровой ресурс выступает для «злодея» исключительно более приемлемым, а часто и более надежным и безопасным средством достижения криминального успеха [17], С. Я. Лебедев и В. Ф. Джафарли предлагают направить силы ученых на разработку научно-исследовательского проекта «Цифровое уголовное право», который позволял бы:

- осуществлять оперативную идентификацию преступлений, совершаемых в киберпространстве и в реальном пространстве;
- производить оперативный анализ криминальных угроз в киберпространстве;
- обеспечивать криминологический мониторинг киберпреступлений;
- выявлять базовые и инновационные сценарии развития киберпреступности;
- обеспечивать адекватную и оптимальную цифровую правоохранительную реакцию на криминальные угрозы в киберпространстве [18]. Эта гипотеза есть не что иное как попытка осмысления последствий влияния цифрового Паноптикона на развитие общества.

Отличие в том, что в этой статье предлагается прогноз трансформации уголовно-правовых догм о «физических» преступлениях в связи с развитием цифровых технологий, которые не касаются механизма воздействия на эти посягательства, в то время как в проекте «Цифрового уголовного права» изменения касаются механизма предупреждения, нейтрализации общественной опасности преступлений, совершаемых в киберпространстве,

⁷ Организатор русскоязычного даркнет-рынка по продаже наркотиков Hydra осужден пожизненно. URL: <https://www.interfax.ru/russia/995517> (дата обращения: 08.02.2025).

а также на ликвидацию (компенсацию) их общественно опасных последствий, в том числе обеспечиваемую уголовной ответственностью и связанным с ней уголовным наказанием, которые должны полностью соответствовать нарастающим криминальным киберугрозам [19].

Иными словами, авторы «Цифрового уголовного права» говорят о том, что киберпространство продуцирует киберпреступления, на которые должна следовать киберреакция, а автор настоящей статьи — о том, что киберпространство влияет на содержание признаков «простого» преступления.

Вместо заключения

С учетом размышлений, изложенных в первой части работы, нельзя не обратить внимания на то, что цифровой Паноптикон уже сейчас сильно ограничил приватность, в обозримом будущем приватность останется только в умах людей. Однако известные сценарии будущего говорят о том, что даже мысли могут быть читаемы и, что самое интересное, наказуемы⁸. Это невозможно не учитывать при модернизации регулятивных и охранительных отраслей законодательства, особенно уголовного.

Список источников

1. Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: принимая неизбежное // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93).
2. Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: устанавливая пределы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94).
3. Кильдюшов О. В. Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2022. Т. 22, № 3.
4. Каспэ С. И. Свет и власть. Паноптикон как политическая форма и ее вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1.
5. Wu Yuning, Sun Ivan, Hu Rong. Cooperation with Police in China: Surveillance Cameras, Neighborhood Efficacy and Policing // Social Science Quarterly. 2020. № 102(3).
6. Laval Christian. Discipline and Prevent: The New Panopticon Society // Revue du MAUSS. 2012. № 40. URL: <https://shs.cairn.info> (дата обращения: 08.02.2025).
7. Батоев В. Б. Об использовании аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при противодействии преступности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2(36).
8. Кузьмин Н. А., Кузьмина Т. Н. Отдельные аспекты использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5.
9. Кузьмин Н. А., Половинка А. Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5.
10. Арчукова А. А. Использование функциональных признаков внешности человека, проявляемых при работе с «устройствами ввода», в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2(30).
11. Владимиров В. А. Квалификация преступлений против личной собственности : учеб. пособие. М., 1968.
12. Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2(77).
13. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1.
14. Карпов К. Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2(105).
15. Dupont Benoit. Hacking the Panopticon: Distributed Online Surveillance and Resistance // Sociology of Crime Law and Deviance. 2008. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228187908> (дата обращения: 08.02.2025).
16. Marx G. A Tack in the Shoe: Neutralizing and Resisting the New Surveillance // Journal of Social Issues. 2003. URL: <https://www.researchgate.net/publication/248814972> (дата обращения: 08.02.2025).

⁸ Научно-фантастический рассказ и его экранизация «Minority Report (Особое мнение)».

17. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право: перспективы формирования и развития (часть 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11.
18. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право: перспективы формирования и развития (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 12.
19. Лебедев С. Я. Цифровой безопасности — цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4(55).

УДК 343.985.5:342.76

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-265-270

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Поисково-спасательные работы при безвестном исчезновении граждан: законодательные аспекты и практические особенности

Евгений Владимирович Буряков

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел¹,

✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье затрагиваются вопросы, связанные с поисково-спасательными работами, которые в случаях безвестного исчезновения людей и возможной угрозы их жизни и здоровью проводятся органами внутренних дел с привлечением других ведомств, общественных организаций и отдельных граждан. Рассматриваются особенности осуществления оперативно-розыскных и административных мер в процессе розыска и идентификации. На основе анализа перспективных направлений научных исследований в указанной области делается вывод о необходимости совершенствования методики поисково-спасательных работ с учетом постоянного прогресса технических средств.

Ключевые слова: без вести пропавшие, волонтеры, мероприятия, операции, поисково-спасательные работы

Для цитирования: Буряков Е. В. Поисково-спасательные работы при безвестном исчезновении граждан: законодательные аспекты и практические особенности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 265–270.

Search and Rescue Work in case of Missing Persons: Legislative Aspects and Practical Features

Evgeny V. Buryakov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Operational Crime Detection Activities in Law Enforcement¹,

✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article tackles the issues related to search and rescue work, which in cases of unknown disappearance of people and possible threat to their life and health is carried out by law enforcement agencies with the involvement of other departments, public organizations and individual citizens; features of implementation of operational crime detection and administrative measures in the search and identification process. On the basis of the analysis of promising areas of scientific research in the field under consideration, taking into account the constant progress of technical means, it is concluded that it is necessary to improve the methods of search and rescue work.

Keywords: missing persons, volunteers, measures, operations, search and rescue work

Citation: Buryakov E. V. Search and Rescue Work in case of Missing Persons: Legislative Aspects and Practical Features. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 265–270 (In Russ.).

Поисково-спасательные работы проводятся при ликвидации чрезвычайных ситуаций, транспортных и техногенных авариях, стихийных и природных катаклизмах, вооруженных конфликтах, а также при обстоятельствах безвестного исчезновения людей, когда требуется установить местонахождение человека или группы людей, оказать им первую медицинскую или иную помощь и доставить их в безопасное место. Такие операции проводятся, как правило,

в горных и лесных районах, регионах Крайнего Севера, на водных поверхностях (реках, озерах, морях) и урбанизированных территориях (участках суши, занятых жилыми, производственными, транспортными или инженерными сооружениями).

В рамках статьи рассмотрим вопросы организации поисково-спасательных работ применительно к фактам безвестного исчезновения граждан в условиях, угрожающих их жизни и здоро-

вью, так как они актуальны для многих людей, столкнувшихся с такой ситуацией. По мнению О. Н. Рудаковой, «соблюдение безопасности народа и государства невозможно там, где отсутствует режим безопасности, гарантирующий жизнь и здоровье каждого гражданина» [1, с. 53]. Отношение нашего государства в целом и правоохранительных органов в частности к данной проблеме можно проиллюстрировать на примере действующего законодательства. Так, Конституция Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и гарантирует, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2), а Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹ регулирует общие организационно-правовые нормы в области защиты граждан и подходы к организации и проведению поисково-спасательных работ, включая действия в условиях чрезвычайных ситуаций.

Безвестное исчезновение граждан — это неординарная ситуация, требующая немедленного реагирования, а поэтому в целях розыска без вести пропавших лиц на правоохранительные органы возложена соответствующая задача (ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²) и обязанность оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья (п. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³), принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан (п. 7).

Таким образом, безвестное исчезновение граждан требует немедленного реагирования и координации усилий различных служб. Поисково-спасательные работы включают целый комплекс мероприятий, направленных на выявление местонахождения пропавших людей и обеспечение их безопасности. Устойчивый рост числа таких случаев в последние годы подчеркивает необходимость анализа существующих проблем в организации поисково-спасательных мероприятий.

Проверка поступивших в органы внутренних дел заявлений и сообщений по фактам безвестного

исчезновения [2, с. 167–171] предполагает определение необходимости осуществления поисково-спасательных работ и установления в связи с этим комплекса мероприятий, направленных на выявление местонахождения пропавших людей и обеспечение их безопасности, к которым относятся:

- анализ ситуаций, свидетельствующих о необходимости поисково-спасательных работ;
- определение территорий (мест) и границ их проведения;
- привлечение субъектов, планируемых к участию в поисковых мероприятиях;
- организация и тактика поисково-спасательных работ;
- оценка результатов поиска.

На этапе подготовки к проведению поисково-спасательных работ в первую очередь осуществляется сбор информации о самом человеке и месте его исчезновения. В процессе опроса лица, сделавшего заявление, родственников, друзей и знакомых исчезнувшего выясняются анкетные данные пропавшего; приметы внешности, особенности функциональных признаков, привычек, склонностей, состояния здоровья, психологические особенности; описание одежды, обуви и иных предметов, находившихся при лице в момент исчезновения, в том числе наличие документов; привлекался ли он к уголовной ответственности и т. д. Кроме того, устанавливаются сведения о времени, месте исчезновения и возможного нахождения разыскиваемого, маршрутах передвижения.

К таким происшествиям обычно следует причислить, во-первых, случаи исчезновения при очевидных обстоятельствах — это могут быть жертвы природных катаклизмов, техногенных аварий и несчастных случаев (при падении с высоты, в колодцы, ямы), в дорожно-транспортных происшествиях, утопления в водоемах и т. д., зафиксированных показаниями очевидцев или техническими средствами, при которых человека обнаружено не было, т. е. «факт, время и место события, как правило, известны, а его обстоятельства практически исключают возможность для пропавшего остаться в живых» [3, с. 7–8]. Во-вторых, это потеря ориентации в пространстве, когда человек может заблудиться в лесных массивах или иных малознакомых и труднодоступных местах. Кроме того, такие случаи характерны для малолетних и пожилых людей, пропавших в городах: первые попадают в такие си-

¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35, ст. 3648.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

³ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

туации из-за недосмотра взрослых и того, что они еще плохо говорят, не могут назвать свою фамилию и адрес места жительства, а вторые нередко страдают потерей памяти в преклонном возрасте и вследствие этого не могут сообщить сведений о себе. В-третьих, это может основываться на социальных, психологических или семейных проблемах лиц, которые вынуждают их исчезнуть и покончить жизнь самоубийством в укромных местах. К этому может привести стечение тяжелых обстоятельств, неудовлетворенность жизнью, психическое расстройство, алкоголизм, наркомания, лишение средств к существованию, инвалидность; к самоубийству также склонны лица, внезапно получившие тяжелую психическую травму, узнавшие или подозревающие у себя неизлечимую болезнь, мучимые страхом одиночества, публичного позора, терзаемые чувством обиды, ревности, вины, разочарования и т. п. И в-четвертых, это совершение преступлений, когда получены сведения, свидетельствующие о признаках криминального исчезновения, регламентированные Инструкцией о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц⁴. Их скорейшее установление, по мнению А. И. Тамбовцева, А. В. Шахматова и В. М. Егоршина, позволяет быстро начать «производство поисково-спасательных, оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Любое промедление с рассмотрением заявления и принятием процессуального решения о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения не только ставит под угрозу жизнь и здоровье пропавшего лица (вероятно, нуждающегося в оказании помощи), но и негативно влияет на формирование информационной и доказательственной базы» [3, с. 15–16]. Полагаем, что выявление таких фактов следует относить к наиболее трагичным случаям, требующим специфических мер по охране правопорядка и совместной работы правоохранительных органов и спасательных служб.

Установив причины исчезновения и необходимость поисково-спасательных работ, следует определить территории и границы их проведения. Поисково-спасательные работы могут проводиться в различных местах, среди которых, по нашему мнению, можно выделить четыре среды, каждая из которых имеет свою специфику поиска:

1) лесные массивы (прочесывание, использование специально обученных собак, звуковых (громкоговорители) и световых (проблесковые маячки) технических средств);

2) водные поверхности (поисковые работы в водоемах требуют использования водолазов и специальной техники);

3) горные местности (в условиях сложного рельефа необходимо задействование специалистов по альпинизму и техники для поиска);

4) городские территории (важны вопросы координации с местными властями и средствами массовой информации, опроса свидетелей и мониторинга камер видеонаблюдения).

Следующим этапом является определение в зависимости от района поиска необходимых сил, планируемых к участию в поисковых мероприятиях, опыт проведения которых показывает, что для поиска и спасения людей привлекаются наряду с органами внутренних дел иные специальные службы: подразделения МЧС, Ростгвардии, отдельные воинские части Министерства обороны (по согласованию с местными органами исполнительной власти и командованием этих частей), а также местные органы власти, добровольные поисковые отряды (волонтеры), лесничие, егеря, охотоведы, охотники и местные жители. Большое значение, по мнению В. А. Клевно, А. В. Максимова и А. С. Абрамова, «придается роли поисково-спасательных групп, которые относятся к категории служб первой помощи, или экстренных служб. Фактически сотрудники таких служб, волонтеры и другие непрофессионалы зачастую оказывают первыми, кто участвуют в осмотре тел погибших, от их подготовки и знаний зависит начальный этап сбора информации, в том числе имеющей значение для установления личности» [4, с. 180], поэтому считаем, что наряду с обучением участников поисково-спасательных работ необходимы специализированные тренинги, которые помогут справляться с эмоциональным стрессом и предотвратить профессиональное выгорание.

Формирование специализированных поисковых команд, определение и распределение ролей между участниками, включая профессиональных спасателей и волонтеров, должны осуществляться с учетом их опыта, навыков, решаемых задач, погодных условий, рельефа местности и других обстоятельств, возникающих при спасении людей. При этом особое внимание должно уделяться инструктажу участников об их полномочиях по поиску лиц, пропавших без вести; действиях в заданном секторе поиска, а также в случаях обнаружения следов преступлений или разыскиваемых лиц с травмами, отравлениями и другими состояниями и заболеваниями, угрожающими их жизни и здоровью; правилах радиосвязи, взаимодействия и др.

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России, Генпрокуратуры России и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассмотрим организацию и тактику осуществления поисково-спасательных работ, которые имеют первостепенное значение и в конечном итоге влияют на эффективность поиска без вести пропавших лиц. На этом этапе решаются вопросы контроля и координации действий участников, взаимодействия со СМИ и родственниками разыскиваемых лиц. При этом поиск должен быть тщательным и упорядоченным, основанным на систематических обходах, использовании современных технических средств и технологий.

На этом этапе важна «координация действий всех субъектов поисковой работы, как имеющих прямое отношение к правоохранительным органам, так и оказывающих им добровольное содействие, включая различные общественные организации и отдельных граждан» [5, с. 107]. При обследовании больших участков местности целесообразно включать участковых уполномоченных полиции или МЧС, волонтеров, местных жителей, хорошо знающих особенности обследуемой территории, а также лесничих, егерей, охотоведов и охотников. Так, в 2019 г. в Большереческом районе Омской области осуществлялся поиск пропавшего в тайге 3-летнего Коли Бархатова. К поиску привлекалось около 700 человек представителей специальных служб, волонтеров и просто неравнодушных граждан, были задействованы вертолет, вездеходы и другие технические средства, что требовало координации и взаимодействия поисковых групп. Четко организованная в течение двух суток работа штаба поиска на территории в 50 км² позволила обнаружить мальчика живым.

Наряду с вопросами координации и взаимодействия, непосредственного проведения поисковых мероприятий, необходимо решать вопросы информирования населения о ходе розыска в СМИ и поддержки морального духа участников операции и близких пропавшего, так как исчезновение человека создает тяжелые эмоциональные переживания. Психологическая поддержка в рамках поисково-спасательных работ становится важной частью работы, что включает поддержку членов семьи путем проведения консультаций психологами, которые могут помочь справиться со стрессом и неопределенностью судьбы пропавшего человека, и привлечения в этих же целях групп поддержки, состоящих из людей, переживших подобные ситуации. Они могут оказывать значимую эмоциональную поддержку для близких пропавшего лица.

Что касается непосредственно организации поисково-спасательных работ, то в зависимости от обстоятельств исчезновения и характера местности в первую очередь должна быть обследована территория, прилегающая к месту следственного осмотра места жительства исчезнувшего. В городских условиях проводится сплошное прочесывание местно-

сти с обследованием чердаков, подвалов, вентиляционных шахт, расположенных в доме, где проживал разыскиваемый; приусадебного участка и территории, непосредственно к нему прилегающей; контейнеров, канализационных колодцев, выгребных ям, свалок мусора, а также пустырей, участков лесополос и зон отдыха, заброшенных строений и других мест. Кроме того, необходимо выяснять, имеются ли в собственности разыскиваемого лица дачи, гаражи или иные помещения, и осуществлять их проверку.

При проведении поисково-спасательных работ «во всех случаях исчезновения лица при некриминальных, в том числе очевидных обстоятельствах, либо в случае, когда на основе первоначальной информации возможно предположить территорию его вероятного нахождения» [6, с. 63] широко используется помощь волонтеров. Поисковые мероприятия должны сопровождаться распространением информации о пропавшем лице в районе проведения поисковых мероприятий посредством изготовления и размещения объявлений о розыске в местах, предназначенных для размещения объявлений, распространения листовок-ориентировок в местах наибольшего скопления людей — в организациях, учреждениях, торговых центрах, на рынках и объектах транспорта, а также размещения информации в средствах массовой информации и интернете. Для выявления возможных свидетелей произошедшего осуществляется поиск лиц, которые видели пропавшего и могут дать показания об обстоятельствах его исчезновения. Для этого им рекомендуется проводить беседы среди людей, знакомых с разыскиваемым, по месту проживания, учебы, работы, проведения досуга, по пути следования к указанным местам, в том числе на объектах транспорта, а также на территории его возможного появления.

Учитывая, что многие люди пропадают со средствами сотовой связи, то «особое место среди субъектов взаимодействия при организации розыска пропавших без вести занимают подразделения специальных технических мероприятий. Так, благодаря данным подразделениям в ходе проведения поисково-спасательных, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий можно установить с довольно большой точностью местонахождение исчезнувшего» [7, с. 34]. Полагаем, что наличие сведений о нахождении мобильного телефона исчезнувшего лица вне зоны доступа вскоре после исчезновения с большой долей вероятности может свидетельствовать о совершении в отношении него преступления. В этом случае, по нашему мнению, необходимо выяснить маршрут движения и место, где его видели в последний раз, так как изучение практики деятельности органов внутренних дел по поиску без вести

пропавших лиц показывает, что в последние годы в этих целях успешно используются камеры видеонаблюдения, которые располагаются в общественных местах и учреждениях в целях охраны общественного порядка, безопасности дорожного движения. Отличные результаты в этом плане демонстрирует система «Безопасный город» [8, с. 3–4; 9, с. 60–64], которая дает возможность в больших видеопотоках распознавать человеческие лица, проводить их идентификацию и принимать незамедлительные меры оперативного реагирования.

Поиск в сельской местности, как правило, осуществляется в лесных массивах, болотах, зарослях кустарника, оврагах по маршруту возможного направления движения без вести пропавшего с применением методик прочесывания и проверки территорий «квадратами», «кругами» «зигзагами» или «параллельными слоями» для покрытия максимальной территории. Например, территорию поиска рекомендуется разделять на квадраты 500х500 метров, в которые направляются поисковые группы по 2–3 человека. При увеличении территории поиска следует учитывать расстояние, которое мог бы пройти разыскиваемый за время, прошедшее с момента его исчезновения. Если поисковые мероприятия осуществляются в районе реки, озера, болота, где потерялся малолетний ребенок, то его поиск необходимо начинать от водоема, располагая поисковиков цепью и таким образом, чтобы между ними никто не прошел. Кроме того, возле лесных массивов, на окраинах населенных пунктов, вокзалах и других местах возможного появления разыскиваемого лица необходимо организовывать посты, оборудованные громкоговорителями. В случае розыска малолетних детей к этим мероприятиям целесообразно привлекать их родственников, так как реакция детей на чужие голоса непредсказуема и может привести к тому, что они будут прятаться от людей. При прочесывании лесных массивов могут подаваться световые и звуковые сигналы с обязательной организацией «минут тишины» в целях ожидания ответного отклика.

Методика розыска пропавших без вести в последние годы значительно изменилась благодаря тому, что в практической деятельности органов внутренних дел в целях повышения результативности поисковых мероприятий применяются различные технические средства, авиация и беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА) [10, с. 93–102; 11, с. 125–130; 12, с. 50–55], которые ведут наблюдение в целях поиска и обнаружения объекта в условиях сложного рельефа местности, водной поверхности, позволяют проводить осмотр труднодоступной местности и отдаленных районов. БПЛА «могут делать четкие снимки и более эффективно передавать данные с расстояния 10 км и более, тем самым повышая эффективность спасательных работ» [13, с. 504]. При их использовании могут применяться тепловизоры, с помощью чего «можно обнаружить людей, которые затерялись в плотных зарослях кустарника, зарослях травы или в темное время суток» [14, с. 193]. Кроме того, для поиска применяются и другие технические средства, такие как радары, металлоискатели, магнитометры, системы спутниковой навигации GPS и ГЛОНАСС и другие устройства, помогающие в поиске и увеличивающие шансы на успех, а также собаки, обученные поиску людей по запаху, что особенно эффективно в труднодоступных местах.

На завершающем этапе, после проведения всех мероприятий необходимо тщательно оценить и проанализировать результаты успешных и неудачных попыток обнаружения людей в целях улучшения последующих операций.

В завершение статьи необходимо отметить, что поисково-спасательные работы при безвестном исчезновении граждан представляют собой сложный и многогранный процесс, требующий четкой координации, ресурсообеспечения, профессионального и внимательного подхода, применения современных технических средств и технологий, постоянного анализа и внесения изменений в подходы к организации поисково-спасательных работ. Особо следует подчеркнуть, что успех операций зависит не только от технических аспектов, но и от человеческого фактора: равнодушия, вовлеченности и воли участников поиска, их желания помогать.

Список источников

1. Рудакова О. Н. Соотношение концепции естественных прав гражданина и правового регулирования национальной безопасности // Академическая мысль. 2023. № 3(24).
2. Завьялов И. А., Красовская Е. Л. Особенности рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5.
3. Тамбовцев А. И., Шахматов А. В., Егоришин В. М. Организация розыска органами внутренних дел лиц, пропавших без вести : науч.-практ. пособие. СПб., 2016.
4. Клевно В. А., Максимов А. В., Абрамов А. С. Переосмысление принципов работы судебно-медицинских экспертов в чрезвычайных ситуациях с массовыми человеческими жертвами // Судебная медицина. 2023. Т. 9, № 2.

5. *Артюхов А. В., Корнаухова Н. Г.* Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести (по материалам Главного управления МВД России по Волгоградской области) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64).
6. *Королькова О. А.* Организационные основы взаимодействия территориальных органов МВД России с добровольческими организациями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести // Научный портал МВД России. 2013. № 3.
7. *Лепехин Д. И.* Некоторые особенности организации внутреннего взаимодействия при розыске органами внутренних дел несовершеннолетних, пропавших без вести // Академическая мысль. 2018. № 1(2).
8. *Барабанов Н. Б., Цветков А. С.* Системы слежения и распознавания лиц как инструмент оперативного отождествления личности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы девятнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул, 2021. Ч. 1.
9. *Мишин В. А.* Цифровые технологии, применяемые в области предупреждения правонарушений (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город») // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 3.
10. *Дронова О. Б., Килинкарлова Е. С.* Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66).
11. *Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г.* Об использовании беспилотных летательных аппаратов в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1.
12. *Прокофьева Е. В., Азаркова Т. К., Семиноженко А. И.* Методологические основы применения беспилотных летательных аппаратов для обследования открытых участков местности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(71).
13. *Писаренко Л. В., Гуменюк С. А., Потапов В. И.* О возможностях и значении беспилотных летательных аппаратов для догоспитального этапа медицинской помощи // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н. В. Склифосовского. 2024. Т. 13, № 3.
14. *Красовская Е. Л.* Использование беспилотных летательных аппаратов в системе МВД России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в том числе розыска без вести пропавших // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3(67).

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-271-275

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Приемы умного регулирования для непосредственной реализации права

Марина Леонидовна Давыдовадоктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права¹,

✉ davidovavlg@gmail.com

¹ Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

Процесс реализации права рассматривается в статье с позиции теории умного регулирования, направленной на поиск наиболее эффективных и наименее ресурсозатратных средств правового воздействия. Как правило, большая часть инструментов, обеспечивающих качественную реализацию права, закрепляется нормативно-правовыми актами, устанавливающими необходимую архитектуру выбора для тех, кто будет соблюдать, исполнять и использовать правовые нормы. Некоторые приемы, часто аналогичные правотворческим, применяются на уровне локального и договорного регулирования. Отдельного внимания заслуживает применение права, непосредственно связанное с государственным принуждением, — наиболее ресурсозатратным средством воздействия. Под «умным правоприменением» предлагается понимать такую организацию правоприменительной деятельности, которая дает возможность оптимальным образом достичь цели правового регулирования. Инструментами для этого выступают детальная проработка технологий и алгоритмов деятельности (правоприменительных операций), а также средства, позволяющие выйти за рамки конкретной ситуации, оценить, насколько достигаются цели, заложенные в правовую норму.

Ключевые слова: умное регулирование, правовое регулирование, применение права, реализация права, умное правоприменение, правовые средства, правоприменительные операции, формы реализации права

Для цитирования: Давыдова М. Л. Приемы умного регулирования для непосредственной реализации права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 271–275.

Smart Regulation Techniques for Direct Implementation of Law

Marina L. DavydovaDoctor of Science (in Law), Professor, head of the chair of Constitutional and Municipal Law¹,

✉ davidovavlg@gmail.com

¹ Volgograd State University (Volgograd, Russia)

The process of implementation of law is considered in the article from the standpoint of the theory of smart regulation, aimed at finding the most effective and least resource-consuming means of legal impact. As a rule, most of the instruments providing the qualitative realization of the law are enshrined in legal acts that establish the necessary architecture of choice for those who will comply with, execute and use legal norms. Some techniques, often similar to law making, are applied at the level of local and contractual regulation. Special attention should be given to the application of law directly related to state coercion, which is the most resource-consuming means of impact. By “smart law enforcement” it is proposed to understand the organization of law enforcement activities, which provides an opportunity to optimally achieve the goal of legal regulation. The tools for this are a detailed elaboration of technologies and algorithms of activities (law enforcement operations), as well as means to go beyond the specific situation, assess how far the goals laid down in the legal norm are achieved.

Keywords: smart regulation, legal regulation, application of law, implementation of law, smart law enforcement, legal means, law enforcement operations, forms of implementation of law

Citation: Davydova M. L. Smart Regulation Techniques for Direct Implementation of Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 271–275 (In Russ.).

Признание неразрывной связи права с государственным принуждением можно считать одной из концептуальных основ советского правопонима-

ния. Цитата Ленина «Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [1, с. 99] традиционно звучала на первой лек-

ции по теории государства и права и прочно заседала в умах будущих юристов (иногда даже просто в усеченном виде: «Право есть ничто...»).

При этом исследование несиловой составляющей в действии права, конечно, имело место. Оно проявлялось, например, в различении правового регулирования и правового воздействия [2], в исследовании социально-психологического действия права [3; 4], в анализе рекомендательных норм, которые хотя и воспринимались многими авторами скептически (как неправовые или как фактически обязательные [5, с. 22–26]), тем не менее объективно существовали, ставя под сомнение стереотип об исключительно принудительном характере права. При этом речь, естественно, не шла о противопоставлении рекомендаций самой идее принудительности права или о сомнении в значимости этого свойства.

Характерно, что именно профессор О. Э. Лейст, посвятивший свою докторскую диссертацию санкциям и ответственности в советском праве [6], обосновал наличие в числе сущностных свойств права, наряду с обеспеченностью государственным принуждением, *авторитетности*. По его мнению, авторитетность права подразумевает его общеизвестность и укорененность в сознании общества, общепризнанную обязательность, которая может опираться на страх, сознание необходимости, привычку, религиозные чувства, на конформизм, на подражание, на согласие с правом и т. п. [7, с. 91] Ученый показывает зависимость авторитетности (и, следовательно, действенности) права от таких его характеристик, как справедливость, эффективность, стабильность, предсказуемость, легитимность [7, с. 91–101]. Авторитет права, обусловленный наличием перечисленных качеств, вполне убедительно объясняет существование феномена «мягкого права», также очень критично воспринимаемого многими отечественными авторами.

Исследования в области умного регулирования лежат в той же плоскости — в области поиска инструментов правового регулирования достаточно эффективных, но не столь ресурсозатратных, как санкции [8]. Большинство средств умного регулирования направлено на поддержание тех характеристик права, которые О. Э. Лейст называл в качестве основы его авторитетности. Оценка регулирующего воздействия, общественное обсуждение законопроектов, расширение сферы саморегулирования позволяют повысить легитимность и предсказуемость нормативных актов, выработать более справедливые и эффективные правотворческие решения.

Помимо перечисленных качеств, концепция умного регулирования значительное внимание уделяет человекоцентричности права в ее внешнем,

пользовательском значении. Речь идет об удобстве, понятности, доступности юридических текстов, об эмпатии законодателя, способного взглянуть на правовую норму глазами ее адресата. Кодификация, приемы юридического дизайна, упрощение языка права улучшают «пользовательский опыт», тем самым повышая вероятность того, что содержание правовой нормы дойдет до ее адресата без искажений.

Сами нормы могут быть сформулированы так, чтобы повысить вероятность их успешной реализации. В первую очередь для этого необходимо учитывать психологию адресата нормы, понимать, как то или иное правило сможет воздействовать на его сознание. Наибольшее внимание психологии пользователя уделяется в рамках исследования поведенческих методов и их роли в правовом регулировании [подробнее см.: 9]. Специалисты в этой области говорят о наличии автоматической и рефлексивной систем мышления, определяющих многие человеческие поступки. Добиться желаемого поведения легче, если дать правильную подсказку быстро реагирующей автоматической системе или, наоборот, предоставить больше возможностей для обдумывания своего выбора более медленной рефлексивной системе (в соответствии с этим подталкивания делят на ситуационные и коммуникативные [10]). В итоге теоретическим и экспериментальным путем выработан значительный перечень приемов, помогающих направить процесс реализации права в нужное регулятору русло: применение «правил по умолчанию»; упрощение правил; отсылка к социальным нормам и к опыту большинства; устранение лишних барьеров в процессе выбора; раскрытие информации; выявление намерений; стратегии предварительного принятия обязательств с определением плана действий; напоминания; предупреждения о рисках; информирование о последствиях собственного прошлого выбора и т. п. [11].

Многие из этих инструментов на самом деле не новы, давно и активно используются в законодательстве. Так, классическое средство юридической техники — правовая презумпция — является ничем иным, как правилом, действующим по умолчанию; в основе практики заключения предварительного договора лежит стратегия выявления намерений и предварительного принятия обязательств; необходимость подписать информированное согласие обусловлена законодательно закрепленной обязанностью предупредить о существующих рисках, процедурно предусмотренное требование разъяснить участникам судебного процесса их права представляет собой поведенческий прием раскрытия информации. Многие поведенческие рекомендации интуитивно понятны, что не снижает целесообраз-

ности их системного изучения и целенаправленного использования.

Если обратиться к процессу реализации права, следует признать, что необходимые для его совершенствования приемы умного регулирования используются, в первую очередь на уровне правотворческой деятельности. Это могут быть законодательно установленные процедуры и требования к правоприменителю, система положительных и отрицательных стимулов, а также «подталкивающая» архитектура выбора для исполнителя, юридические гарантии добросовестного поведения участников договорной деятельности. Все эти инструменты должны быть сначала предусмотрены правовыми нормами, чтобы затем получить свое воплощение на практике.

Например, удачная, на наш взгляд, комбинация регулятивных средств используется законодателем для поддержания исполнения обязанности по уплате административного штрафа. Так, правила, предусмотренные чч. 1.3, 1.3-1, 1.3-2, 1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ, допускают уплату только 50% или 75% суммы административного штрафа, если правонарушитель оплатил его в течение 20 дней со дня наложения. В случае неуплаты штрафа в течение установленных законом 60 дней санкция, наоборот, увеличивается вдвое (ст. 32.2, 20.25 КоАП РФ). В обоих случаях своевременная уплата прямо стимулируется законодателем, т. е. правомерное поведение связано с конкретной экономической выгодой для правонарушителя, а неправомерное — с затратами. Сочетание позитивного и негативного стимулирования создает достаточно эффективную комбинацию, которая поддерживается поведенческими инструментами. К последним явно относятся уведомления о начисленных штрафах через единый портал госуслуг, включающие напоминание о возможности и сроках уплаты штрафа по «льготной цене».

Косвенно на эффективность этой комбинации средств указывает изменение размеров предусмотренной КоАП «скидки» для некоторых составов правонарушений*. Можно предположить, что сама комбинация была рассчитана на повышение мотивации к своевременной оплате штрафов, для чего приоритет экономической выгоды государства был отодвинут на второй план. Очевидно, что там, где эти меры сработали и благодаря им удалось сформировать у людей привычку оперативно оплачивать штраф, государство может позволить себе сместить акценты с мотивационного (полностью от него не отказываясь) на экономический. Использо-

вание комплекса разнообразных юридических и неюридических средств, гибкое реагирование на изменение условий соответствуют признакам умного регулирования.

К реализации права в форме исполнения обязанностей данный пример имеет непосредственное отношение, но вся эта регулятивная модель полностью задана правовыми нормами, т. е. относится, скорее, к «умному правотворчеству», чем к «умному применению права». То же касается и других форм невластной непосредственной реализации права. Если собственно правовые механизмы, облегчающие рядовому пользователю взаимодействие с правом, были использованы, то произошло это, как правило, на уровне правотворчества.

Дальнейшее развитие правовых норм на уровне локального или договорного регулирования, по сути, является не столько реализацией этих норм (хотя и такой взгляд на этот процесс возможен), сколько продолжением регулирования: нормативного (локальное) или индивидуального (договорное). Большинство инструментов умного регулирования на этом уровне также реализуемы: согласование интересов всех участников, продуманное сочетание регулятивных средств, установление правил по умолчанию, использование приемов раскрытия информации, ясный язык и доступный дизайн правового акта и т. п.

Там, где пространства для правового регулирования почти не осталось, сохраняется лишь возможность на управленческом уровне сделать исполнение, соблюдение или использование права понятным и удобным для пользователя. Например, внедрить памятки, буклеты, информационные сообщения о правах и обязанностях, цифровые платформы, облегчающие обмен информацией, удобный дизайн сайтов государственных органов.

Особую сложность представляют приемы умного регулирования на уровне применения права. Казалось бы, чем ближе регулирование подходит к конкретной жизненной ситуации, тем более гибким и человекоориентированным оно должно быть, тем проще соотнести применяемые правовые средства с установленными законодателем целями. Но на практике достижение этих эффектов осложняется тем, что правоприменительная деятельность максимально регламентирована процессуальными нормами, а любая дискреция вызывает обоснованные опасения по поводу коррупциогенных рисков.

В то же время одних только процедурных требований недостаточно, чтобы гарантировать обе-

* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 490-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

спечение всех критериев качества правоприменения. Например, определенность и предсказуемость судебного решения — это характеристики, существенно влияющие на достижение целей правоприменительной деятельности, но не программируемые полностью на уровне правовых норм, эту деятельность регламентирующих.

При этом «градус» принудительности при индивидуальном властном регулировании не только не снижается (как это происходит в локальном и договорном регулировании), но даже возрастает по сравнению с регулированием нормативным, так как здесь принуждение из абстрактной угрозы превращается в насилие в отношении конкретного человека. Таким образом, первоначальная задача умного регулирования — оптимизировать принуждение, предложить более эффективные и ресурсосберегающие его альтернативы — на уровне правоприменения не теряет своей актуальности, но приобретает новые формы, сталкивается с новыми сложностями.

Есть ли в этом случае основания говорить об умном правоприменении? По нашему мнению, такие основания есть.

Продолжая ту же логику, которая заложена в понятие умного регулирования, можно предложить понимать под умным правоприменением такую организацию правоприменительной деятельности, которая наилучшим (наименее ресурсозатратным) образом позволяет достичь цели правового регулирования.

Зарубежные исследователи, рассматривая это понятие (smart enforcement), выделяют следующие особенности умного правоприменения: ориентир на мотивирование соблюдения регулятивных требований субъектами правоотношений, учет их информированности, «процедурной справедливости», рационализация затрат и выгод всех участников правоприменительного процесса [12; цит. по: 13, с. 7].

Безусловно, говорить об умном правоприменении следует не в противопоставление, а в развитие того, что касается применения права в целом. Поэтому важно подчеркивать, что прочную юридическую основу его составляет последовательность операций, обеспечивающих квалифицированное разрешение конкретного дела в соответствии с нормой права. Все остальное имеет значение только при выполнении этого обязательного условия.

Такая прочная основа задается четкими алгоритмами правоприменительной деятельности, определяющими последовательность и содержание всех ее этапов. В современной литературе принято связывать алгоритмизацию права в первую очередь с задачами цифровизации [14], хотя значение ее может быть представлено гораздо шире. На уровне применения права она, с одной стороны, необходима

для упрощения и упорядочения выполнения правоприменителем своих профессиональных задач, снижения вероятности ошибки, а другой, — важна для всех участников правоприменительного процесса, так как гарантирует определенный уровень качества коммуникации, повышает понятность и предсказуемость происходящего.

Нормативная составляющая, конечно, и здесь преобладает. В самом общем виде алгоритмы судебного и административного применения права задаются процессуальным и иным законодательством. На подзаконном уровне более детальное регулирование предусматривают административные регламенты, которые устанавливают требования к последовательности и порядку осуществления определенных действий, включая внешние, формальные их характеристики. Для действий, предполагающих большую вариативность, а также касающихся технических, организационных вопросов, валидным способом алгоритмизации выступают методические рекомендации.

Помимо нормативно установленных алгоритмов, возможна и более глубокая детализация технологии правоприменения. Продуктивной идеей является дробление правоприменительной деятельности на отдельные правоприменительные операции [15; 16]. Такое препарирование применения права на «элементарные частицы» требует масштабной теоретической работы. Она предполагает не столько отражение нормативно закрепленных правоприменительных процедур, сколько детальное представление того содержания, которое скрыто за процессуальной формой. Чем более подробно описана технология, тем меньше остается пространства для возможных ошибок.

Помимо подробных и понятных всем участникам алгоритмов, умное правоприменение может подразумевать использование таких инструментов, как риск-ориентированный подход, учет выгод и издержек, поддержание мотивированного соблюдения регулятивных норм, использование поведенческих приемов для обеспечения конструктивного взаимодействия сторон, языковое качество и аргументированность текста правоприменительного акта и др.

Некоторые из этих инструментов призваны обеспечить ясность и доступность происходящего для всех участников. Такую роль играют требования к тексту индивидуального правового акта и к коммуникативным компетенциям правоприменителя. В этой логике, например, высказывалась идея о необходимости последовательного описания в каждом приговоре всех элементов юридической конструкции состава преступления [17].

Другие необходимы для того, чтобы ответить на вопрос, наилучшим ли образом достигаются те цели,

ради которых применяемая норма была принята (возможно, правильное здесь говорить о целях права в целом, а не отдельной нормы [18; 19]). В некоторых случаях такая цель может быть достигнута и без применения нормы: вместо разрешения конфликта возможен уход от него; снижение избыточного контроля может положительно повлиять на развитие бизнеса. С этой точки зрения, в качестве инструментов умного правоприменения могут рассматриваться медиация и иные средства альтернативного разрешения споров.

Если правоприменительные операции заставляют нас проникнуть вглубь данной деятельности, то последняя группа средств требует умения увидеть все то, что эту деятельность окружает: реальные цели правовых норм, возможные последствия их реализации, условия, которые приближают или отдаляют нас от нужных последствий.

На первый взгляд, такой подход к правоприменительной деятельности противоположен по-

иску чисто логических ее алгоритмов. Но, скорее, речь идет о дополнении общей картины нужными красками. Важно при этом избегать крайностей. Доведя алгоритмизацию до абсолюта, мы можем получить вместо правоприменителя бездушного робота. На противоположном конце спектра есть риск полного ухода от права, потери строгой процессуальной формы, подмены законности целесообразностью.

Право и особенно правоприменение действует не в вакууме. Чтобы быть «умным», оно должно быть грамотным и прозрачным. Но помимо сугубо формальных юридических операций, существуют поведенческие, психологические эффекты, связанные с ними. Правоприменитель должен, в том числе, понимать, как его слова и действия воспринимаются людьми, как то или иное решение на них повлияет, уметь сознательно и рационально использовать тот ресурс, который дают персонифицированные в его лице два сущностные свойства права: принудительность и авторитетность.

Список источников

1. Ленин В. И. Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 33.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
3. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.
4. Тарасов Н. Н. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.
5. Деготь Б. А. Классификация норм советского социалистического права по их структуре. Саратов, 1977.
6. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М., 1981.
7. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
8. Gunningham N., Sinclair Darren. Smart Regulation // Regulatory Theory / Ed. by Peter Drahos. Canberra, Australia, 2017.
9. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / кол. авторов; под ред. М. Л. Давыдовой. М., 2024.
10. Dowding K., Oprea A. Reconsidering Nudges and Manipulation. Unpublished manuscript (Version 1). URL: https://www.researchgate.net/publication/357227067_Reconsidering_Nudges_and_Manipulation (дата обращения: 20.04.2025).
11. Cass R. Sunstein. Nudging: A Very Short Guide Discussion. Paper № 799 11/2014. Harvard Law School. Cambridge, MA 02138.
12. Blanc F., Faurc M. Smart enforcement in the EU // Journal of Risk Research. 2020. № 23(3).
13. Слеженков В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? // Правовая парадигма. 2025. № 2.
14. Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права и принципы права // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4(93).
15. Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций. М., 2023.
16. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53.
17. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность: постановка проблемы. СПб., 2007.
18. Аверин А. В. Применение права не есть применение нормы права или закона // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики : мат-лы XV междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Н. Влащенко. М., 2021.
19. Аверин А. В. Правосудие — это применение содержания права, а не применение его формы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

УДК 340.11

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-276-280

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Установление пределов правового регулирования в ситуации пробельности позитивного права

Екатерина Сергеевна Зайцева

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ zay_tseva@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Потребность установления пределов правового регулирования возникает в процессе осуществления не только правотворческой, но и правоприменительной деятельности. Одной из наиболее значимых типовых ситуаций, обуславливающих эту потребность, является наличие пробелов в позитивном праве. Способ преодоления пробелов (аналогия закона или аналогия права) определяет, какие пределы правового регулирования следует устанавливать правоприменителю. При применении аналогии закона правоприменитель должен действовать в пределах предмета правового регулирования, при применении аналогии права правоприменитель вынужден выявлять пределы сферы правового регулирования.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, предмет правового регулирования, пробелы в позитивном праве, принципы права

Для цитирования: Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в ситуации пробельности позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 276–280.

Establishment of the Limits of Legal Regulation in a Situation of Gaps in Positive Law

Ekaterina S. Zaytseva

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ zay_tseva@mail.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

The need to establish limits of legal regulation arises in the process of carrying out not only law-making but also law enforcement activities. One of the most important typical situations that give rise to this need is the existence of gaps in positive law. The way to bridge the gaps (analogy of statute or analogy of law) determines what limits of legal regulation should be set by the law enforcer. When applying the analogy of statute, the law enforcer must act within the scope of the legal regulation, when applying the analogy of law the law enforcer has to identify the limits of the scope of the legal regulation.

Keywords: limits of legal regulation, sphere of legal regulation, the subject-matter of legal regulation, gaps in positive law, principles of law

Citation: Zaytseva E. S. Establishment of the Limits of Legal Regulation in a Situation of Gaps in Positive Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 276–280 (In Russ.).

В сфере правореализующего (в том числе правоприменительного) регулирования его пределы задаются действующим законодательством [1, с. 57]. С этим тезисом трудно не согласиться, но поскольку законодательство в силу как объективных, так и субъективных причин не всегда отражает сферу правового регулирования, в процессе правоприменения также возникает потребность установления пределов правового регулирования.

Еще в советский период были обозначены две противоположные позиции относительно возможности изменения пределов правового регулирования, установленных законодателем. В соответствии с первой в процессе правоприменения

невозможно расширение или изменение пределов действия существующих правовых норм, а возможна только их конкретизация и уточнение [2, с. 152]. В соответствии со второй в правоприменительной деятельности как в ситуации использования аналогии, так и в случае толкования оценочных правовых понятий, формирования новых правоконкретизирующих положений возможно правомерное расширение пределов, установленных законодателем [1, с. 59]. Полагаем, расширение пределов, установленных законодателем, безусловно, возможно. Но насколько его можно считать правомерным? Ответ на этот вопрос связан с концепцией правопонимания, а также с ответом на вопрос о границах судебного усмотре-

ния, активно дискутируемым в юридической науке¹. Должно ли судебное усмотрение осуществляться строго в рамках закона [4, с. 13] или допустим выход за его пределы [5, с. 209]? Отвечая на него, возьмем за основу позицию Г. Харта, который связывал судебное усмотрение с открытой структурой или, точнее, текстурой (open texture) права. По его мнению, законодательное предписание задает общий вектор регулирования, а задача суда — придать этому вектору необходимую определенность путем формулирования конкретизирующих правил [6, с. 128–138].

Первое, что следует отметить, это вторичный (производный) характер, поскольку изначально пределы предмета правового регулирования уже определены законодателем и именно их установление является первоочередной задачей правоприменителя. Но в силу того, что законодатель по разным причинам объективного и субъективного характера не может в полной мере охватить все общественные отношения, требующие правового регулирования, у правоприменителя также возникает потребность выявления сферы правового регулирования и ее пределов². Констатируя наличие пробела, правоприменитель фактически признает правовой характер общественных отношений, прямо не урегулированных законодателем, тем самым включая их в сферу правового регулирования и определяя пределы применительно к тому или иному случаю. А вот дальше все зависит от способа преодоления пробела.

Использование аналогии закона предполагает, что правоприменитель действует в границах предмета правового регулирования, обозначенного законодателем, и его усмотрение исчерпывается фактом признания правового характера правовых отношений, входящих в сферу правового регулирования, но не охваченных действующим законодательством в силу его пробельности.

Так, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Инвест-Юр-Сервис» Арбитражным судом Волго-Вятского округа аналогия закона была применена следующим образом. В ООО «Инвест-Юр-Сервис» было введено конкурсное производство. С этого момента полномочия руководителей юридического лица были прекращены и судом был назначен конкурсный управляющий. Через некоторое время суд принял решение о прекращении процедуры

банкротства, так как третье лицо погасило долги за ООО «Инвест-Юр-Сервис», что позволило юридическому лицу продолжать осуществлять свою деятельность. Однако возник вопрос, кто должен им руководить: полномочия прежних руководителей были прекращены в связи с началом конкурсного производства, а полномочия конкурсного управляющего прекратились, так как закончилось конкурсное производство. Суд, прекращая конкурсное производство, указал, что полномочия генерального директора будет исполнять конкурсный управляющий, пока не будет избран в установленном порядке новый генеральный директор. Однако это решение было обжаловано, так как заинтересованные лица посчитали, что раз конкурсное производство прекращено, а полномочия последнего генерального директора не истекли, то генеральный директор может вернуться к исполнению своих обязанностей. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не регламентирует отношения, связанные с руководством должника в период после прекращения производства по делу о банкротстве в процедуре конкурсного производства и до назначения генерального директора в порядке, предусмотренном корпоративным законодательством. Однако п. 2 ст. 123 указанного Закона содержит положение, в котором описывается аналогичная ситуация, но для другой стадии банкротства — внешнего управления, в соответствии с которой, если внешнее управление завершается погашением требований кредиторов или мировым соглашением, то внешний управляющий продолжает руководить юридическим лицом до тех пор, пока не изберут в установленном порядке нового руководителя³. Таким образом, суд применил аналогию закона, оставшись в рамках пределов предмета правового регулирования, установленных законодателем.

При применении аналогии права складывается иная ситуация. Правоприменитель не просто констатирует включенность общественных отношений в сферу правового регулирования, но и устанавливает конкретные права и обязанности их субъектов. При этом, устанавливая их, он должен не допустить как расширения пределов сферы правового регулирования, так и их сужения. Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа обозначил необходимость использования аналогии права по делу следу-

¹ Существует несколько подходов к этому вопросу (см., напр.: [3, с. 28–37]).

² Мы исходим из того, что пределы сферы правового регулирования — это границы, в которых должно осуществляться целенаправленное организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу. Пределы предмета правового регулирования — это границы, в которых осуществляется целенаправленное организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств, обусловленное объективными и субъективными факторами.

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А17-1470/2019 от 3 февраля 2025 г. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ющим образом. Между ООО «ЮграЭкоПром» и налоговой инспекцией было заключено мировое соглашение относительно погашения задолженности по налогам и утверждено определением суда от 28 ноября 2022 г. 09.01.2024 ООО «ЮграЭкоПром» обратилось в суд с заявлением о прекращении исполнения мирового соглашения в связи с его исполнением. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении такого требования, в том числе по причине того, что Арбитражный процессуальный кодекс РФ не содержит оснований и порядка прекращения исполнения судебного акта в случае добровольного исполнения его должником.

Кассационная инстанция не поддержала вывод суда первой инстанции, признав право истца на обращение в суд с заявлением о прекращении исполнения мирового соглашения и отметив, что несмотря на то что в Арбитражном процессуальном кодексе РФ нет положений о прекращении исполнения судебного акта, по смыслу этот судебный акт возлагает определенные обязательства на сторону. Об этом говорит правовая позиция, изложенная в определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. № 310-ЭС15-17354, в соответствии с которой должник, полностью исполнивший судебный акт, в том числе в добровольном порядке, не лишен возможности обратиться в суд с требованием о прекращении обязанности по исполнению судебного акта. В свою очередь Гражданский кодекс РФ предусматривает, что обязательство прекращается, если оно было надлежащим образом исполнено и лицо, исполнившее это обязательство, может обратиться в суд для того, чтобы подтвердить факт такого надлежащего исполнения. Следовательно, исходя из общего смысла законодательства, на основании ст. ст. 12, 408 Гражданского кодекса РФ применительно к положениям ст. 327 Арбитражного процессуального кодекса РФ и п. 4 ч. 1 ст. 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ должник вправе защитить свои права в судебном порядке⁴.

Основным критерием, позволяющим установить пределы сферы правового регулирования в случае пробельности законодательства, являются принципы права⁵. Их позитивное значение проявляется в том, что они, с одной стороны, дают возможность обеспечить стабильность и гибкость правового регулирования, разгружая законодательство и минимизируя проблему его избыточности, с другой стороны, позволяют преодолевать пробелы, ре-

шая проблему его недостаточности. В то же время использование принципов права влечет за собой ряд проблем, связанных со значительным влиянием субъективного фактора в процессе их толкования и применения.

Повышенное влияние субъективных факторов обусловлено тем, что в отличие от правотворческой деятельности правоприменительная деятельность по большей части индивидуальна либо ограничено коллегиальна. В ней индивидуальные интересы, обусловленные политическими, религиозными, моральными, культурными пристрастиями и установками, проявляются гораздо сильнее, чем в правотворческой, где индивидуальный интерес растворяется в общей массе интересов субъектов, принимающих решение. Этому способствует и многоэтапная процедура принятия нормативных правовых актов, характеризующая правотворческую деятельность, существенный арсенал задействованных при ее осуществлении юридико-технических средств и правотворческих технологий.

Этот факт обуславливает иное содержательное наполнение субъективных факторов, характерных для правотворческой деятельности, таких как политико-правовой и юридико-технический. В данном случае политико-правовой фактор можно условно разделить на два самостоятельных блока. Первый связан с властными политическими установками, которые могут оказывать влияние на результаты рассматриваемых видов деятельности. Так, профессор А. В. Аверин отмечает влияние на правосудие правоприменительных установок Президента Российской Федерации, которые правоприменители нередко доводят до абсурда. По его мнению, это системная проблема, которая на сегодняшний день имеет характер эпидемии [7, с. 86]. Второй блок связан с так называемым фактором среды [7, с. 85; 8, с. 83], когда общественное мнение может оказывать существенное влияние на принятие решений. Как отмечает профессор В. И. Гойман, особенно это ощутимо в экстремальных условиях, как правило, там, где действуют гипертрофированные религиозные, национально-исторические факторы, оказывающие разрушительное влияние, и приводят к блокированию зданий судов, проведению демонстраций и митингов с выдвижением адресованных судам требований. Проблема влияния политической целесообразности на практику квалификации преступления, которая приводит к угрозе политически конфликтного правоприменения и может стать источником социаль-

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № А75-14121/2022 от 13 февраля 2025 г.

⁵ См., напр.: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 12 февраля 2024 г. по делу № СИП-703/2023. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/q7gakFmTlp5v/?ysclid=m2xjbz9xkw719310709> (дата обращения: 10.06.2024); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 сентября 2021 г. № Ф06-8650/2021 по делу № А72-13094/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bNQP9uXSmtxK/?ysclid=m2xjd8omxr399534968> (дата обращения: 10.06.2024).

ного напряжения и протестных проявлений, отмечалась Т. В. Кленовой [9, с. 64, 75].

Что касается юридико-технического фактора, то, как было отмечено выше, возможности использования различных юридико-технических средств в правоприменительной деятельности по отношению к правотворческой ограничены. В правотворческой деятельности их гораздо больше, они более детально проработаны, это целые правотворческие технологии, включающие значительное количество методов и средств. Вместо научно-познавательного фактора, определяющего процесс установления пределов правового регулирования в правотворческой деятельности, можно выделить культурно-образовательный фактор, предполагающий, что на процесс установления пределов правового регулирования в правотворческой деятельности оказывает влияние уровень правосознания субъектов, ее осуществляющих. Именно правосознание имеет существенное значение при применении аналогии права, аккумулируя представление о сути права, о его принципах [10, с. 138]. Нельзя не отметить, что неопределенность права, обусловленная наличием пробелов (негативная форма неопределенности), а также неопределенность принципов права как критериев установления пределов правового регулирования при применении аналогии права, предполагают возможность определенных последствий, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, произвольным толкованием и, как следствие, неправильным установлением пределов правового регулирования.

Установление пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности в ситуации преодоления пробелов имеет уточняющий характер, поскольку правоприменитель, преодолевая пробел, связан если не нормой, то принципами права, а также общим смыслом законодательства. Пределы правового регулирования в правоприменительной деятельности устанавливаются только в отношении той ситуации, по которой выносится соответствующее решение. Формой выражения установления пределов правового регулирования служит правоприменительный акт, по определению имеющий однократное и индивидуальное действие.

В то же время результаты установления пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности имеют значение не только для тех дел, в процессе которых они устанавливаются и позволяют разрешить конкретную правовую проблему, но и для последующей правотворческой деятельности, позволяя, с одной стороны, осуществлять эмпирическую проверку правильности установления предмета правового регулирования, а с другой —

выявлять те общественные отношения, которые находятся в сфере правового регулирования, но не попали в поле зрения законодателя.

Активное использование аналогии закона по конкретной статье свидетельствует о необходимости самостоятельного регулирования тех или иных общественных отношений. В свою очередь аналогия права предполагает, что в процессе ее использования формулируется нормативное положение, претендующее на самостоятельность и дальнейшее включение в нормативный правовой акт. Как отмечал профессор Л. С. Явич, «длительное и масштабное, единообразное преодоление судом пробелов формирует новую юридическую норму» [11, с. 134–135]. Следует отметить, что в этом случае требуется обобщение результатов правоприменительной практики, в процессе которого можно делать выводы о необходимости изменения пределов предмета правового регулирования. Это происходит не одномоментно, а в результате длительного процесса достижения единообразия судебной практики, которая вначале обобщается и поддерживается высшими судебными инстанциями, а позднее может быть воспринята законодателем. Именно совокупность индивидуальных решений, обобщенных и проанализированных высшей судебной инстанцией, может служить образцом для последующего законодательного решения [12, с. 97]. В данном случае Верховный Суд Российской Федерации выступает в качестве посредника между законодателем и правоприменителем, поэтому интерпретационную деятельность Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительную деятельность необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи. К сожалению, влияние судебной практики на правотворчество и улучшение его качества пока весьма фрагментарно, и ее потенциал используется далеко не в полном объеме [13, с. 75]. В целом можно говорить о том, что правоприменительная практика должна способствовать развитию системы права и системы законодательства, а также выявлению пределов сферы правового регулирования.

Подводя итог, следует отметить, что неправильное установление пределов сферы правового регулирования, как правило, обнаруживается не столько в правотворческой деятельности, сколько в процессе реализации права, особенно в правоприменительной деятельности. Правоприменитель сталкивается с необходимостью оценки адекватности урегулирования общественных отношений, хотя это и не является его прямой задачей. Исправлять несовершенства законодательства может только сам законодатель, а вот преодолевать сложившуюся ситуацию должен и правоприменитель. Правоприменительная практика — это значимый источник информации, позволяющий как вычислять просчеты законода-

теля, так и выявлять новые общественные отношения, составляющие сферу правового регулирования. Сфера правового регулирования крайне динамична, поэтому и возникает необходимость корректировки

и уточнения ее пределов в целях дальнейшего развития предмета правового регулирования и приведения его в соответствие со сферой правового регулирования и ее пределами.

Список источников

1. Рабинович П. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права : межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1987.
2. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
3. Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005.
4. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
5. Лукьяненко М. Ф. О судебном правотворчестве в условиях принципа разделения властей // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2.
6. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007.
7. Аверин А. В. Ориентирующие и оценочные критерии формирования карательной уголовно-правовой судебной практики. Критерии в праве: теория, практика, техника : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2018.
8. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). М., 1992.
9. Кленова Т. В. Социально-политические составляющие квалификации преступлений // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107, № 10.
10. Сенякин И. Н. Принципы права и принципы законодательства: соотношение и взаимосвязь // Принципы права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010.
11. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985.
12. Залоило М. В., Власенко Н. А., Шуберт Т. Э. Понятие, формы и содержание судебной практики // Судебная практика в современной правовой системе России : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017.
13. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учеб. пособие. М., 2018.

УДК 342.33:342.5

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-281-285

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Органы государственной власти с особым правовым статусом в российской системе разделения властей

Роман Леонидович Иванов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ ivanrl@mail.ru

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Органы государственной власти с особым правовым статусом созданы во многих государствах. Их появление в существующем виде обусловлено механизмом сдержек и противовесов, обеспечивающим баланс ветвей государственной власти. Однако юридическая природа этих органов по-разному обозначается не только в законодательстве, но и в правовой науке. В зависимости от субъективно определяемого «организационного тяготения», эти органы причисляются исследователями к разным ветвям государственной власти либо на их основе конструируются новые ее виды. В Российской Федерации их место в системе разделения властей, как правило, тоже однозначно не определено. В работе обосновывается положение о том, что органы государственной власти с особым правовым статусом могут быть созданы в составе любой из ее ветвей, а те из них, которые российским законодательством однозначно не отнесены ни к одной из них, являются институтами исполнительной власти.

Ключевые слова: разделение властей, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, особый правовой статус

Для цитирования: Иванов Р. Л. Органы государственной власти с особым правовым статусом в российской системе разделения властей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 281–285.

Public Authorities with Special Legal Status in the Russian System of Separation of Powers

Roman L. Ivanov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ ivanrl@mail.ru

¹ Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Public authorities with special legal status have been established in many states. Their appearance in its present form is determined by a mechanism of checks and balances that ensures the balance of the branches of government. However, the legal nature of these bodies is described differently not only in legislation but also in legal science. Depending on the subjectively defined “organizational gravitation”, these bodies are classified by the researchers as belonging to different branches of state power, or its new types are constructed on their basis. In the Russian Federation, their place in the system of separation of powers is also generally not clearly defined. The article justifies the position that public authorities with special legal status can be created in any of its branches, and those of them, which are not unequivocally assigned to any of them by Russian legislation, are institutions of executive power.

Keywords: separation of powers, legislative power, executive power, judicial power, special legal status

Citation: Ivanov R. L. Public Authorities with Special Legal Status in the Russian System of Separation of Powers. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 281–285 (In Russ.).

В любом современном государстве, реализующем принцип разделения властей, существуют государственные органы, принадлежность которых к конкретным ветвям государственной власти неочевидна. Это обусловлено их особым правовым статусом, отличающимся от типичного правового статуса органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Их место в системе разделения властей

национальным правом нередко четко не обозначено. Иногда за ними может закрепляться статус институтов самостоятельной ветви государственной власти: контрольной, президентской, избирательной, гражданской или иной [1, с. 77–78].

Неоднозначна их оценка и в судебной практике. Например, один из таких органов в нашей стране — Центральный Банк России — рассматривается

ею и как орган государственной власти, и как институт, который не входит с систему публичной власти, хотя и выполняет публично-правовые функции [2, с. 242–244].

Отсутствует общепризнанная характеристика органов государственной власти с особым правовым статусом и в научной литературе, где их восприятие может совпадать с законодательно закрепленной позицией [3, с. 21], а может существенно от нее отличаться [4, с. 60; 5, с. 58–59; 6, с. 27]. Во многом их научную трактовку определяют особенности исторического развития конкретных стран, воспринятые их политическими и правовыми культурами. В результате один и тот же вид государственных органов национальные правовые доктрины могут относить к разным ветвям государственной власти [7, с. 305, 312].

В Российской Федерации такими органами на федеральном уровне являются Уполномоченный по правам человека в РФ, Центральный Банк России, Счетная Палата РФ, Центральная избирательная комиссия РФ, Следственный комитет РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, прокуратура РФ. На региональном уровне они представлены уполномоченными по правам человека в субъектах РФ, счетными палатами и избирательными комиссиями субъектов Федерации.

В зависимости от специализации они могут быть разделены на два вида. Первый осуществляет постоянный контроль за однородной исполнительной деятельностью всех ветвей власти, которая не является для них специфичной. Второй обеспечивает формирование их институтов и организационно-техническое обеспечение их деятельности.

Отдельное место среди них занимает Центральный банк России, который наряду с функциями органа государственной исполнительной власти, осуществляющего правовое регулирование финансового рынка и соответствующую контрольно-надзорную деятельность, выполняет в государственных интересах деятельность, не связанную с осуществлением власти. Его роль в поддержании стабильности и развития банковско-финансового сектора экономики тоже требует организационной и функциональной независимости от иных институтов исполнительной власти, что обусловило его особый правовой статус.

Появление подобных органов вызвано тем, что каждое государство, воспринявшее принцип разделения властей, реализует его в соответствии с национальными интересами, опираясь на собственные политические и правовые ценности¹. В результате

возникают разные варианты разделения властей, отличающиеся не только их конституционно закрепленным количеством, но и особенностями их взаимодействия, а также местом, которое им отводится в государственной системе. В условиях правовой государственности все эти модели преследуют общую цель — создание такого баланса между основными видами публичной власти и внутри каждого из них, который обеспечил бы реализацию властных полномочий на основе права и воспрепятствовал злоупотреблению ими в интересах отдельных групп населения или лиц.

Для достижения такого равновесия необходим контроль за формированием и деятельностью органов, относящихся к различным ветвям государственной власти. Его обеспечивают разные субъекты. Он осуществляется носителем государственного суверенитета — народом, образующим государство. Этот контроль может быть назван субстанциональным². Потребность в нем вызвана профессиональным характером деятельности органов государственного аппарата, определившим их обособленность от остального населения страны. Участвуя в регулярных выборах законодательных органов, избирая своих представителей в иные государственные органы и на отдельные государственные должности, народ получает возможность не только осуществлять практическую оценку их деятельности, но и влиять на эту деятельность в будущем через комплектование нового их состава. Субстанциональный контроль может осуществляться также путем использования избирателями полномочий в рамках императивного мандата, предусмотренного законодательством некоторых стран. Он дает возможность отзывать избранных представителей и заменять их другими избранниками народа [8, с. 192].

Субстанциональный контроль не является постоянным, непрерывным. Он осуществляется периодически и не обеспечивает поддержания текущего баланса ветвей государственной власти. Для этого требуются иные виды контроля. Один из них, при котором разные ветви государственной власти «надзирают» друг за другом и используют предусмотренные спецификой их основной деятельности меры юридического реагирования, можно назвать внешним или «межвластным». Другой обеспечивает надзор за отдельными органами внутри конкретной ветви власти, который она осуществляет самостоятельно. Это ее внутренний («внутривластный») контроль.

Задача внешнего контроля обычно состоит в том, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям

¹ Если, конечно, собственные политические и правовые ценности у страны существуют и она обладает реальным государственным суверенитетом.

² Данное обозначение логически следует из представления о народе как субъекте, который образует субстрат государства и олицетворяет глубинный, субстанциональный уровень государственной власти.

законодательными, исполнительными или судебными полномочиями со стороны их основных обладателей — парламентов, субъектов исполнительной власти и судов. Для этого органы, возглавляющие соответствующую ветвь государственной власти, наделяются контрольными полномочиями в отношении других ее ветвей, которые они реализуют непосредственно. Как правило, к ним относятся: парламентский контроль за реализацией законов органами исполнительной власти; возможность главы исполнительной власти использовать вето для блокировки принятого парламентом закона; полномочие органов исполнительной власти обжаловать закон в суде при сомнении в его конституционности; полномочия парламентов и органов исполнительной власти по обжалованию определенных судебных актов в вышестоящей судебной инстанции; судебный контроль за правомерностью правовых актов органов законодательной и исполнительной власти и т. д. В данном случае контролируются специфические полномочия отдельных ветвей государственной власти, что требует особых механизмов и форм контроля, которые создаются в пределах каждой из них и используются ими в отношении контролируемого внешнего к их системе субъекта.

Потребность во внешнем контроле не исчерпывается «межвластной» системой сдержек и противовесов. Она обусловлена также тем, что наряду со специфическими полномочиями все ветви власти осуществляют и ряд таких, которые не имеют право-творческой или судебной специфики и являются исполнительными. Так, они используют средства государственного бюджета, осуществляют организационно-техническое обеспечение своих функций, для чего заключают трудовые договоры с персоналом, гражданско-правовые договоры с поставщиками необходимых им товаров и услуг, эксплуатируют закрепленные за ними здания и иные объекты государственной собственности, производят подбор и обучение государственных служащих и т. д. Поскольку эта сторона их деятельности по содержанию является исполнительной, она требует такого же постоянного независимого контроля за ее правомерностью, какой реализуется в системе органов исполнительной власти в форме независимого внутреннего межведомственного контроля.

Законодательные органы и суды вследствие их функциональной специализации могут осуществлять собственный контроль указанной деятельности только в присущих им особых формах (парламентские слушания и расследования, отправление правосудия и обобщение судебной практики

и т. п.), которые не предназначены для независимой внутренней проверки расходования выделенных им бюджетных средств, соблюдения ими трудового, гражданского, экологического и иного законодательства. Только исполнительная власть, управляющая всеми текущими государственными делами, не входящими в исключительную компетенцию других ветвей власти, может справиться с данной задачей. Это самая многочисленная по составу образующих ее органов, наиболее мощная и мобильная система, которая включает и органы, осуществляющие меры физического и организационного принуждения.

Чтобы контроль за исполнительной деятельностью, одинаковой для всех ветвей власти, не изменял баланса властных полномочий в пользу исполнительных органов, его должны осуществлять организационно обособленные и независимые от всех контролируемых субъектов институты, надзирающие за соблюдением прав граждан, расходованием бюджетных средств, выявляющие и расследующие правонарушения. В нашей стране они представлены Уполномоченным по правам человека в РФ и уполномоченными по правам человека в субъектах РФ, Счетной Палатой РФ и счетными палатами ее субъектов, прокуратурой и Следственным комитетом.

Особые органы исполнительной власти необходимы также для организации и проведения выборов органов законодательной и исполнительной власти, для информационного, кадрового, технического обеспечения законодательных и судебных органов. Они представлены Центральной избирательной комиссией РФ и избирательными комиссиями субъектов РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Хотя их деятельность является исполнительной, она обеспечивает существенные интересы иных ветвей власти. От них зависит правомерность формирования депутатского корпуса и принимаемых им законодательных актов, эффективность функционирования судебной власти. Их тоже нужно оградить от вмешательства любых институтов власти, что можно сделать, закрепив в законодательстве их особый правовой статус, который обеспечивает их организационную и функциональную обособленность.

Несмотря на исполнительный характер деятельности вышеперечисленных органов с особым правовым статусом, их относимость к исполнительной ветви власти официально нигде не указана, равно как не обозначено их вхождение в систему иной ветви государственной власти, что возможно при реализации в государстве других вариантов разделения властей³. Такое положение не только затрудняет

³ Например, в соответствии со ст. 128 Конституции Республики Болгария 1991 г. следственные органы включены в систему судебной власти. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=120> (дата обращения: 19.02.2025).

правильное понимание их реальной правовой природы, но и является предпосылкой правотворческих ошибок при регулировании их деятельности, а также правоприменительных ошибок при реализации ими своих полномочий.

Российская Конституция не запрещает существование в системе исполнительной власти органов с особым правовым статусом, не входящих в единую исполнительную вертикаль. Их прямому отнесению в законодательстве к этой системе, вероятно, препятствует стереотип восприятия принципа разделения властей, преобладающий в отечественном массовом правосознании. В соответствии с ним все ветви государственной власти должны быть максимально автономны друг от друга. Не принимается идея, что государственные органы, которые опосредуют одинаковые потребности всех ветвей власти в исполнительной деятельности и в постоянном независимом контроле за ее правомерностью, могут входить в состав только одной из этих ветвей — исполнительной. Отсюда проистекает неопределенность в их законодательной характеристике и стремление обосновать появление новых, не предусмотренных Конституцией РФ, видов государственной власти, которые они якобы представляют.

Вместе с тем существование органов исполнительной власти с особым правовым статусом не противоречит принципу разделения властей, реализованному в нашем государстве. Более того, они служат одной из его гарантий. Ведь эти органы обеспечивают не только независимый внешний контроль за исполнительной деятельностью законодательной и судебной ветвей власти, но и такой же независимый внутренний контроль в системе исполнительной власти. Юридическая форма их контрольной деятельности — правоприменение — ничем не отличает их от иных исполнительных органов. Они не участвуют в законотворчестве и в отправлении правосудия. А организационная и функциональная автономия, которую воплощает их особый правовой статус, гарантируется им потому, что они действуют в интересах всей системы государственной власти, а не только исполнительной ее ветви. По этой причине их правовой статус закрепляется на высших — конституционном и законодательном — уровнях, хотя они не принадлежат к числу высших органов государственной власти. Именно поэтому он не предусматривает их прямого подчинения и подотчетности каким-либо органам исполнительной власти. Ее высшие органы ставят перед ними конкретные задачи и обеспечивают их, в случае необходимости, содействием со стороны иных исполни-

тельных органов. Их независимость поддерживается также участием органов законодательной или судебной власти в формировании их кадрового состава, а также контролем этих властей за их деятельностью в специфичных для них формах.

Если наличие органов исполнительной власти с особым правовым статусом — это реальный факт, то могут ли существовать законодательные и судебные органы с таким же правовым статусом? Эта возможность не исключена, если конституция страны прямо ее закрепляет. Например, наряду с постоянно действующим парламентом она может предусматривать создание самостоятельного органа законодательной власти (учредительной (конституционной) ассамблеи, конвента и т. д.), предназначенного для принятия законов, вносящих изменения в действующую конституцию, или для разработки и принятия новой конституции. Например, для данных целей ст. 135 Конституции РФ предусмотрен созыв Конституционного Собрания. Аналогичные полномочия ст. ст. 158, 162 Конституции Республики Болгария возложены на Великое народное собрание Болгарии, а согласно ст. 347 Конституции Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г.⁴ для разработки новой Конституции страны может быть созвана Национальная конституционная ассамблея. Эти законодательные органы обладают организационной и функциональной самостоятельностью и не зависят от парламента. Несмотря на то, что их порою пытаются причислить к самостоятельной ветви власти — учредительной, по основному способу их деятельности (конституционное законотворчество) и ее результатам (создание нормативных правовых актов, обладающих в системе национального законодательства высшей юридической силой) они ничем не отличаются от парламентов, за исключением тех особенностей, которые закреплены в их правовом статусе. Создание органов законодательной власти с особыми полномочиями оправдывается стремлением избежать смещения баланса между ветвями государственной власти в пользу парламента в случае, если изменение основного закона страны или принятие новой конституции поручить ему.

Органами судебной власти с особым правовым статусом, в принципе, могут считаться конституционные суды. Они организационно и функционально самостоятельны и не зависят от иных судов. Судебная процедура конституционного нормоконтроля, а также рассмотрения ими иных категорий дел, входящих в их компетенцию, обладает существенными особенностями по сравнению с типичной судебной

⁴ Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=29429> (дата обращения: 19.02.2025).

процедурой. Это закономерно, поскольку конституционные суды осуществляют контроль не только за конституционностью нормативных правовых актов парламента и органов исполнительной власти, но и за судебной практикой, воплотившейся в актах судебного правотворчества и в правоприменительных обычаях, создаваемых судами, входящими в «судебную вертикаль».

Несмотря на указанные особенности, это органы правосудия, органы судебной власти. Поэтому ликвидация в нашей стране института конституционных (уставных) судов субъектов РФ не должна приводить к передаче их судебных полномочий конституционным (уставным) советам, создаваемым при региональных парламентах [9, с. 44–49]. Право-

вая природа конституционных (уставных) советов, образованных лишь в нескольких субъектах РФ, пока неясна. В существующем виде они вряд ли могут быть причислены к органам государственной власти, поскольку их заключения по вопросам, отнесенным к их ведению, не обладают юридической обязательностью [10, с. 104]. По существу, они выполняют функции независимых экспертных учреждений, а не властных институтов.

Изложенное позволяет сделать вывод, что органы государственной власти с особым правовым статусом могут быть созданы в составе любой ее ветви, а те из них, чья видовая принадлежность в российском законодательстве прямо не определена, являются органами исполнительной власти.

Список источников

1. Чиркин В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010.
2. Козлов И. В. Правовой статус Банка России: вопросы правовой теории, законодательного регулирования и судебной практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2(157).
3. Грудинин Н. С. Конституционно-правовая модель российской системы разделения властей и пути ее развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3(69).
4. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Конституционный принцип разделения властей: теория и практика // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 5.
5. Давитадзе М. Д., Сатышева А. В. Взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
6. Давитадзе М. Д. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2021. № 3(64).
7. Рокитянский С. Г. Надзорные органы в системах власти России и отдельных зарубежных стран: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. 2024. Т. 28, № 2.
8. Чиркин В. Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997.
9. Гошуляк В. В., Портнова Е. В. Конституционная юстиция в субъектах Российской Федерации: что взамен? // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 2(42).
10. Курятников В. В. Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 1(33).

УДК 342.5

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-286-291

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

О необходимости гармонизации законодательства об общественном контроле и о противодействии коррупции

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права¹,
профессор кафедры конституционного и международного права²,

✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия),

² Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Статистика выявленных правоохранительными органами коррупционных деяний ставит перед наукой и практикой вопрос о поиске направлений совершенствования методов и форм противодействия коррупции. Одним из таких направлений, по мнению автора, является «проникновение» возможностей общественного контроля в сферу деятельности органов власти и отдельных должностных лиц. Исходя из анализа норм федеральных законов от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» автором настоящей статьи делается вывод о недостаточной гармонизации положений данных нормативных актов. Такая ситуация в совокупности с практикой деятельности общественных советов при органах государственной власти существенным образом ухудшает эффективность мероприятий по противодействию коррупции со стороны субъектов общественного контроля, а значит, снижает уровень доверия граждан к власти и гарантии соблюдения законности в деятельности властных институтов.

Ключевые слова: общественный контроль, субъекты общественного контроля, коррупция, противодействие коррупции, законность

Для цитирования: Кожевников О. А. О необходимости гармонизации законодательства об общественном контроле и о противодействии коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 286–291.

The Need for Harmonization of Legislation on Public Control and Anti-Corruption

Oleg A. Kozhevnikov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Constitutional Law¹,
Professor at the chair of Constitutional and International Law²

✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia)

² Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

The statistics of corrupt acts revealed by law enforcement agencies poses to science and practice the question of finding ways to improve methods and forms of combating corruption. One of such areas, according to the author, is “penetration” of possible public control in the sphere of activities of public authorities and individual officials. Based on the analysis of norms of federal laws of December 25, 2008 No. 273-FL “On Combating Corruption” and of July 21, 2014 No. 212-FL “On the Grounds of Public Control in the Russian Federation”, the author of this article concludes that there is insufficient harmonization of the provisions of these regulatory acts. This situation, together with the practice of public councils under public authorities, significantly reduces the effectiveness of anti-corruption measures by subjects of public control, and, thus, it reduces the level of citizens’ confidence in the authorities and guarantees of respect for the rule of law in the activities of the institutions of power.

Keywords: public control, subjects of public control, corruption, combatting corruption, legality

Citation: Kozhevnikov O. A. The Need for Harmonization of Legislation on Public Control and Anti-Corruption. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 286–291 (In Russ.).

Вопросы коррупционных деяний и эффективности борьбы с ними были и остаются весьма актуальными в рамках правоприменительной практики. Так, по информации начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации В. В. Балдина, только за 9 месяцев 2023 г. прокурорами выявлено около 77 тыс. лиц, допустивших нарушения, связанные с неисполнением антикоррупционных обязанностей, несоблюдением запретов и ограничений. В результате принятого комплекса мер прокурорского реагирования свыше 33 тыс. должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности, из них более 400 уволены в связи с утратой доверия. Большинство нарушений связано с представлением сведений о доходах, имуществе, обязательствах имущественного характера (72 тыс.), неурегулированием конфликта интересов (около 4 тыс.), представлением сведений о расходах (650), неуведомлением о склонении к коррупционному правонарушению (342), участием в предпринимательской деятельности, управлении хозяйствующим субъектом (256)¹. Не изменились тенденции и в 2024 г. Так, по данным Генерального прокурора РФ, за 9 месяцев 2024 г. прокуратура зарегистрировала почти 19 тыс. случаев взяточничества, после прокурорских проверок в 2024 г. почти 30 тыс. чиновников в РФ были привлечены к дисциплинарной ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства, около 500 из них уволили в связи с утратой доверия, по более чем 170 таким случаям ведомство через суд добилось изменения формулировки и чиновники вместо увольнения по собственному желанию попали в реестр уволенных в связи с утратой доверия².

Не отстает от правоприменителей и научная доктрина. Вопросы противодействия коррупции постоянно находятся в фокусе внимания многочисленных научных исследований [1; 2; 3] и дискуссионных площадок [4; 5; 6]. Такой повышенный интерес во многом связан с качеством и динамизмом развития законодательства о противодействии коррупции, невысокой правовой культурой российского общества и его граждан, недостаточным уровнем профилактической и иной работы по противодействию проявлениям коррупции в органах власти различного уровня.

На фоне этой проблематики идея привлечения гражданского общества и его институтов для повышения качества противодействия коррупции, с одной стороны, не является новеллой, с другой стороны, требует четкого, единообразного понимания правовой регламентации, целей, задач и форм привлечения гражданского общества в сферу антикоррупционных отношений. Одни авторы полагают, что основные формы участия гражданского общества могут заключаться во взаимном обмене информацией, совместном просвещении граждан, обсуждении и выработке конкретных решений, комплексной разработке и реализации программ и контроле за их осуществлением, проведении совместных проверок соблюдения законности, участии в предупредительных мероприятиях, методическом консультировании и организационной помощи [7], другие исследователи в качестве форм выделяют проведение общественных и консультативных советов, общественных экспертиз нормативных актов, заседаний рабочих групп, слушаний, конференций, семинаров, круглых столов, совещаний, переговоров, исследований, мониторингов, учетов и т. д. [8]. При этом любая из уже перечисленных форм по своему порядку осуществления, значимости и результативности во многом зависит от уровня правосознания самих граждан, степени развития институтов гражданского общества [9].

Несмотря на такое разнообразие подходов, все без исключения авторы сходятся в том, что общественный контроль, осуществляемый уполномоченными субъектами гражданского общества, имеет огромный потенциал в сфере противодействия коррупции, так как очевидно, что наличие независимого и объективного механизма оценки деятельности органов власти и его представителей необходим не только для защиты интересов самих граждан, но и для повышения эффективности деятельности публичного аппарата власти на всей территории нашего государства. Если РФ провозглашает себя правовым государством, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения взяли на себя конституционную обязанность соблюдать правовые нормы, то конечно же эффективность участия институтов гражданского

¹ Профилактика коррупционных правонарушений: вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений : сборник докладов участников учебно-методического семинара, проведенного 27 ноября 2023 года для представителей подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/library/sem/2023?item=94757558> (дата обращения: 07.03.2025).

² URL: <https://www.fontanka.ru/2024/12/09/74856632/> (дата обращения: 09.03.2025).

общества в механизмах противодействия коррупции путем осуществления общественного контроля напрямую зависит от уровня регламентации самого общественного контроля и его роли в противодействии коррупции.

В качестве первого обстоятельства, подтверждающего недостаточное внимание законодателя к месту и роли общественного контроля в механизмах противодействия коррупции, выступает факт отсутствия нормативного закрепления в понятии общественного контроля указания на его значение как одной из возможных и во многом необходимых мер профилактики коррупции, что, с одной стороны, создает свободу правотворчества (порой противоправного) как для самих субъектов общественного контроля, так и для органов и должностных лиц власти, что не только не способствует унификации форм и методов осуществления общественного контроля в рамках противодействия коррупционным проявлениям в системе публичной власти, но и существенно снижает уровень законности имеющихся мер противодействия коррупции в РФ.

Так, статья 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ)³, определяя основные принципы противодействия коррупции, среди которых признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина, публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, сотрудничество государства с институтами гражданского общества. Статья 5 этого же закона не упоминает субъектов общественного контроля в числе лиц, принимающих непосредственное участие в реализации организационных основ противодействия коррупции. Вместе с тем совершенно очевидно, что для противодействия коррупционным проявлениям в Российском государстве и обществе необходимо участие в формировании организационных основ не только перечисленных в ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ субъектов власти, но и субъектов общественного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства.

Серьезным препятствием к формированию устойчивых правовых основ реализации общественного контроля в сфере противодействия коррупции является, по нашему мнению, слабая состыковка положений Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 212-ФЗ) и законодательства

о противодействии коррупции, тем более что развитие институтов общественного контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в Федеральном законе № 273-ФЗ отмечено как одна из мер профилактики коррупции. В качестве наглядного примера следует отметить ключевые аспекты самой категории «общественный контроль». Так, понятие общественного контроля закреплено в ст. 4 Федерального закона № 212-ФЗ, и под ним понимается деятельность *субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов публичной власти государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений*. При этом общественный контроль может осуществляться как в формах, предусмотренных данным Федеральным законом, так и в иных формах.

Таким образом, общественный контроль осуществляется только уполномоченными на то субъектами, перечисленными в ст. 9 Федерального закона № 212-ФЗ: общественными палатами Российской Федерации, ее субъектами и муниципальными образованияами, а также общественными советами при федеральных органах исполнительной власти, общественными советами при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Но даже субъектный состав не всегда воспринимается как исчерпывающий. Например в ст. 37 законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» указывается, что органы местного самоуправления вправе создавать общественные советы при органах местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом № 212-ФЗ. Но именно этот закон и устанавливает отсутствие возможности создания подобных единиц при органах местного самоуправления.

Важно отметить, что субъекты общественного контроля неспособны напрямую воздействовать на объект общественного контроля, в частности на органы власти и организации, выполняющие публичные функции, в связи с отсутствием у них таких полномочий, они лишь могут наблюдать за деятельностью органов публичной власти, осуществлять общественную проверку, анализ и общественную оценку правовых актов и принимаемых решений органами и должностными лицами власти. Результат общественного

³ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

контроля направляется контролируемому органу государственной или муниципальной власти, при этом конечное решение остается за последними.

Нельзя не обратить внимания и на положения ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 212-ФЗ, определяющей, что осуществление общественного контроля за деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественной безопасности и правопорядка, за деятельностью полиции, органов следствия, прокуратуры и судов, а также за деятельностью, связанной с исполнением наказаний, контролем за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, содержанием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказанием психиатрической помощи, регулируется не названным законом, а специальными соответствующими федеральными законами. В пункте 4 этой же статьи определено, что не допускается принятие нормативных правовых актов в целях воспрепятствования осуществлению общественного контроля.

А теперь обратим внимание на Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции). Статья 50 этого нормативного акта имеет название «Общественный контроль за деятельностью полиции», ч. 1 этой статьи сформулирована следующим образом: «Граждане Российской Федерации, общественные объединения осуществляют общественный контроль за деятельностью полиции в соответствии с федеральным законом». Неясно, с каким именно. Поскольку Федеральный закон № 212-ФЗ на деятельность полиции не распространяется, а специального закона об общественном контроле за органами полиции нет.

А ведь проблема коррупции в рядах правоохранительных органов не является новой. Так, по информации руководителя 2-го управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления СКР по Санкт-Петербургу Бориса Синдаловского, в 2021 г. около 40% возбужденных в Петербурге уголовных дел о коррупции касались сотрудников правоохранительных органов, из рассмотренных 274 сообщений о коррупции в правоохранительных органах 251 касалось сотрудников МВД⁴.

Часть 2 ст. 50 Закона о полиции определяет, что Общественная палата Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью полиции в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Совершенно очевидно возникает вопрос о возможности осуществления

общественного контроля за полицией общественными палатами субъектов РФ и муниципальных образований. Из буквального прочтения упомянутых норм можно сделать вывод, что они исключены из субъектов общественного контроля за органами полиции.

Часть 3 ст. 50 Закона о полиции — единственная, где четко закреплено, что общественные наблюдательные комиссии и члены этих комиссий осуществляют контроль за обеспечением прав граждан в местах принудительного содержания, находящихся в ведении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Интересной представляется ситуация с реализацией положений п. 4 ст. 50 Закона о полиции в части общественных советов, образуемых при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, при территориальных органах, устанавливается их право на осуществление контроля за деятельностью полиции в соответствии с положениями об этих советах.

В Указе Президента РФ от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» (далее — Указ № 668) дано понятие общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и при территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые образуются в целях обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, и решения наиболее важных вопросов деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе полиции. Отметим, что ни слова не говорится о противодействии коррупции, не упоминается о ней и среди задач общественных советов, перечисленных в п. 5 Указа, хотя надо отдать должное, упоминание об общественном контроле имеется.

Лишь совокупность прав вышеупомянутых общественных советов при МВД России и при его

⁴ URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/sotrudniki-pravoohranitelnyh-organov-lidiruyut-po-korrumpirovannosti-sredi-drugih-professiy-v-peterburge-skr> (дата обращения: 13.03.2025).

территориальных органах, членов этих общественных советов в совокупности с положениями приказа МВД России от 23 мая 2012 г. № 534 «О Порядке заслушивания общественными советами при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах информации должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации о деятельности органов внутренних дел по пресечению преступлений, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и профилактики правонарушений» позволяет говорить о том, что общественные советы при МВД и территориальных органах имеют право на осуществление общественного контроля за деятельностью полиции.

Пункт 4 ст. 6 Федерального закона № 212-ФЗ среди основополагающих принципов осуществления общественного контроля называет публичность и открытость его осуществления и общественного обсуждения его результатов. Пункты 15 и 16 Указа № 668 тоже настраивают на гласность, открытость осуществления общественными советами при МВД России и его территориальных органах своей деятельности, в том числе общественного контроля. Однако беглый просмотр на сайте Общественного совета при МВД России отчетов о деятельности данного совета показал: в Отчете о работе Общественного совета за 2020–2022 гг., 2024 г. лишь фрагментарно упоминается об общественном контроле, в частности, указано проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам деятельности органов внутренних дел методом опроса или об организации кампании «Гражданский мониторинг» (до 2019 г. «Гражданин и полиция»), направленной на реализацию полномочий членов общественных советов при территориальных органах МВД России в части осуществления общественного контроля за деятельностью полиции по оказанию государственных услуг населению. Тем не менее отдельные мероприятия все-таки проводятся, по крайней мере, хочется на это надеяться, поскольку в отчете отмечается участие членов Общественного совета в работе аттестационных и конкурсных комиссий МВД России и в расширенных заседаниях коллегий министерства. А в разделе «Новости» за 14 февраля 2024 г. на сайте Общественного совета при МВД России можно найти такой пример: «В рамках мероприятий по антикоррупционному просвещению и созданию атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям заместитель Министра внутренних дел по

Республике Мордовия полковник полиции Игорь Зубаров и член общественного совета при региональном ведомстве, руководитель отряда «Правопорядок» Сергей Киушкин провели тематическую лекцию с руководящим составом Министерства и территориальных органов внутренних дел».

Во время консультаций в Совете Федерации Федерального собрания РФ 13 мая 2024 г. министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев особо отметил, что сотрудники органов внутренних дел выявляют 75 процентов коррупционных преступлений и за 2023 г. выявляемость взяточничества повысилась на 3%⁵.

В завершение исследования следует подчеркнуть, что недостаточная гармонизация базовых для общественного контроля и противодействия коррупции федеральных законов № 212-ФЗ и № 273-ФЗ не только существенно снижает уровень правового обеспечения важной как для общества, так и для государства деятельности по снижению числа коррупционных деяний, но и приводит к тому, что в работе уполномоченных субъектов общественного контроля присутствуют объективные трудности, обусловленные «пробельностью» и неурегулированностью норм вышеуказанных актов. Особенно это касается специального правового регулирования общественного контроля в отношении деятельности в области обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественной безопасности и правопорядка, деятельности полиции, органов следствия, прокуратуры и судов, а также деятельности, связанной с исполнением наказаний, контролем за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, поскольку наличие коррупционных деяний в этих сферах государственного управления наиболее губительно для государства и общества.

В связи с этим представляется, что федеральный законодатель должен обратить особое внимание на нормативное обеспечение возможностей общественного контроля по противодействию коррупции в органах власти всех уровней, а субъекты общественного контроля, в том числе руководители общественных советов при органах государственной власти, работу по противодействию коррупционным проявлениям среди сотрудников и работников государственных и муниципальных органов должны рассматривать в качестве одного из приоритетов своей общественной деятельности. Тогда наша действительность в большей степени будет соответствовать категории «правовое государство», закрепленной в ст. 1 Конституции РФ.

⁵ URL: https://news.rambler.ru/politics/52747110-kolokoltsev-mvd-vyyavlyayet-75-protseptov-korrupsionnyh-prestupleniy/?utm_source=copysharing&utm_medium=social (дата обращения: 13.03.2025).

Список источников

1. Кулакова В. А. Коррупция в России и Китае: понятие, виды, состояние, противодействие // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2023. № 13.
2. Лукашов М. С. Коррупция как гражданско-правовое правонарушение // Научный альманах. 2024. № 12-2(122).
3. Сариева Д. С. Проблемы коррупции в государственном управлении // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2023. № 5.
4. Семенова И. В. Цифровизация и коррупция: формы взаимодействия и влияния // Актуальные вопросы противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям : мат-лы межвед. науч.-практ. конф. СПб., 2024.
5. Шевчук Е. М., Барышникова Я. Е. Коррупция в России: ретроспективный анализ, влияние на моральные, правовые, психологические устои общества // Научные труды студентов Ижевской ГСХА : сб. статей. Ижевск, 2023.
6. Якимчук В. А. Коррупция как социальное явление // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия : мат-лы LXXXIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2023.
7. Федорова И. В. Формы и методы взаимодействия полиции с институтами гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2.
8. Киричек Е. В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96, № 9.
9. Кожевников О. А. Конституция и законодательство о противодействии коррупции в Российской Федерации: новые грани взаимодействия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3.

УДК 340.132

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-292-296

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Связь науки и практики в правоприменении: условное и безусловное

Галина Михайловна Лановая

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права¹,

✉ lanovaya-galina@mail.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

В статье обосновывается идея о том, что связь науки и практики в правоприменении носит условный характер, причем условность этой связи определяется прежде всего именно свойствами применения права как специфической государственно-властной деятельности, обеспечивающей претворение правовых предписаний в реальные правоотношения. Тот факт, что связь науки и практики в правоприменении условна, необходимо учитывать как при оценке результатов научных исследований в области права, так и при определении средств и методов практического осуществления достижений современной юридической науки, нацеленных на оптимизацию правоприменительной деятельности. Поиск таких средств и методов актуален и значим в силу того, что сохранение связи науки и практики в правоприменении имеет безусловную ценность.

Ключевые слова: применение права, юридическая наука, правоприменительная практика, юридические исследования

Для цитирования: Лановая Г. М. Связь науки и практики в правоприменении: условное и безусловное // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 292–296.

The Relationship between Science and Practice in Law Enforcement: Conditional and Unconditional

Galina M. Lanovaya

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of State and Law Theory¹,

✉ lanovaya-galina@mail.ru

¹ V. Ya Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article substantiates the idea that the relationship between science and practice in law enforcement is conditional, with the conditionality of this relationship being determined primarily by the properties of the application of law as a specific state-power activity, ensuring the transformation of legal prescriptions into real legal relationships. The fact that the relationship between science and practice in law enforcement is conditional should be taken into account both when assessing the results of legal research and when determining the means and methods for the practical implementation of the achievements of modern legal science, aimed at optimizing law enforcement. The search for such tools and methods is relevant and significant because the preservation of the link between science and practice in law enforcement has an unconditional value.

Keywords: application of law, legal science, law enforcement practice, legal studies

Citation: Lanovaya G. M. The Relationship between Science and Practice in Law Enforcement: Conditional and Unconditional. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 292–296 (In Russ.).

Не будучи юридической, проблема условного и безусловного в то же время довольно часто привлекает внимание современных правоведов. Обращение к ней вряд ли можно считать случайным: условное и безусловное не просто обнаруживаются в праве, в отдельных его институтах, в различных правовых явлениях и процессах, они с необходимостью требуют друг друга, лишь в своем единстве обеспечивая праву возможность эффективно действовать, приводить множество разнородных отношений в соответствие с едиными общеобязательными формализованными моделями.

Вовлеченность современного человека в круг бесконечных слабо предсказуемых изменений, которые часто происходят слишком быстро для того, чтобы он был способен к ним успешно адаптироваться, обуславливает возрастание значимости права как инструмента упорядочения, стабилизации, консервации отношений. В то же время на практике многое в самом праве оказывается спонтанным, неустойчивым и подвижным. В этой ситуации проблема соотношения условного и безусловного в праве приобретает чрезвычайную актуальность, а рассмотрение любого теоретически и практиче-

ски значимого вопроса через призму проявления и связи условного и безусловного вызывает очевидный интерес.

Не служит исключением и вопрос о связи науки и практики в правоприменении, решить который не так просто, как может показаться на первый взгляд.

С одной стороны, подразумевается, что научный поиск нацелен на решение значимых для правовой (в том числе правоприменительной) практики проблем и что внедрение результатов научных исследований выступает одним из основных источников повышения эффективности правоприменительной деятельности. Более того, существует целый ряд наук, ориентированных непосредственно на решение практических, прикладных задач правоприменительной практики (в их числе, например, криминология, судебная медицина, судебная психиатрия, юридическая психология). Все это может восприниматься в качестве свидетельств существования безусловной связи науки и практики в применении права.

С другой стороны, признавая бесспорную ценность и необходимость тесной взаимосвязи науки и практики, ученые тем не менее обнаруживают, что в действительности они «развиваются в параллельных плоскостях, почти не пересекаясь» [1, с. 6]. Таким образом, возникает основание утверждать, что связь науки и практики все же не является безусловной, что она возникает и обнаруживается лишь при определенных обстоятельствах.

Рассматривая связь науки и практики в правоприменении через призму условного и безусловного, необходимо помнить о том, что применение права представляет собой обеспечивающую реализацию правовых предписаний с учетом конкретных жизненных обстоятельств, осуществляемую строго на основе закона и в особых процедурно-процессуальных формах властную организующую деятельность специально уполномоченных субъектов (прежде всего — должностных лиц и компетентных органов государства).

Нацеленность правоприменения на обеспечение реализации права, т. е. на «перевод всеобщей нормативности правовых предписаний, заключенной в источниках права, в плоскость субъективных прав и обязанностей, составляющих юридическое содержание правовых отношений» [2, с. 4], а также то, что «правоприменение само по себе является строго регламентированной деятельностью, осуществляемой при соблюдении условий, определенных действующим законодательством» [3, с. 120], — все это подразумевает безусловность его связи с императивными велениями субъекта правотворчества, формализованными в нормах

действующего права (причем как материального, так и процессуального). В этой ситуации, на первый взгляд, характер связи между наукой и практикой в правоприменении должен зависеть от особенностей связи науки с правотворчеством. Однако в действительности он ими не определяется, очевидно, не только потому, что в современных условиях «в ряде случаев научные круги не только не влияют на правотворческий процесс, но и фактически отстают от правотворческой практики» [4, с. 26].

Несмотря на то что для правотворчества эталонной является модель, предполагающая безусловную связь науки и практики, даже при условии ее реализации безусловная связь между наукой и практикой в правоприменении не устанавливается. В этом плане показательным то, что «научность», даже несмотря на возникновение в современных условиях затруднений с реализацией данной идеи на практике, в российской юридической науке продолжает рассматриваться в качестве одного из важнейших принципов правотворчества [5, с. 55; 6, с. 456; 7, с. 6], в то время как в числе принципов правоприменения и правоприменительной деятельности «научность» исторически не упоминается [8, с. 5–6; 9, с. 109; 10, с. 37–54; 11, с. 89].

Отсутствие безусловной связи науки и практики в правоприменении особенно заметно там, где речь идет о теоретико-правовых и историко-правовых науках, и оно вполне объяснимо, так как решаемые этими науками практические задачи прежде всего связаны с формированием методологической основы для других юридических наук. Однако одновременно не обнаруживается безусловной связи с практикой и у прикладных юридических наук, а также тех разделов отраслевых юридических наук, в рамках которых выполняются прикладные исследования, нацеленные непосредственно на совершенствование методики и тактики юридически значимой деятельности, осуществляемой в форме правоприменения (расследование преступлений тех или иных видов, производство следственных и других процессуальных действий, составление и оформление организационно-распорядительных документов и т. д.).

Велик соблазн назвать основной причиной возникновения разрыва между отраслевой наукой и практикой «нерадивость» современных исследователей, в силу которой результаты научного творчества оказываются невостребованными правоприменителями. Однако очевидно, что для этого существуют и более серьезные причины.

Во-первых, чтобы научные рекомендации, выработанные в рамках прикладных исследований, могли найти реализацию, правоприменитель должен узнать об их существовании, более того, осознать необходимость и целесообразность их применения

на практике. Таким образом, научные рекомендации должны быть отражены в содержании учебных дисциплин и курсов, изучаемых в процессе профессиональной подготовки и переподготовки. А чтобы это стало возможным, они должны получить широкое признание, так как лишь при условии признанности могут быть интегрированы не просто в существующую систему знаний, а именно в систему тех базовых знаний, которые составляют содержание учебной дисциплины.

К сожалению, в науке далеко не всегда практически ценные разработки сразу получают признание. При этом популярность иногда быстро приобретают идеи, которые в действительности не могут оказаться полезными для правоприменения. Убедительным примером служит то, что сразу после выхода работы Ч. Ломброзо «Преступный человек» его теория приобрела множество сторонников, и лишь позднее, когда она не прошла проверки практикой, у нее появилось довольно много противников.

Во-вторых, отдельно следует упомянуть, что способность правоприменителя реализовывать научные рекомендации во многом зависит от того, имеется ли у него для этого необходимый опыт, способен ли он найти подходящие средства и приемы, чтобы успешно использовать их на практике. Немаловажное значение для успешной реализации научных рекомендаций имеет и наличие необходимой материально-технической базы. Так, вследствие ее отсутствия может оказаться невозможным использование тех или иных выработанных криминалистическим следоведением современных методов выявления и изучения следов на месте совершения преступления.

В-третьих, в силу многообразия правоприменительной практики реализация научных рекомендаций, показавшая хорошие результаты при апробировании в одних фактических условиях, может не принести тех же результатов в других условиях.

В-четвертых, научные выводы основываются на анализе, обобщении информации о типичных возникающих на практике ситуациях и рассчитаны на типичные сценарии развития имеющих юридическую значимость процессов и отношений. В то же время правоприменение ценно именно тем, что обеспечивает реализацию норм права в любых, как типичных, так и нетипичных фактических обстоятельствах.

В нетипичных случаях польза от применения научных рекомендаций может оказаться сомнительной, например, когда правоприменительные решения выносятся в уникальных, ранее не известных правоприменительной практике ситуациях. Такими, в частности, можно считать ситуации возникновения правовых споров в процессе оформления родительства лицами, воспользовавшимися вспомо-

гательными репродуктивными технологиями, в том числе процедурой суррогатного материнства.

В-пятых, реализация научных рекомендаций, нацеленных на совершенствование правоприменительной деятельности, может иметь серьезные негативные последствия политического, экономического, идеологического или иного характера, в силу чего их осуществление, способствуя повышению эффективности правоприменения, в то же время может быть нецелесообразным. На том, что серьезнейшие последствия политического и экономического характера, которые может иметь реализация предложений и выводов, сделанных в диссертационных работах по юриспруденции, составляют важную для осуществления предложений сторону, которая «диссертантами совершенно упускается из виду», справедливо акцентируют внимание С. И. Захарцев и В. П. Сальников [12, с. 390].

В-шестых, применение достижений юридической науки не предполагает революционного изменения сложившейся практики: правоприменитель не может прекратить осуществление своих функций на то время, которое требуется, чтобы «разрушать» сложившиеся модели правоприменительной деятельности и вместо них внедрить принципиально новые сценарии и алгоритмы. Далеко не всегда новые научно обоснованные средства и методы могут быть внедрены в правоприменительную практику постепенно и безболезненно, таким образом, чтобы обеспечить оптимизацию моделей, реализуемых в правоприменительной деятельности, а не дезорганизацию последней.

Вопрос о характере связи науки и практики в правоприменении нельзя воспринимать как представляющий чисто теоретический интерес.

Оценивая результаты диссертационных исследований, позиционируемых их авторами в качестве имеющих практическую значимость, их критики нередко высказывают сомнения относительно ценности содержащихся в них рекомендаций для правоприменительной практики. Понимание характера связи науки и практики в правоприменении позволяет осознать, что причиной возникновения подобных сомнений отнюдь не всегда является низкое качество самих исследований.

Правоприменение — не единственная сфера практического применения научных идей, теорий и рекомендаций. Это касается не только теоретико-правовых и историко-правовых диссертаций, использование результатов которых в правоприменительной практике априори представляет собой симулякр, но и рассчитанных на совершенствование правовой практики предложений и рекомендаций, содержащихся в отраслевых юридических исследованиях.

В ситуации условности связи науки и практики в применении права многие основанные на достижениях науки новации, способные повлиять на правоприменительную деятельность и ее результаты, могут быть реализованы только законодателями. Однако последние, к сожалению, объективно не способны охватить своим вниманием весь массив появляющихся в юридической науке идей и выделить те инициативы, поддержка которых может способствовать оптимизации правоприменения.

Несмотря на условность связи науки и практики в правоприменении и на наличие объективных факторов, затрудняющих поддержание такой связи, ее сохранение, тем не менее, представляет безусловную ценность. В связи с этим самостоятельной задачей юридической науки оказывается поиск инструментов и методов, обеспечивающих практическую реализацию ее достижений и рекомендаций, причем в свете изложенного наибольшую актуальность приобретает выработка мер, способствующих популяризации результатов правовых исследований и их реальному использованию в законодательстве.

Интересной представляется рекомендация создать для оценки и реализации научных предложений, выработанных учеными, «научный центр, в задачу которого входило бы доведение предложений ученых до законодателей» [12, с. 388]. Однако, не обладая властными полномочиями, подобный научный центр вряд ли мог бы существенно влиять на правотворческую практику.

В сущности, сегодня во многом сходную функцию популяризации результатов наиболее интересных исследований выполняет аннотирование диссертационных исследований по праву Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К сожалению, аннотации таких диссертаций привлекают внимание прежде всего представителей самого научного сообщества, а не законодателей.

Представляется, что решению существующей проблемы могло бы способствовать более широкое привлечение законодателями к проведению экспертиз проектов нормативных правовых актов научных учреждений и организаций. Кроме того, позитивный эффект могли бы дать организация и проведение аппаратами органов, участвующих в законопроектной деятельности на федеральном и региональном уровнях, совместно с научными учреждениями и организациями тематических научно-практических конференций и круглых столов, посвященных предельно узким проблемам правоприменительной деятельности, для разрешения которых требуется изменение законодательного регулирования. В сущности, полезным может быть любое конструктивное взаимодействие ученых-юристов и представителей государственных органов, осуществляющих законотворчество или наделенных правом законодательной инициативы.

Подведем итоги. Во-первых, связь науки и практики в правоприменении носит условный характер. Во-вторых, условность существующей между ними связи определяется не параметрами самой юридической науки, ее достоинствами и недостатками, а свойствами применения права как специфической государственно-властной деятельности, обеспечивающей претворение правовых предписаний в правоотношения. В-третьих, указанное обстоятельство целесообразно учитывать как при оценке результатов научных исследований в области права, так и при определении путей и средств практического осуществления достижений современной юридической науки, нацеленных на оптимизацию правоприменительной деятельности. В-четвертых, сохранение связи между наукой и практикой в правоприменении имеет безусловную ценность, и оно не может быть обеспечено усилиями лишь ученых и правоприменителей, важное значение имеет реальное использование результатов исследований в области права в законодательской деятельности.

Список источников

1. Кострова Н. М. Юридическая практика как объект научно-правовых исследований в юриспруденции // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 4.
2. Вопленко Н. Н. Реализация права. Волгоград, 2001.
3. Кулик О. В., Зыкова С. В., Мамонтов А. Г. Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7.
4. Правотворчество и правоприменение: теория и практика : коллективная монография. Киров, 2022.
5. Бошно С. В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. 2019. № 2.
6. Кулик О. В. Принцип ценностной релевантности в правотворчестве // Юридическая техника. 2020. № 14.
7. Рыбаков В. А. О принципе научности российского правотворчества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2(47).

8. *Грязнова Т. Е.* Принципы правоприменения в интерпретации Г. Ф. Шершеневича // Право и политика: история и современность : мат-лы X междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2024.
9. *Вопленко Н. Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
10. *Гайниев Л. С.* Правосудие — система применения права. СПб., 2020.
11. *Дробышевский С. А., Матвеева Л. С., Протопопова Т. В.* Применение права: проблемы теории и истории. М., 2024.
12. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Об общих проблемах диссертационных работ по юридическим наукам // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48).

УДК 340.5

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-297-301

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Медиация как уникальная форма реализации права в будущем

Светлана Эдуардовна Либанова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права¹, адвокат-медиатор,

✉ libany@rambler.ru

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

В современной научной литературе вопросам медиации, а тем более медиации в гражданском судопроизводстве не уделено достаточного внимания. Актуальность темы обусловлена двумя глобальными проблемами современности: ежегодным ростом числа споров в судах и значимостью практико-ориентированного подхода к обучению юристов. Медиация как альтернативный метод разрешения правовых споров является ключевым инструментом в реализации права, дополняя ее классические формы, акцентируя внимание на сохранении социальных связей и минимизации конфронтации, обеспечивая баланс между формальной законностью и социальной справедливостью, правом и моралью. В статье анализируются роль медиации в правовой системе, ее законодательные основы, преимущества перед традиционным судопроизводством, что крайне полезно для развития правовой культуры российского общества и обучения юристов.

Ключевые слова: медиация, форма реализации права, судебная система, правовая культура, культура конфликта

Для цитирования: Либанова С. Э. Медиация как уникальная форма реализации права в будущем // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 297–301.

Mediation as a Unique Form of Implementation of Law in the Future

Svetlana E. Libanova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Constitutional Law¹, advocate-mediator,

✉ libany@rambler.ru

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia)

In the current scientific literature, questions of mediation, and even more so of mediation in civil proceedings are not given sufficient attention. The relevance of the topic is due to two global problems of our time: the annual increase in the number of disputes in courts and the importance of a practice-oriented approach to legal education. Mediation as an alternative method of resolving legal disputes is a key tool in the implementation of the law, complementing its classical forms, focusing on maintenance of social ties and minimization of confrontation, ensuring a balance between formal legality and social justice, law and morality. The article analyzes the role of mediation in the legal system, its legislative basis, advantages over traditional court proceedings, which is extremely useful for the development of the legal culture of Russian society and training of lawyers.

Keywords: mediation, form of implementation of law, judicial system, legal culture, culture of conflict

Citation: Libanova S. E. Mediation as a Unique Form of Implementation of Law in the Future. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 297–301 (In Russ.).

Конфликты — неотъемлемая часть общественных отношений. Споры и конфликтов избежать в жизни невозможно. Юристы, как правило, сталкиваются с вопросами правоприменения и защиты права как формы реализации права в различных сферах жизни. Они призваны профессионально помогать обратившимся за правовой помощью решать конфликты цивилизованно, со знанием закона, стремясь примирить их в досудебном порядке, учитывая истинные интересы и ценности сторон, пытаясь сохранить отношения между ними в будущем. На глобальном уровне использование медиации как

уникальной формы реализации права, позволяющей гармонично разрешать правовые споры альтернативным способом, приведет к разгрузке судебной системы, а в итоге — к успешной реализации стратегии государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и построению де-факто правового государства. Конституцией РФ на суды возложена функция по защите нарушенных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц (главы 2 и 7; ст. ст. 2, 18, 19, 46, 118, 123, 125) и именно суды являются основными субъектами реализации права в российской судебной системе.

Реализация норм права понимается нами как процесс воплощения правовых предписаний в поведении субъектов права. К формам реализации права мы относим: 1) соблюдение норм права; 2) исполнение норм права; 3) использование норм права; 4) применение норм права. Субъектами реализации права являются различные субъекты, участвующие в правоотношениях, реализующие свои права и обязанности.

В рамках данного исследования деятельность государства как субъекта реализации права анализируется через правоприменительную деятельность судебной системы. Используя компаративистский подход, мы анализируем процедуры судебного примирения сторон и медиации, легитимно разрешенной к применению в судебном процессе на любой стадии. Именно право на защиту прав и свобод является предметом настоящего исследования, позволяющим сделать выводы о перспективности развития медиации как особой формы реализации этого права, дающий возможность участникам добровольно принимать решения в рамках правового поля, избегая принудительного механизма санкций. Медиация, согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее — Федеральный закон № 193), представляет собой способ урегулирования споров при содействии нейтрального посредника (медиатора), направленный на достижение сторонами взаимоприемлемого решения в гражданских, трудовых, семейных и коммерческих спорах на основе четырех принципов: добровольности — стороны самостоятельно инициируют процесс; конфиденциальности — информация не разглашается без согласия участников; нейтральности и независимости медиатора — отсутствие заинтересованности в исходе спора.

Умение примирять и примиряться без суда возможно только при наличии правовой культуры в обществе. Медиация — это путь к новой культуре общения людей, в первую очередь в семье и коллективе. Именно благодаря медиации у сторон в конфликте появляется возможность быть услышанным и узнать истинные потребности и интересы друг друга.

Медиацию необходимо внедрять не только в правовую культуру, но и в повседневную жизнь, особенно в постковидном обществе эмоций и стрессов. Преимущества медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов, особенно в гражданском судопроизводстве, бесспорны. Это

снижение финансовых и эмоциональных затрат, скорость процесса решения сложнейших правовых конфликтов, сохранение отношений в семье, бизнесе, сообществе, гибкость, позволяющая учитывать не только юридические, но и эмоциональные аспекты. В США 85% коммерческих споров разрешаются через медиацию, а в Сингапуре она стала обязательным этапом перед судом для семейных дел. В России количество дел искового и приказного производства в судах стабильно растет на 8–9% ежегодно, увеличиваясь в абсолютных показателях почти на 2,5 млн. Экспредседатель Верховного Суда РФ И. Подносова была настроена бороться с проблемой высокой нагрузки на судей, «в том числе путем упрощения судебных процедур» и «освобождением судов от дел, которые могут быть рассмотрены во внесудебном порядке»².

Количество гражданских дел, рассмотренных судами с применением процедуры медиации, ничтожно мало, что является веским основанием для обращения внимания научной и общественной мысли на медиацию как уникальное явление и эффективный способ реализации прав. Показательно, что в 2023 г. путем проведения процедуры медиации или судебного примирения был урегулирован 981 спор из 28 193 481 дела, рассмотренного судами, что составляет лишь 0,0035%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2022 г. — 897 дел из 25 710 742, т. е. 0,0035%. В 2024 г. судами общей юрисдикции рассмотрено согласно данным ведомственного статистического наблюдения, 37 360 289 дел, из них с проведением медиации разрешено всего 1100 дел — 0,0029%, т. е. меньше чем за предыдущие два года³.

Медиация и судебное примирение массовыми, распространенными способами разрешения споров еще не стали. Правило о возврате истцу 70% уплаченной госпошлины в случае заключения мирового соглашения до вынесения решения (абз. 2 подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ) таким стимулом не являлось до принятия ФЗ № 176 от 12 июля 2024 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ...», значительно повысившего размер госпошлины. Расходы на медиацию не относятся к судебным издержкам, независимо от того, когда стороны обратились к медиации: до возбуждения производства по делу или после (п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 21 января 2016 г. № 1).

Одной из важных проблем реализации права в аспекте конституционного права каждого на судебную защиту является возрастающая с каждым

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Интервью председателя Верховного Суда РФ И. Подносовой телеканалу «Россия 24» от 24 апреля 2024 г. URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/o_probleme_zagruzhenosti_sudey (дата обращения: 25.05.2025).

³ Ведомственное статистическое наблюдение. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 25.05.2025).

годом загруженность судов и увеличение количества обращений граждан, что объективно приводит к понижению качества отправления судопроизводства и реализации права на судебную защиту. Общеизвестны две формы разрешения правовых конфликтов, которые являются способами реализации права: 1) обращение в судебные или иные государственные органы; 2) иные способы разрешения конфликтов, альтернативные судебному разбирательству (переговоры, направление претензии, третейский суд, экспертная оценка, обращение к омбудсмену, медиация).

Инициатива возникновения гражданских дел и обжалования судебных актов принадлежит заинтересованным лицам и зависит от их волеизъявления. Согласно требованиям гражданско-процессуального законодательства суд должен быть беспристрастен к истинным интересам сторон и даже к исполнению судебного решения. В адрес судебной системы в обществе всегда имеются претензии и недовольства.

Альтернативное разрешение споров — это совокупность способов, которые помогут урегулировать конфликт быстрее и дешевле, чем в суде. При этом процесс разрешения спора остается конфиденциальным, а конфликтующие могут не только сохранить, но и улучшить свои взаимоотношения [1, с. 26]. Их можно использовать одновременно с судебными. В главе 14.1 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» закреплено, что суд принимает меры для примирения сторон и содействует в урегулировании спора. Примирение возможно на любой стадии процесса по инициативе суда или сторон. Стороны могут выбрать примирительную процедуру и посредника. Следовательно, выбор — инициировать судебный процесс как форму реализации своих прав или обратиться к посреднику — всегда остается за сторонами правового конфликта и основан на их правовой грамотности.

Цель медиации — помочь конфликтующим сторонам выйти из конфликта и перейти к взаимному сотрудничеству, что поможет в дальнейшем сохранить нормальные отношения между ними. Медиация как институт способствует построению партнерских взаимоотношений, бережному обращению с деловой репутацией, корпоративной культуре российского общества. Уже сегодня медиация применяется в образовании и даже в дошкольных учреждениях. В порядке реализации распоряжения Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия

в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»⁴ Минпросвещения России 28 апреля 2020 г. разработало методические рекомендации по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и рекомендует их использовать для формирования медиативных и восстановительных практик в дошкольных, общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях, а также организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей⁵. Для психологического оздоровления общества и гармоничных межличностных отношений необходимо сделать ее отдельным предметом изучения в средней школе, а тем более во всех высших учебных заведениях, в первую очередь — в юридических. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 расширен обязательный досудебный порядок урегулирования споров, включающий медиацию как способ договариваться без вмешательства суда. В XXI в. управлять юридическим конфликтом не только можно, но крайне необходимо.

Чтобы перейти к аргументированным предложениям о необходимости внедрения учения о процедуре медиации в учебный процесс и авторским выводам о будущем медиации, кратко остановимся на основных моментах медиации как явления. Заметим, что институт медиации относительно молод и научные подходы к определению медиации еще формируются. На сегодняшний день имеются два основных: *концептуальный* (через основные принципы приближенный к идеалу) и *описательный* (приближенный к практике, позволяющий на основании описания практической деятельности участников и медиатора провести анализ причин возникновения конфликта) [2, с. 26].

Следует разделять такие категории, как «медиация» и «медиативный подход» (например, к обучению). *Медиация* — это особая форма посредничества, в которой роль медиатора как беспристрастной третьей стороны заключается в содействии сторонам, добровольно участвующим в процедуре медиации, при выработке взаимоприемлемого и жизнеспособного решения. Это решение должно служить взаимному удовлетворению спорящих сторон и характеризуется результатом в форме выигрыш=выигрыш. *Медиативный подход* — это методика, позволяющая выстраивать взаимодействие на принципах медиации и применять ее как способ коммуникации для предотвращения и урегулирования конфликтов даже там, где проведение процедуры медиации невозможно или нецелесообразно.

⁴ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 32, ст. 4557; 2018. № 37, ст. 5780.

⁵ *О направлении методических рекомендаций* : письмо Минпросвещения России от 28 апреля 2020 г. № ДГ-375/07.

Виды медиации: внесудебная и судебная.

Для проведения развернутого сравнительного анализа деятельности суда и медиатора, гражданского процесса и процедуры медиации, остановимся на задачах гражданского судопроизводства и медиации. Задачи гражданского судопроизводства отражены в ст. 2 ГПК РФ и включают: 1) правильное и своевременное рассмотрение дел; 2) защиту нарушенных или оспариваемых прав; 3) укрепление законности и правопорядка; 4) способствование мирному урегулированию споров.

Суд может предложить сторонам примирительные процедуры, включая медиацию (ст. 172 ГПК РФ). ГПК РФ в ст. 153.3 «Виды примирительных процедур», введенной Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ, отмечает, что споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения или использования других примирительных процедур, если это не противоречит Федеральному закону. АПК РФ предусматривает открытый перечень видов процедур примирения. Законодатель предусмотрел в АПК РФ отдельную статью, посвященную примирению (ст. 138.3 АПК РФ): «в целях примирения стороны вправе провести переговоры на условиях, определяемых сторонами», предусмотрев «обязательные переговоры», которые необходимо провести согласно закону или договору. Действующий Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) также закрепил возможность применения медиации в ст. 76, гласящей, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред», реализуемой в уголовном процессе (ст. 25 УПК РФ). Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести [3, с. 79].

Задачи медиации: 1. Добровольное разрешение спора (стороны сами принимают решение, а не получают его от суда). 2. Сохранение отношений между сторонами (акцент на поиск взаимовыгодного решения, а не на конфронтацию). 3. Конфиденциальность (все переговоры и условия медиации не разглашаются (ст. 5 ФЗ № 193)). 4. Экономия времени и ресурсов (процедура медиации обычно короче судебного разбирательства (срок до 60 дней, ст. 13 ФЗ № 193)).

5. Учет интересов сторон (медиация позволяет обсуждать не только правовые, но и эмоциональные, экономические аспекты конфликта).

Практической направленности российского юридического образования в последнее время уделяется значительно больше внимания. В мае 2022 г. Министерство образования и науки заявило, что Россия откажется от Болонской системы и будет разрабатывать собственную, уникальную модель высшего образования. Глава Министерства В. Фальков пояснил, что реформа связана с приданием большей значимости специалитету, исторически сложившемуся в России⁶.

В эпоху информации, в век цифровизации и минимизации, необходимости поглощения, а главное усвоения студентами большого объема информации в минимальный срок разработка методик универсальных интерактивных технологий обучения становится особенно актуальной как для самих студентов, так и для профессорско-преподавательского состава. Именно в силу этих объективных причин практико-ориентированный подход к обучению приобретает все большую реальную значимость, а наличие практических умений у студента-выпускника вуза имеет в XXI в. высочайшую практическую ценность на рынке труда.

Явный недостаток практической направленности российского юридического образования в наше время признают все: профессорско-преподавательский состав вузов, юристы-практики, государственные структуры и бизнес-сообщества, которым так необходимы специалисты, имеющие ценз не только знаний, но и практических навыков.

Проблемы профессионального самоопределения молодых специалистов-юристов могут быть решены путем выработки российской юридической наукой комплекса мероприятий, включающих в систему подготовки высококвалифицированных специалистов не только получение качественной теоретической базы, но и практических навыков, объединенных единой системой воспитательного воздействия. Навыки медиатора необходимы всем, поэтому представляется необходимым и целесообразным прививать их в процессе обучения студентам-юристам уже сегодня, а завтра — и студентам иных специальностей.

Объективной реальностью в 2025 г. является ситуация с беспрецедентными экономическими вызовами и ограничениями. Полагаем, что для благоприятного развития юридического образования по пути национальных приоритетов необходимо сместить акцент в обучении студентов с большого объема теории в сторону практико-ориентированного подхода в преподавании права в интерактивной форме.

⁶ Коммерсантъ. 2022. 2 июня.

Именно такой эффективно работающей методикой является принципиально новая авторская методика практико-ориентированного подхода к обучению юристов «Три кита успешности юриста», включающая применение по одной фабуле реального дела последовательно трех важнейших практических навыков, таких как ораторское искусство, умение интеллектуально и профессионально состязаться в судебном процессе, а возможно, и убедить спорящих завершить конфликт медиативным соглашением без обращения в суд, владея основами методики медиации. На выездных школах, проводимых ежегодно автором, каждый слушатель может за пять дней освоить ключи и навыки уникального трио теоретически и практически на примере реального дела, завершеного судом или медиаторами, в игровой форме. Эта методика призвана устранить имеющийся пробел в системе российского образования и решить такую глобальную проблему, как существенное сокращение разрыва в обучении студентов-юристов между теоретическими знаниями и практическими навыками, а также значительно повысить востребованность студентов, имеющих знания о процедуре медиации, а тем более обладающих практическими навыками по ее применению для урегулирования правовых конфликтов в совокупности с навыками ораторского искусства и состязательности в различных судебных процессах [4, с. 98].

Умение примирять и примиряться без суда возможно только при наличии правовой культуры в обществе. Для эффективной реализации прав необходимо каждому человеку точно знать, что ему «можно», «нельзя» и «должно» или «следует делать», чтобы он был уверен, что это может быть изменено не иначе как по праву, ориентируя его на правомерный вариант реализации прав.

Правовая культура — это достигнутый уровень развития в правовой и государственно-правовой организации жизни людей. Она представляет собой важную составную часть общей культуры. Студенты-юристы, представляя подготовленный в правовом отношении отряд студенческой молодежи, способны принять и понять новое направление правоприменительной культуры, а именно так представляется верным рассматривать медиацию. Это будет способствовать формированию жизненных установок личности и в итоге — развитию российского гражданского общества, в котором реально, а не фиктивно, права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. ст. 2, 18 Конституции).

Представляется, что в управлении юридическим конфликтом будущее принадлежит медиации, как особой технологии добровольного урегулирования правового конфликта, в первую очередь в досудебном порядке. Расширение применения медиации в России как культуры решения конфликтов и эффективного инструмента разрешения не только гражданских споров, существенно разгрузит судебную систему и службу судебных приставов. Для этого требуется внедрение ее в образовательные программы, что позволит в дальнейшем интегрировать ее повсеместно в правовую культуру российского общества. Реализация права каждого на защиту прав и свобод обретет конституционный характер, количество судебных дел сократится, люди научатся договариваться, а не враждовать. Ориентация на разрешение любых конфликтов мирным путем, умение найти правильный путь убеждения — это то, что свойственно культурным людям.

Список источников

1. *Основы медиативно-восстановительных технологий для участников образовательных отношений* : метод. мат-лы. М., 2019.
2. Наумов Д. И. «Войны памяти» как угроза общественной безопасности в современном белорусском обществе // Развитие медицинской науки в новых условиях: единство теории и практики-2019 : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Таганрог, 2019.
3. Либанова С. Э. Триединство медиации в уголовном процессе : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. памяти основателя уральской уголовно-правовой школы М. И. Ковалева «Медиативный потенциал уголовного права». Екатеринбург, 2011.
4. Либанова С. Э. Методика «Три кита практико-ориентированного подхода» как универсальная интерактивная технология обучения студентов-юристов // Современное право. 2023. № 1.

УДК 343

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-302-307

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Пределы юридикации оперативно-розыскной деятельности: размышления о нелимитируемых действиях

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел¹, ✉ vlug@yandex.ru

Михаил Сергеевич Десятов

доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника (по учебной работе)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Рассматриваются вопросы оптимизации правового регулирования и повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Предлагается расширить поисково-деятельностные возможности оперативно-розыскной деятельности посредством расширения ее информационного потенциала с помощью нелимитированных оперативно-розыскных мер. Нелимитированность предлагается понимать не просто как законодательную неурегулированность, но как ненужность такого регулирования. Аргументируется, что право не может регламентировать все оперативно-розыскные методы получения информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскное законодательство, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, нелимитируемые оперативно-розыскные действия

Для цитирования: Луговик В. Ф., Десятов М. С. Пределы юридикации оперативно-розыскной деятельности: размышления о нелимитируемых действиях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 302–307.

Limits of the Legalization of Operational Crime Detection Activities: Vision of Unlimitable Actions

Viktor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Operational Crime Detection Activities in Law Enforcement¹, ✉ vlug@yandex.ru

Mikhail S. Desyatov

Doctor of Science in Law, Associate-Professor, First Deputy-Chief (in Educational activity)¹, ✉ mih_des@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under consideration are the questions of optimizing the legal regulation and improvement of efficiency of operational crime detection activities. It is proposed to advance the search-and-action capabilities of operational crime detection activities by expanding their information capacity with the help of non-limited operational detection measures. It is suggested that unlimitedness should be understood not simply as a legislative lack of regulation, but as the unnecessariness of such regulation. It is argued that law cannot regulate all operational crime detection methods of obtaining information.

Keywords: operational crime detection legislation, operational crime detection activities, operational detection measures, non-limited operational detection actions

Citation: Lugovik V. F., Desyatov M. S. Limits of the Legalization of Operational Crime Detection Activities: Vision of Unlimitable Actions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 302–307 (In Russ.).

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Норме-дефиниции, предназначенной, по нашему мнению, лишь для де-

монстрации сущностных сторон ОРД, неоправданно придается абсолютный смысл, по сути, отождествляющий ОРД с ОРМ. Выскажем сомнения в обоснованности такой трактовки. Закон об ОРД (ст. 6) предусматривает пятнадцать ОРМ, составляющих стержень ОРД. Казалось бы, предоставленный законодателем перечень ОРМ охватывает широкий диапазон

возможных действий, необходимых для решения оперативно-розыскных задач, и должен полностью удовлетворять запросы оперативно-розыскного механизма в поисковых и контролирующих средствах. Но оперативно-розыскная практика не разделяет подобного оптимизма и не подтверждает покрытия познавательных потребностей ОРД законодательно регламентированными ОРМ.

В ходе предупреждения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников сотрудники оперативных подразделений осуществляют значительной объем работы вне рамок ОРМ. На это еще в 2012 г. обратил внимание профессор В. М. Аتماжитов, отметивший, что оперативно-розыскные мероприятия далеко не исчерпывают всего содержания ОРД и наряду с ними для решения задач по борьбе с преступностью осуществляются другие действия, не входящие в перечень ОРМ [1]. С тех пор оперативно-розыскная концепция не претерпела существенных изменений, и тезис сохраняет актуальность до сего дня. Подчеркнем, речь идет не об обеспечении выполнения каких-то вспомогательных функций с помощью нерегламентированных оперативно-розыскных действий, а о решении базовых задач, указанных в ст. 2 Закона об ОРД.

В связи с этим на страницах научных изданий идет дискуссия о повышении разведывательно-поискового потенциала ОРМ, в ходе которой в содержание ОРМ иногда пытаются включить все виды оперативно-розыскных действий. Оперативно-розыскное сообщество представило несколько десятков точек зрения на понятие и основные компоненты ОРМ, в результате научное поле переполнено противоречивыми дефинициями. Часто рассуждения резюмируются необходимостью раскрытия в законе как самого понятия ОРМ, так и каждого его вида. Не являясь сторонниками популярной идеи законодательного дефинирования ОРМ или следственных действий [2, с. 44; 3, с. 159–164; 4, с. 20; 5, с. 8–10], полагаем, что это не только не привнесет правовой ясности, но и в силу неизбежной ограниченности нормативного толкования создаст новые сложности при правоприменении¹. Дело в том, что законодательные дефиниции уязвимы с позиций точности и полноты правового насыщения определяемых терминов, еще никому не удалось предложить нормативно пригодное определение ОРМ. Дополнительным аргументом выступает и то, что в большинстве случаев правоприменитель может обойтись традиционным и даже обыденным пониманием термина. Е. А. Юртаева справедливо отмечает, что многие норматив-

ные понятия могут работать на базе общепринятых определений, содержащихся в научных комментариях и трудах юристов-ученых. А общеупотребительные понятия вовсе не нуждаются в законодательных определениях [6, с. 26]. Например, зачем давать правовую дефиницию оперативно-розыскному опросу? Именно поэтому не будем перегружать дискуссию суждениями по проблеме законодательного дефинирования ОРМ, отметим лишь базовые элементы, определяющие, по нашему мнению, их содержание, и исходя из этого попытаемся выяснить правовой статус находящихся вне рамок ОРМ оперативно-розыскных действий сотрудников оперативных подразделений, непризнанно компенсирующих недостающий информационно-деятельный ресурс ОРД.

Считается, что ОРМ по своему целевому назначению наиболее близки к следственным действиям. Это вполне объяснимо, поскольку ОРД, как и досудебное уголовное судопроизводство, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, находится в сфере уголовного правоприменения, соответственно, имеет сходные методы получения значимой информации, а также процедуры уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскного документирования. К признакам следственных действий чаще всего относят их уголовно-процессуальную форму, нахождение в исключительной компетенции следователя и познавательную направленность [7, с. 74]. В. Ю. Стелмах дополняет перечень объективированностью, обеспеченностью государственным принуждением и закреплением в уголовно-процессуальном законе [8, с. 93].

Анализ многочисленных авторских дефиниций ОРМ демонстрирует их сходство с дефинициями следственных действий. Мы не видим в этом заимствования и подчиненности, так как с позиций гносеологии главным свойством, объединяющим ОРМ и следственные действия, выступает их познавательная направленность. Представляется, именно это обстоятельство предопределило их вторичные, или формально-юридические признаки — нормативность и обеспеченность принудительной силой государства², которые впоследствии приобрели статус сущностных характеристик. Однако прямая аналогия ОРМ и следственных действий непродуктивна.

Игнорирование потенциала не упоминаемых в законе, но осуществляемых оперативными подразделениями действий и фетишизация ОРМ в контексте линейной параллели со следственными действиями как исключительного поисково-

¹ Излишнее стремление к определению понятий напоминает известную притчу о бессмысленном, хотя и остроумном, споре Диогена и Платона о сущности человека («человек — это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями»).

² Полагаем, что принуждение в ОРД должно реализовываться посредством правового регулирования мер обеспечения оперативно-розыскного производства (см.: [9, с. 54–59]).

информационного средства создает, помимо прочего, правовые проблемы использования результатов ОРД. Дело в том, что, по смыслу ст. ст. 1 и 11 Закона об ОРД, во взаимосвязи с п. 36¹ ст. 5 УПК России под результатами ОРД понимаются сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД, предполагающим и регламентирующим лишь единственный способ их получения — проведение ОРМ. По этой причине при строгой правовой оценке сведения, полученные с помощью иных действий, не будут отвечать свойствам результатов ОРД. Правовой неопределенности добавляет и то, что оперативно-розыскное законодательство, помимо перечисления ОРМ, не предложило их внятного разграничения с оперативно-розыскными действиями и оперативно-розыскными решениями, нет однозначного понимания по этому вопросу и в оперативно-розыскной науке [10, с. 22; 11, с. 9–12; 12, с. 739]. Некоторые авторы разрешение проблемы видят в поглощении оперативно-розыскных действий оперативно-розыскными мероприятиями, перечень которых следует расширить [13, с. 46–49; 14, с. 58; 15, с. 30].

Такой вариант решения не представляется удачным, так как в нем просматривается попытка законодательно урегулировать организационно-тактические способы и формы получения сведений, реестр которых неизбежно будет бесконечно нарастать и детализироваться (засада, опрос с использованием полиграфа, способы аналитики, поисковые действия в сети Интернет, использование искусственного интеллекта и др.). С развитием общества появляются новые технические средства контроля и получения информации (интернет-мониторинг, большие данные, «умные» камеры и др.), а это, если следовать логике сторонников законодательного увеличения числа ОРМ, будет требовать перманентного внесения изменений в оперативно-розыскное и смежные отрасли законодательства. Беспредельное расширение перечня ОРМ лежит в русле формального следования концепции, увязывающей ОРД исключительно с ОРМ. Однако закон должен быть разумно консервативен и слишком частое внесение в него изменений сдерживается законотворческой корректностью. Учитывая это, практика вынуждена идти по другому пути.

Так, в ведомственном правовом поле наблюдается тренд на «втискивание» оперативно-розыскных действий в законодательно регламентированные ОРМ путем произвольного толкования либо расширения их содержания. Думается, это происходит вынужденно, от безысходного стремления если не уза-

конить, то хотя бы легитимировать на ведомственном уровне зарекомендовавшие себя эффективные способы получения информации и воздействия на криминальную среду. Примером может служить наблюдение, которое в подзаконных нормативных правовых актах претерпело наибольшие правовые метаморфозы и превратилось во всепоглощающее ОРМ (электронное, визуальное, скрытое, акустическое, внутреннее, наружное и т. п.). Иногда даже результаты оперативного эксперимента оформляются как ОРМ «наблюдение». Парадоксально, но такой подход принимается и Верховным Судом Российской Федерации, согласно правовой позиции которого оформление оперативного эксперимента актами наблюдения допустимо и не противоречит закону, так как это не меняет сущности самого оперативного эксперимента, а его содержание подробно излагается в представленных суду актах. При этом суд ссылается на отсутствие в Законе об ОРД конкретного требования к оформлению оперативного эксперимента, а следовательно, его можно процедурно закреплять актом наблюдения. Показательно, что в этом же решении признано законным оформление актом наблюдения и негласной аудиозаписи разговора³. Отмеченная ранее параллель ОРМ и следственных действий влечет вопрос о том, допустимо ли, например, результаты следственного эксперимента оформлять протоколом осмотра или протоколом допроса. Представляется, ответ очевиден. Приведенное решение можно расценить как попытку уже не ведомственной (на что обращалось внимание ранее), а судебной легитимации результатов оперативно-розыскных действий, осуществленных за рамками ОРМ. Видимо, сходные правовые позиции являются результатом сложного поиска решений в условиях недостаточного законодательного регулирования ОРД, и правоприменитель, стиснутый нормативными рамками понимания ОРД, использует формальную «подгонку» каких-либо действий под ОРМ. По нашему мнению, такими, казалось бы, позитивными действиями по разрешению правовых ситуаций стимулируются суррогаты документального оформления результатов ОРД.

Нельзя не обратить внимания и на противоречивую судебную практику трактовки оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскных действий. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции в одном из решений отмечает, что направление оперативными подразделениями запросов о предоставлении информации не является наведением справок и не относится к числу ОРМ⁴, т. е.

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 66-О11-57. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2021 г. № 88а-24055/2021 по делу № 2а-1598/2021.

это действия вне рамок ОРД. Однако противоположная позиция изложена в решении Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой такие действия не что иное как ОРМ «наведение справок»⁵.

Подобные прецеденты неединичны и создают правовую неопределенность: одни суды считают запросы допустимыми действиями, другие — нет. В последнем случае это влечет риск признания полученных сведений недопустимыми доказательствами по уголовному делу. Нетрудно заметить, что первая позиция — результат формального толкования закона: поскольку запросы не упомянуты в ст. 6 Закона об ОРД, то запрос — не ОРМ, соответственно, и иные способы наведения справок ставятся под сомнение, например, истребование информации из организаций, получение сведений из баз данных, личное ознакомление с документами в архивах и др.

Вторая позиция исходит из целевого назначения ОРД и более глубокого толкования Закона об ОРД во взаимосвязи его норм. Разнотечения в судебной практике отражают конфликт между формальным и функциональным подходами к толкованию закона, но первопричиной все же выступает правовая неопределенность оперативно-розыскных действий. И как показывают многочисленные примеры, судебное толкование не всегда может исчерпывающе и бесспорно закрыть пробелы и недостатки оперативно-розыскного права.

Изложенное обуславливает промежуточные выводы, позволяющие перейти к итоговым суждениям. Итак, первое: за рамками ОРМ осуществляется большой объем неурегулированных действий, являющихся неотъемлемой частью ОРД. Второе: в ведомственных нормативных правовых актах и судебных решениях просматриваются попытки легитимации законодательно не урегулированных оперативно-розыскных действий и полученных с их помощью результатов. Признав данные обстоятельства, попытаемся установить место оперативно-розыскных действий в системе познавательных средств ОРД и оценить целесообразность их правовой регламентации. Логика дальнейших рассуждений требует определиться с термином, поэтому оперативно-розыскные действия, находящиеся за рамками закона, предлагаем назвать нелимитированными.

«Нелимитированный» в русском языке означает «неограниченный, не имеющий лимита». При характеристике правоприменения термин приобретает отрицательную окраску и наполняется негативным смыслом. Чаще всего он обозначает действия, выходящие за рамки закона, нарушающие права и свободы человека. Применительно к предмету обсуждения

такое понимание непригодно. Нелимитированность и незаконность — не равнозначные понятия. Нелимитированные оперативно-розыскные действия нельзя отождествлять с незаконным воздействием или тотальным контролем. Нелимитированность в данном случае означает не просто законодательную неурегулированность, но ненужность и даже вредность такого регулирования. Право не может регламентировать все оперативно-розыскные методы получения информации. Современный подход к регулированию ОРД, предполагающий определение исчерпывающего перечня ОРМ, ошибочен и не коррелируется с современным состоянием информационных процессов в обществе. Именно неуместность, да и неосуществимость регламентации всех оперативно-розыскных действий, находящихся преимущественно в организационно-тактической плоскости, позволяет говорить о допустимости нелимитированных мер.

В этом же ряду находятся сомнения в возможности решения проблемы нелимитированных оперативно-розыскных действий (мер) посредством судебного толкования или ведомственного нормативного правового регулирования. В интересах правовой определенности требуется изменение подхода, в частности, законодательная корректировка ОРМ и иных оперативно-розыскных действий. На фоне современной тенденции процессуализации ОРД это может показаться нелогичным, но считаем возможным предложить сокращение законодательного перечня ОРМ и ослабить регулятивное воздействие на способы получения оперативно-розыскной информации. Нетрудно заметить, что ОРМ (ст. 6 Закона об ОРД) имеют разную калибровку. Так, чисто техническое мероприятие «прослушивание телефонных переговоров» нельзя сравнить по организационно-тактической сложности с оперативным внедрением или контролируемой поставкой, представляющими, по сути, самостоятельные операции, включающие комплекс оперативно-розыскных действий. Именно поэтому ряд цельных, не составных ОРМ без последствий могут быть удалены из законодательного перечня. Например, ОРМ «наведение справок» вполне может быть заменено правом на получение справок, документов (их копий) от физических и юридических лиц, а ОРМ «опрос» — правом получать объяснения в целях решения задач ОРД⁶. Что же касается действий, с помощью которых будет получена информация (запрос, истребование, личное изучение материалов, ознакомление с учетами и т. п.), то их законодательная регламентация представляется излишней.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 14-Г04-16.

⁶ Такой подход демонстрирует Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

Не означает ли это, что с таким подходом право покидает ОРД и начинается процесс ее деюридизации? Такой опасности нет, просто механизмы законотворчества не должны, да и не способны регламентировать все потенциальные способы и методы поиска оперативно-розыскной информации. Вследствие чего не имеет смысла устанавливать жесткую зависимость между законностью сведений и организационно-тактическим регламентом их получения. Многовариантность развития оперативно-розыскных ситуаций и неопределенность, в которой действуют сотрудники оперативных подразделений, требуют гибких правил, жесткое нормирование лишает тактического маневра и уничтожает оперативную инициативу. При этом речь идет не о радикализации оперативно-розыскных действий⁷, а о снижении правовой заорганизованности и деюрократизации ОРД.

Современное оперативно-розыскное законодательство не адекватно криминальным угрозам и не учитывает, что с технологическим развитием общества возрастает криминальный потенциал отдельных лиц и социальных формирований, размываются границы между частной и публичной жизнью. Особенно это касается сельских поселений, небольших городов, традиционных обществ, регионов с клановой структурой, а также излишне «корпоратизированных» государственных и негосударственных учреждений. Медиатизация общества и частной жизни происходит в разных формах [17, с. 166–170]. Поток информации о лицах, имеющих прикосновенность к криминальной среде, прорывается в социальные сети, в публичное пространство, и игнорировать ее при документировании преступной деятельности недопустимо. В настоящее время объем криминально значимой информации общедоступных ресурсов значительно превышает потенциал учетов правоохранительных органов. Иногда такие сведения попадают в оперативно-розыскную сферу попутно либо от анонимных источников и не всегда в рамках законодательно установленных процедур.

В других странах уже давно развиваются системы контроля за гражданами, банки составляют кредитную историю заемщиков, распространяется практика отслеживания работодателем активности работников в социальных сетях и их внеслужебной деятельности [18, с. 29]. Еще дальше пошли страны европейского сообщества. В 2019 г. Европейским парламентом и Советом была принята Директива 2019/1937/ЕС «О защите лиц, сообщающих о на-

рушениях законодательства Союза», вступившая в силу 16 декабря 2019 года⁸. Директива обязывает создавать систему осведомительства в организациях и учреждениях вне полицейской сферы, подробно регламентирует порядок защиты осведомителей, определяет гарантии их безопасности. Но главное, что осведомители, собирая сведения о нарушениях законов, не финансируются и не управляются правоохранительными органами, это дополнительный источник антикриминального информирования вне процедур полицейского расследования, но предоставляемая ими информация успешно используется в антикриминальных целях.

Оперативно-розыскное законодательство с учетом опыта других стран должно устанавливать базовые правила и гарантии обеспечения прав граждан, но не должно стремиться к мелочной и всеобъемлющей регламентации действий сотрудников оперативных подразделений. Избыточное правовое регулирование, неизбежно влекущее бюрократизацию ОРД, вкупе с деформированными критериями оценки делает борьбу с преступностью неэффективной. В настоящее время нелимитированные оперативно-розыскные действия осуществляются де-факто, а сотрудники оперативных подразделений, обнаружив с их помощью значимую информацию, придают ей легитимный вид, документально оформляя как полученную путем проведения каких-либо ОРМ. Чаще всего такую трансформацию претерпевают сведения, полученные сотрудниками оперативного подразделения самостоятельно или, как это называется на профессиональном языке, личным сыском.

С помощью не предусмотренных законом действий могут быть добыты значимые для уголовно-процессуального доказывания сведения, но законодательная неурегулированность таких действий еще не означает правовой ничтожности полученных результатов. Думаем, что окончательную оценку допустимости их использования должны давать не сотрудники оперативных подразделений, а уполномоченные должностные лица и органы в уголовно-процессуальном формате.

Что же касается законодательного допущения нелимитированных действий, то это можно было бы решить путем изложения ст. 1 Закона об ОРД в новой редакции, где следовало бы указать, что ОРД осуществляется не только посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и иных действий. Можно предложить следующую редакцию данной статьи: «Оперативно-розыскная

⁷ Д. А. Корецкий, например, считает допустимыми антитеррористические меры, адекватные действиям террористов: «встречный захват заложников из числа родственников террористов, внесудебное уничтожение наиболее опасных преступников и т. п.» (см.: [16, с. 259]).

⁸ Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

деятельность — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, указанных в настоящем Федеральном законе, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-

розыскных мероприятий и иных действий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Список источников

1. *Атмажитов В. М.* О сущности и правовой основе оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : мат-лы Всероссийского круглого стола : 3 ноября 2011 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб., 2012.
2. *Макарова З. В.* Доказательства в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Екатеринбург, 2005.
3. *Коридзе М. Т.* К вопросу об определении следственных действий // Новый юридический журнал. 2011. № 4.
4. *Семенцов В. А.* Следственные действия в досудебном производстве. М., 2017.
5. *Румянцев Н. В., Агарков А. В.* Философское содержание понятия оперативно-розыскного мероприятия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 5.
6. *Юртаева Е. А.* Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3.
7. *Россинский С. Б.* Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1.
8. *Стельмах В. Ю.* Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2.
9. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014.
10. *Чечетин А. Е.* Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура. Барнаул, 2004.
11. *Омелин В. Н.* Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6.
12. *Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова.* М., 2006.
13. *Введенский А. Ю.* Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий — не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Российский следователь. 2014. № 5.
14. *Шумилов А. Ю.* Оперативно-розыскная деятельность в схемах : наглядное пособие. М., 1998.
15. *Железняк Н. С.* К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы теории и практики : мат-лы науч.-практ. семинара. М., 2005.
16. *Корецкий Д. А.* Проблемы нетрадиционных методов борьбы с современной преступностью // Проблемы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2008. № 2.
17. *Новицкая Т. Е.* Медиатизация общества как процесс // Труды Белорусского государственного технологического университета. Сер. 6 : История, философия. 2021. № 1.
18. *Просеков С. А.* Китай: формирование системы социального кредита (социального доверия) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 4-1.

УДК 340.132

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-308-311

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Достижения науки и техники в процессе правоприменения: проблемы и перспективы внедрения

Виктор Сергеевич Плетников

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева¹,
✉ pvs80@mail.ru

Мария Сергеевна Плетникова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности¹,
✉ maka.pletnikova@mail.ru

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

В статье обращено внимание на проблемы внедрения в правоприменительную деятельность достижений науки и техники, таких как: использование в процессе сбора доказательств новых технических средств фиксации следов правонарушений; применение технических средств в процессе осуществления юридической квалификации; оформление электронных документов, фиксирующих результаты правоприменения. В процессе исследования выделены отдельные проблемы нормативного правового регулирования, которые ограничивают внедрение в правоприменительную деятельность достижений науки и техники, предложены пути их решения. Особое внимание уделено консерватизму правоведов-теоретиков, которые, несмотря на изменение социально-экономических отношений, практику правового регулирования, не стремятся к уточнению понятия «применение права» и в большинстве случаев используют его в соответствии с советскими традициями.

Ключевые слова: достижения науки и техники, применение права, правоприменительный акт, юридическая квалификация, инновации, государственно-властная деятельность, уголовно-процессуальное законодательство, электронный документ

Для цитирования: Плетников В. С., Плетникова М. С. Достижения науки и техники в процессе правоприменения: проблемы и перспективы внедрения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 308–311.

Scientific and Technological Achievements in Law Enforcement: Challenges and Prospects for Implementation

Viktor S. Pletnikov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of State and Law Theory named after Alekseev S. S.¹,
✉ pvs80@mail.ru

Maria S. Pletnikova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Prosecutor's Activities¹,
✉ maka.pletnikova@mail.ru

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia)

The article focuses on the problems of introducing into law enforcement activities the scientific and technological achievements, such as: use in the process of collecting evidence new technical means of recording the traces of offenses; employment of technical means in the process of legal qualification; preparation of electronic documents recording the results of law enforcement. The study reveals some problems of normative legal regulation, which limit the introduction into law enforcement of scientific and technological achievements, and proposes the ways to solve them. Special attention is paid to conservatism of legal theorists who, despite the change in social and economic relations, the practice of legal regulation, do not seek to clarify the concept of "application of law", which in most cases is used in accordance with Soviet traditions.

Keywords: scientific and technological achievements, application of law, law enforcement act, legal qualification, innovations, state power activities, criminal procedural legislation, electronic document

Citation: Pletnikov V. S., Pletnikova M. S. Scientific and Technological Achievements in Law Enforcement: Challenges and Prospects for Implementation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 308–311 (In Russ.).

Современные попытки цивилизационного осмысления государственно-правовой действительности требуют от юриста-исследователя внимания к одной из областей духовной сферы общества — науке. Благодаря достижениям науки, новому знанию, сформированному в результате научной деятельности, обеспечивается всестороннее развитие общества. Для целей эволюционного его развития важно обеспечить планомерное приращение научных знаний. Следует учитывать ряд моментов.

Во-первых, важность сохранения ранних открытий, если не как фундамента, то как традиционного исторического знания (ценности), ведь без качественной основы невозможно движение вперед.

Во-вторых, новое знание (инновации), выступая в качестве неотъемлемой части жизни человека, который вынужден в повседневной деятельности подстраиваться под всю совокупность субъективных факторов, позволяет ему адаптироваться к меняющимся условиям жизни [1], существовать в мире, полном разного рода угроз.

Накопление знаний о различных объектах, использование новых методов познания позволяют менять мир. Сложно представить, что современное общество будет строиться на использовании рабского труда. На смену ручному труду пришли машины и технологии, которые позволяют не только и не столько повысить производительность труда, сколько сделать реальностью то, что еще вчера казалось невозможным. Достижения науки и техники играют определяющую роль во всех сферах жизни человека, в том числе и в юриспруденции. Без прогресса в вопросах научного и технологического обеспечения государственно-правовой деятельности современному обществу не справиться с теми угрозами и вызовами, которые стоят перед ним. Правда, необходимо учитывать, что отдельные направления юридической деятельности весьма консервативны, как следствие, для внедрения в практическую деятельность юриста отдельных достижений науки и техники потребуются большой промежуток времени, несмотря на динамизм общественных отношений.

Правоприменение — одна из таких сфер, в которой любое нововведение требует приложения значительных усилий. Все начинается с понятия.

В советской юриспруденции господствующей точкой зрения на применение права было утверждение, что правоприменение — это властная государственная деятельность. Уже более 30 лет нет Советского Союза, в практике государственно-правового строительства появились и иные, кроме государственной, формы собственности, поменялась государственно-правовая действительность, но при этом как в учебной, так и в научной литературе про-

должает господствовать позиция, что правоприменение — это государственно-властная деятельность в смысле властной деятельности государства [2, с. 377; 3, с. 351]. Возможно, отчасти эти авторы и правы, ведь в любом случае государство принимает участие в данном процессе. При этом необходимо понимать, что в современных условиях применение права, независимо от того, является оно частью нормальной реализации права [4, с. 201] или обозначается как особый вид реализации права — правоприменительный [5, с. 506; 6, с. 272], самостоятельный вид юридической деятельности [7, с. 323; 8, с. 165, 583–602], происходит при участии как непосредственно государства, так и негосударственных субъектов. Сегодня достижения юридической мысли в различных отраслях права, в первую очередь, наверное, в сфере трудового права, требуют от правоведов-теоретиков тезиса о том, что применение права — это не только властная деятельность государства, но и иных субъектов, наделенных властными полномочиями по рассмотрению юридического дела и вынесению по нему конкретного решения. Ведь они (иные негосударственные субъекты), как и государственные органы, наделены такого рода полномочиями. Конечно, есть некоторые отличия, например, государственные органы получают данное право от первоисточника либо на основании прямого указания закона, а другие субъекты наделены им в результате делегированного (органы местного самоуправления) или санкционированного (хозяйствующие субъекты) правотворчества. Как результат, сферы и объемы правоприменения у них будут различны, но как первые, так и вторые субъекты — это правоприменители.

Отказ от признания факта вынесения правоприменительного акта негосударственными субъектами влечет далекоидущие последствия. Например, возникает необходимость пересмотра теории юридической ответственности, поскольку работодатели (негосударственные организации) не занимаются правоприменением и не могут выносить решения о наложении дисциплинарного взыскания на работника.

Погружение в проблему анализа места и роли достижений науки и техники в процессе правоприменения требует обращения к вопросам научно-технического развития.

Четвертая научно-техническая революция без необходимых институциональных преобразований [9] не даст должного результата. Современный же правоприменитель в своей деятельности в большинстве случаев с опаской смотрит на достижения предыдущего исторического периода. Особенно ярко это проявляется в деятельности, которая регулируется уголовно-процессуальным законодатель-

ством. Здесь в лучшем случае субъекты, которые работают на первой стадии правоприменения, собирают юридические факты по делу, способны проявить инициативу и обратиться к высоким технологиям, облачным хранилищам, инвестиционным платформам с их токенами, специальным компьютерным программам (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Хотя и они, несмотря на разнообразие технических средств обнаружения, фиксации, изъятия следов правонарушений (портативный детектор, газоанализатор паров, ультрафиолетовые осветители, электронно-оптические преобразователи и другая аппаратура) [10], могут использовать только те, которые имеют достаточную степень верификации, и при условии, что полученные с их помощью результаты доступны для понимания остальными субъектами правоприменительной деятельности.

Уже начиная с анализа фактических обстоятельств дела, правоприменитель должен использовать только те средства, которые определены законом. Например, в соответствии со ст. 17 УПК РФ при оценке доказательств правоприменитель должен исходить из собственных внутренних убеждений, а также руководствоваться совестью. Заметим, что использование технических средств и программного обеспечения нормативно не определено, следовательно, недопустимо. При этом юрист в современных условиях не может обойтись без справочно-поисковой правовой системы, к которой он обращается для знакомства с той либо иной нормой или юридической практикой. Все без исключения системы такого рода используют, например, смысловой и интеллектуальный поиск по тексту и названиям документов, т. е. определенный код для формирования результатов поиска — то, что процессуальный закон, в принципе, не разрешает. В нем в лучшем случае упоминается о видео-конференц-связи, а в остальных случаях речь идет только о технических средствах как материальных носителях, необходимых для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (средства фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки¹...). О каких технологиях дополненной реальности [12], технологиях компьютерного программного сканирования [13] может идти речь, ведь согласно нормам действующе-

го уголовно-процессуального законодательства их результат правоприменителю придется приобщать в качестве определенного материального носителя, причем информация, содержащаяся в нем, должна иметь форму читаемого юридического документа², т. е. такого рода технологии только усложнят и без того непростой процесс правоприменения.

При этом надо отдать должное российскому законодателю в части учета достижений науки и техники в вопросах оформления правоприменительного решения, несмотря на консерватизм взглядов, в УПК РФ появляется электронный документ: в 2016 г. для использования в ходе судебного производства³, а в 2023 г. — для досудебного производства⁴. Правда, нормы содержат одну оговорку при «наличии технической возможности», которой, с сожалением приходится констатировать, в большинстве случаев нет.

Подведем итог. Во-первых. Для обеспечения высокого качества правоприменения в первую очередь необходимо обеспечить единство общеправового и отраслевого, межотраслевого знания. В современных условиях, когда теоретико-исторические и отраслевые юридические науки развиваются обособленно друг от друга, когда теоретики права не владеют (не принимают) достижениями представителей отраслевой юридической науки, а последние забыли о необходимости работы с понятиями, качество правоприменения будет оставаться невысоким.

Во-вторых, следует обеспечить «цифровизацию» процесса правоприменения. На первых порах можно поступить аналогично с законотворческой деятельностью, когда результаты законотворчества публикуются как в бумажном (Собрание законодательства Российской Федерации), так и в электронном виде (Интернет-портал правовой информации). К сожалению, это увеличит объем нагрузки для правоприменителя, но действующая правовая система, в принципе, к этому готова. Длительный период в российском образовании велась подготовка бакалавров, которые могли бы взять на себя часть данной технической работы. Необходимо создать цифровую платформу, которая обеспечит осуществление правоприменения в электронном виде, что автоматически снимет с правоприменителя ряд обязанностей,

¹ Следует понимать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство весьма традиционно, в нем до сих пор содержатся положения, например, о киносъемке, которая перекочевала в действующий кодекс из законодательства 60-х гг. и является устаревшим способом фиксации доказательств [11].

² См., напр., ст. ст. 74, 166, 190 УПК РФ.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ.

особенно при работе с цифровыми носителями. Появится, например, возможность не протоколировать записи с видеокамер и интернет-ресурсов.

В-третьих, качественное материально-техническое и кадровое обеспечение правоприменитель-

ной деятельности. Причем это должно быть именно так, одновременно и материально-техническое, и кадровое обеспечение в равном объеме. В ином случае, как показывает практика, результата добиться не удастся.

Список источников

1. *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов И. А.* Философия науки и техники : учеб. пособие для вузов. М., 1996.
2. *Теория государства и права* : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. М., 2025.
3. *Сырых В. М.* Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
4. *Смоленский М. Б.* Теория государства и права : учебник. М., 2022.
5. *Мурсалимов К. Р., Хабибулин А. Г.* Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
6. *Теория государства и права* : учебник / под ред. М. М. Рассолова, А. И. Клименко. М., 2021.
7. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
8. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 2010. Т. 3. Проблемы теории права.
9. *Яницкий О. Н.* Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8, № 2.
10. *Семенов В. А.* Технические средства фиксации содержания и результатов следственных действий // Вестник ОГУ. 2006. № 3.
11. *Латыпов В. С.* Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1(39).
12. *Чурикова А. Ю.* Технология дополненной реальности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2024. № 9(1079).
13. *Яшин А. А.* Виртуальные технологии в расследовании преступлений: перспективные направления и возможности использования // Адвокатская практика. 2022. № 6.

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-312-317

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Основания реализации права

Сергей Борисович Поляков

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права¹,
✉ psb59@rambler.ru

¹ Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Пермь, Россия)

В статье рассматривается причина существования проблем реализации права — нарушение в юридической деятельности логического закона достаточного основания. Юридическая наука, отстраняющаяся от юридической практики, размывает основания реализации права, дает начало производству юридических кадров, не ведающих юридической техники. Законность сменяется произволом правоприменителей с фактически обыденным правосознанием. Юридическая наука должна создавать ясные логические основания юридической деятельности и механизмы следования им. В частности, такими основаниями являются правоприменительные операции и алгоритмы их совершения.

Ключевые слова: логические основания, правоприменительные операции, юридическая техника, юридические факты, доказывание

Для цитирования: Поляков С. Б. Основания реализации права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 312–317.

The Bases for Implementation of Law

Sergey B. Polyakov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Civil and Business Law¹,
✉ psb59@rambler.ru

¹ Perm Branch of National Research Institute “Higher School of Economics” (Perm, Russia)

The article considers the cause of the problems of realization of law, that is violation of a logical law of sufficient basis in legal activity. Legal science, detached from the practice of law, erodes the bases for the implementation of law, causes the appearance of legal personnel not familiar with legal technology. Lawfulness is replaced by law enforcers' arbitrariness with a de facto common legal consciousness. Legal science must create clear logical bases for legal activity and mechanisms to follow them. In particular, such bases include law enforcement operations and algorithms to perform them.

Keywords: logical bases, law enforcement operations, legal technology, legal facts, proving

Citation: Polyakov S. B. The Bases for Implementation of Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No.3(98). Pp. 312–317 (In Russ.).

В выступлении на VI Всероссийском съезде судей Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин говорил, что равенство сторон достигается предельной формализацией правосудия, сведением всего судебного процесса исключительно к логическому состязанию «(т. е. формальной процедуре, лишенной всяческого субъективного содержания и допускающей столь же строгую формализованную проверку) ... Соблюдение процедуры обеспечивается путем обязательной отмены решений, пусть, возможно, правильных по существу, но вынесенных с нарушением установленного порядка» [1, с. 13].

Логическое состязание невозможно без соблюдения законов логики, одним из которых выступает закон достаточного основания [2, с. 112–113] и добро-

совестности высшего судебного надзора. И то и другое является хронически проблемным.

В русле логического состязания в реализации права направляют исследования А. Ф. Черданцева, Н. А. Власенко [3; 4]. Лишенным всяческого субъективного содержания и допускающим строгую формализованную проверку может быть только право в его нормативном понимании. Без текстов правовых актов реализация права лишается основы логического состязания и превращается в игру в наперстки. Дискуссии о правопонимании в действительности изначально разрушают основания реализации права [5, с. 58].

Однако, во-первых, в законах и иных имеющих внешние атрибуты актов правотворчества текстах может отсутствовать правовое содержание — юриди-

ческие нормы. Р. Л. Иванов систематизировал виды таких квазиправотворческих законов [6]. В недавно изданном Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» можно найти только три логические нормы права, реализация которых никак не способствует развитию того, что указано в названии закона¹. Бессмысленно говорить о реализации права, которого нет в квазиправотворческих актах.

Во-вторых, подобно тому, как не может быть обеспечено использование россиянами исключительно отечественных автомобилей при их качестве, не может быть и реализации правовых норм при качестве социально неадекватных законов, не предусматривающих стимулы и механизмы применения устанавливаемых предписаний. Государственные предписания против природы вещей являются правом, но заведомо не способным изменить природу вещей. Невозможно претворить в жизнь инвалидно-, а тем более мертворожденное. Реализация права закладывается юридической техникой нормотворчества — основаниями создания социально адекватного права. Углубление оснований механизмов социального взаимодействия, определяющих качество права и его реализацию, — научное направление «умного регулирования», в нашей юридической науке развиваемое М. Л. Давыдовой [7, с. 16].

По непосредственной форме реализации права можно судить о его разумности. Реализация права в форме правоприменения зависит от множества факторов, автономных от качества нормативных правовых актов.

Процесс решения дела, установленный процессуальными кодексами, сложнее трех стадий правоприменения, называемых в учебниках теории государства и права (установление и анализ фактических обстоятельств дела; выбор нормы права и юридическая квалификация дела; решение дела). В отраслевых процессуальных науках выделяются стадии соответствующего вида судопроизводства. Общетеоретические и отраслевые стадии правоприменения не совпадают.

Между тем в разрешении юридического дела необходимы промежуточные решения, правильность каждого из которых является верным основанием для последующего и в итоге окончательного решения по делу. Необходимо, отличаясь от обывателя, четко представлять совокупность действий, предписанных законом, завершающихся отдельным решением промежуточной задачи применения норм материального права, называя их правоприменительной операцией. В свою очередь каждая

отдельная правоприменительная операция имеет свою последовательность действий — оснований правильного совершения операции. В упрек общей теории права можно поставить пренебрежение к углублению правоприменительного процесса до отдельных операций и правил их совершения и обучению им будущих правоприменителей. Это многими современными теоретиками права считается мелкими проблемами отраслевых наук. Но правоприменительные навыки сами по себе не возникают в правосознании одновременно с выдачей диплома о юридическом образовании.

По Р. Иерингу, юриста от «профана» должно отличать знание юридических методов [8]. В действительности так называемое профессиональное сознание большинства судей — это знание не юридических методов, а от одного до нескольких десятков шаблонов судебных решений, спущенных вышестоящей судебной инстанцией. Обучение в юридических вузах концентрируется на обсуждении разрозненных казусов, а не на универсальных общих для казусов положениях процессуального закона. На практике это усугубляется так называемой специализацией правоприменителей на определенные категории дел. Поэтому каждый новый юридический казус ввергает большинство правоприменителей в растерянность. Нередко дела рассматриваются не по предмету и основаниям иска, а судьи в процессах оказывают давление на истцов, чтобы они изменили свои иски под известные судье шаблоны, угрожая штрафами за неуважение к суду.

Учебным положением является следующее: «Решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой» [9]. Из этого и положений ч. 1 ст. 55, ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 64, чч. 1 и 2 ст. 65 АПК РФ следует, что необходимо различать и последовательно устанавливать в процессе решения дела:

- юридические факты;
- обстоятельства дела, соответствующие этим фактам;
- доказательства (сведения об обстоятельствах дела, соответствующих юридическим фактам);
- средства доказывания (источники доказательств).

Однако в большинстве судебных актов все это излагается беспорядочно, что не позволяет верить в логическую связь выводов суда.

¹ Российская газета. 2024. 16 авг.

Например, апелляционное определение Пермского краевого суда от 12 сентября 2024 г. № 33-10148/2024² содержит правильное итоговое решение, но необудительно из-за отсутствия в нем решений промежуточных задач.

К. обратился в суд с иском к бывшей жене о прекращении права пользования квартирой, которая приобретена им до заключения брака с ответчицей, и о ее выселении. Соглашаясь с решением суда, апелляционная инстанция указала: «Удовлетворяя искиые требования, суд первой инстанции руководствовался положениями статьи 30, частей 1, 4 статей 31, 35 Жилищного кодекса РФ, статей 292, 235, 304 Гражданского кодекса РФ, подпункта «а» и абзаца 6 пункта 11, пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации». Пришел к выводу о прекращении у К.И.У. права на квартиру, поскольку при расторжении брака ответчик перестала являться членом семьи истца (собственника), соглашения о сохранении за ней права пользования квартирой не имеется, как и иных оснований для сохранения такого права». О каких именно основаниях, предусмотренных законом, говорится, из текста определения понять нельзя.

Основополагающая правоприменительная операция, к которой суд обязывает ст. 148 ГПК РФ, должна завершаться точным изложением из указанных сторонами норм права фактического состава, порождающего право истца, за защитой которого он обратился в суд, и обязанность ответчика, к которому предъявлено требование.

Из текста ч. 4 ст. 31 ЖК РФ операцией, универсальной для всех правоприменительных операций, — конструирование логической нормы права — для удовлетворения требования истца должен быть определен такой фактический состав, порождающий бывшему члену семьи собственника жилого помещения запрет на пользование этим помещением:

- 1) прекращение семейных отношений с собственником жилого помещения;
- 2) отсутствие соглашения между собственником и бывшим членом его семьи (ответчиком);
- 3) отсутствие у бывшего члена семьи собственника жилого помещения основания приобретения иного жилого помещения;
- 4) отсутствие у бывшего члена семьи собственника основания осуществления права пользования иным жилым помещением;
- 5) недостаточность имущественного положения бывшего члена семьи собственника для обеспечения себя иным жилым помещением;

6) другие заслуживающие внимания обстоятельства, не позволяющие бывшему члену семьи собственника обеспечить себя иным жилым помещением;

7) отсутствие у собственника жилого помещения алиментных обязательств в пользу бывшего супруга и других членов его семьи.

При доказанности всех этих юридических фактов иск подлежит удовлетворению.

Как в большинстве постановлений судов общей юрисдикции, такого перечня юридически фактов в анализируемом определении нет. В нем изначально указано: «Ответчик просит решение суда отменить, ссылаясь на отсутствие права собственности на иное жилое помещение и иного места для проживания. Квартира была приобретена истцом до заключения брака, однако внесение платежей по ипотечному кредитованию осуществлялось совместно в период брачных отношений». Из этого следует, что юридические факты 1, 2, 7 ответчица признает. Но она считает юридически значимым обстоятельством для удовлетворения заявленного требования отсутствие совместных платежей по ипотечному кредитованию в период брачных отношений. В таком случае необходима операция толкования права с предметом спора: названное обстоятельство является / не является юридически значимым для запрета бывшей супруге собственника жилого помещения пользоваться им. Решение этого вопроса в пользу истца исключает необходимость доказывания этого обстоятельства. Вместо названной операции при отсутствии встречного иска о праве собственности на спорное помещение суд апелляционной инстанции указал: «Доводы жалобы ответчика о совместной выплате кредита за спорную квартиру не лишают ее права обращения с иском о разделе имущества супругов». При этом согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Консультирование участников дела по будущим спорам ГПК РФ не предусматривает и противоречит смыслу ст. 2 ГПК РФ. Для логического движения по делу и перехода к операциям доказывания юридически значимых обстоятельств (юридических фактов) следовало изложить результаты толкования фактического состава, порождающего запрет соответственно притязанию истца, и сделать вывод: названное ответчицей обстоятельство не имеет юридического значения.

Отрицательные факты 3–6, указанные ответчицей в возражениях на иск, преобразованные в положительные для отказа в удовлетворении иска, подлежат доказыванию ею в силу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ: каждая сторона должна доказать те обстоятельства,

² URL: <https://sud-perm.ru> (дата обращения: 20.05.2025)

на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений.

Операция доказывания начинается с указания лицом, на котором лежит бремя доказывания, фактического обстоятельства, соответствующего юридическому факту. В анализируемом определении указано только, что «оснований для временного сохранения за ответчиком права пользования спорной квартирой в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ судом не установлено. Суд проанализировал доходы ответчика, отсутствие у истца обязанности по обеспечению ответчика жилым помещением».

Из текста определения не понять, приводила ли ответчица фактические обстоятельства, соответствующие юридическим фактам 3–6. Если не приводила, следовало указать: «Фактические обстоятельства, соответствующие юридическим фактам (далее изложить их вышеуказанные формулировки), ответчицей не указаны, т. е. в соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ не доказаны возражения против иска — обстоятельства, сохраняющие право ответчицы на пользование спорным жилым помещением». Отсутствие таких доводов говорит о том, что суд апелляционной инстанции без каких-либо юридических оснований, т. е. с нарушением ст. 12, ч. 4 ст. 67, п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ отказался исследовать даже не названные судом доказательства ответчицы.

«Суд проанализировал доходы ответчика» — это слова об оценке некоторых доказательств только юридического факта 5. А слова об отсутствии у истца обязанности по обеспечению ответчика жилым помещением — о бесспорном юридическом факте 7. При отсутствии в определении сведений о главном — наличии или отсутствии в деле доказательств обстоятельств, подтверждающих юридические факты, сохраняющие за ответчицей право пользования жилым помещением, сомнительна его обоснованность и законность.

Объем статьи не позволяет привести примеры по систематически непрофессиональному осуществлению других правоприменительных операций [10]. Самое распространенное — при операции толкования права: утверждение в судебных актах «доводы стороны основаны на неверном толковании закона» без указания того, применение каких способов и приемов толкования закона стороной было ошибочным.

Ссылка на юридические методы решения дела часто просто не понимается судами.

Суд первой инстанции на основании пп. 1 п. 1 ст. 1225, п. 1 ст. 1229, п. 3 ст. 1252, п. 1 ст. 1270 и п. 1 ст. 1301 ГК РФ удовлетворил иск П. к вузу о взыскании компенсации за нарушение авторских прав ис-

пользованием ответчиком в отчетах Министерству науки и высшего образования РФ о своей работе информации о статьях П. без его согласия.

Апелляционным определением Пермского краевого суда от 10 сентября 2024 г. № 33-8560/2024 по делу № 2-1118/2024³ решение суда первой инстанции отменено, вынесено новое решение о полном отказе в удовлетворении иска. Определение примечательно нарушением логических правил умозаключения. Вывод (умозаключение) об отсутствии нарушений исключительных авторских прав истца сделан судом апелляционной инстанции из следующих суждений.

1. Минобрнауки России (S — субъект атрибутивного суждения) использовал информацию о наименованиях и месте публикации статей истца с указанием места его работы в вузе (у ответчика) в целях мониторинга системы образования (Р — предикат атрибутивного суждения).

Ответчик (S) сообщил информацию о наименованиях и месте публикации статей истца с указанием места его работы в Минобрнауки России (Р).

2. П. (S) указывал в своих статьях место своей работы (вуз) (Р).

Вуз (S) отчитывался о результатах своей работы статьями П. без его согласия (Р).

3. П. (S) сообщал ответчику о наличии публикации указанных статей для целей оценки выполнения показателей результативности деятельности профессорско-преподавательского состава (Р).

Вуз (S) отчитывался о результатах своей работы статьями П. без его согласия (Р).

В этих посылах нет связывающих их понятий (термина М) и термина-заключения «не является нарушением исключительных авторских прав П.». Из приведенных суждений нельзя по правилам умозаключения сделать какой-либо вывод из-за учтенного терминов. В каждом силлогизме должно быть только три термина (М — средний термин, служащий для связывания S и Р, отсутствует в заключении) [2, с. 65–81, 123–126].

Точно так же как из суждений «в огороде — бузина», «в Киеве — дядька» не следует по правилам логики вывод (заключение): «дядька — добрый».

На основании изложенных обстоятельств суд апелляционной инстанции указал: «Поэтому подлежат отклонению доводы истца о том, что перечень действий по использованию произведения, приведенный в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, не является исчерпывающим». Такой вывод демонстрирует незнание общих дозволений и общих запретов и следующих из них общедозволительных и разрешительных типов правового регулирования [11; 12].

³ Там же.

Постоянным использованием в разделе VII ГК РФ слов «исключительное право» на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации законодатель однозначно указывает на общее дозволение для обладателя авторских прав и на разрешительное регулирование действий противостоящих ему лиц в отношении объектов авторского права. В статьях 1229 и 1270 ГК РФ не указаны исчерпывающим образом определяемые обладателем авторских прав способы использования произведения. А для других лиц в абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ установлен запрет на использование результатов интеллектуальной деятельности или средств их индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

В определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2025 г. по делу № 2-1118/2024⁴ написано: «То, что выводы суда апелляционной инстанции являются нелогичными, не подтверждает отсутствие нарушения исключительных авторских прав автора статей». Но единственным доводом для поддержки апелляционного определения судом кассационной инстанции указано умозаключение апелляционного определения из суждения: информация, использованная ответчиком для отчета о своей деятельности, является общедоступной. В кассационном определении нет ничего о доводах истца об общих дозволениях и общих запретах и следующих из них типов правового регулирования. Наверно, они просто непонятны суду.

Положения закона, которые предусматривали бы исключение из общего запрета, установленного абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ, а именно право вуза без согласия автора использовать результаты его интеллектуальной деятельности и приравненные к ним

средства индивидуализации для отчета о своей деятельности и определения своего места в рейтинге вузов, т. е. выдавать чужие результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации за результаты своей деятельности, в апелляционном и кассационном определениях не приведены.

Отсутствие в судебных актах следов юридических методов решения дел усугубляется хронической проблемой избирательности и немотивированности решений судов кассационной инстанции. Более того, ст. 390.9 ГПК РФ, ст. 291.8 АПК РФ, ст. 324 КАС РФ, устанавливающие содержание определения судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании, не обязывают приводить доводы лица, подавшего кассационную жалобу, и опровергнуть их. Законом не установлена обязанность судьи отвечать по существу кассационных жалоб.

В то же время часто рассматриваются апелляционные и кассационные жалобы, в которых не указываются ни прямыми ссылками на части и пункты ст. 330 и ст. 379.7 ГПК РФ, ни их текстом основания для отмены обжалуемых судебных постановлений. При этом согласно ст. ст. 327.1 и 379.6 ГПК РФ суды апелляционной и кассационной инстанции рассматривают дело в пределах доводов, изложенных в жалобах. В таких случаях обжалуемые судебные постановления отменяются без оснований, предусмотренных законом.

Широко распространенное отсутствие профессиональных юридических оснований в актах реализации права показывает низкий уровень законности. Поэтому актуальными задачами юридической науки, нацеленной на юридическую практику, является углубление оснований юридической деятельности и создание механизмов их реализации.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Выступление на VI Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. 2005. № 1-2.
2. Гетманова А. Д. Логика для юристов. Со сборником задач : учеб. пособие. М., 2012.
3. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М., 2012.
4. Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права: лингво-логический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. Екатеринбург, 1997.
5. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10.
6. Иванов Р. Л. Квазиправотворческие акты: понятие и виды // Проблемы правоприменения в современной России : сб. мат-лов науч.-практ. конф. / отв. ред. М. П. Клеймёнов, М. С. Фокин. Омск, 2011.
7. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / кол. авторов; под ред. М. Л. Давыдовой. М., 2024.
8. Иеринг Р. Юридическая техника. М., 2008.

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Алексеев С. С.* Общая теория права : учебник. М., 2008.
10. *Поляков С. Б., Гилев И. А.* Система правоприменительных операций : монография. М., 2023.
11. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве : монография. М., 1989.
12. *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

УДК 340:342.518

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-318-322

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

История Министерства внутренних дел Российской империи в трудах второй половины XIX — начала XX вв.

Александр Владимирович Быков

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин¹,

✉ aleksandr091070@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена опубликованным во второй половине XIX — начале XX вв. трудам, содержащим исторические сведения о формировании, развитии, деятельности Министерства внутренних дел Российской империи: «История Министерства внутренних дел», «Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г.», «Наше Министерство внутренних дел», «Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III», «Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802–1902)». Предлагается их краткая характеристика как исторических источников, раскрывается значение для исследований по истории государства и права, Министерства внутренних дел. Кратко анализируется основное содержание, подчеркиваются наиболее интересные особенности. Выделены положительные характеристики публикаций — значительные объем информации, широкий круг использованных источников. К отрицательным сторонам можно отнести невысокую степень аналитики и отсутствие критического подхода авторов, что может быть объяснено ведомственным характером изданий.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, Российская империя, история, источники, изучение, государственное управление, министерская система управления

Для цитирования: Быков А. В. История Министерства внутренних дел Российской империи в трудах второй половины XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 318–322.

History of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Works of the Second half of the 19th — early 20th century

Alexandr V. Bykov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Civil Law Disciplines¹,

✉ aleksandr091070@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to works containing historical information about the formation, development and activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire published in the second half of 19th — early 20th century: “History of the Ministry of Internal Affairs”, “A Brief Outline of the Activities of the Ministry of Internal Affairs during 1855–1880”, “Our Ministry of Internal Affairs”, “An Overview of the Activities of the Ministry of Internal Affairs during the Reign of Emperor Alexander III”, “Ministry of Internal Affairs: Historical Review (1802–1902)”. Their brief description as historical sources is proposed, the significance for studies on state and law history and of the Ministry of Internal Affairs is revealed. The author gives a brief analysis of the main content and focuses on the most interesting features. Positive features of publications include a considerable amount of information, a wide range of sources used. The drawbacks are a low level of analysis and a lack of authors’ critical approach, which can be explained by the departmental nature of publications.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, Russian Empire, history, sources, study, public administration, ministry system of administration

Citation: Bykov A. V. History of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the Works of the Second half of the 19th – early 20th century. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 3(98). Pp. 318–322 (In Russ.).

Учрежденное в 1902 г. Министерство внутренних дел (далее — МВД) играло ключевую роль в системе государственного управления Российской империи. Наделенное широчайшим кругом обязанностей, МВД напрямую или косвенно участвовало в решении многих вопросов жизнеобеспечения, развития страны. Неслучайно проблемы его деятельности, устройства, истории формирования и развития были и остаются актуальными, представляют значительный научный интерес. Исследованию истории МВД посвящено значительное количество научных работ [1–5]. Неоценимое значение в качестве исторических источников имеют труды, изданные в дореволюционный период. Их авторы были близки по времени к описываемым событиям или вовсе являлись их участниками. Содержащаяся в них информация активно использовалась учеными. Однако сами эти труды на сегодняшний день не стали предметом комплексного анализа. Предпринятое нами исследование, результатом которого является предлагаемая статья, имело целью восполнить данный пробел. В целях сохранения аутентичности анализировались дореволюционные издания, современные переиздания не использовались. Публикации представлены в хронологическом порядке.

Справедливо начинать наш обзор с известнейшего труда Николая Васильевича Варадинова (1817–1886) «История Министерства внутренних дел» [6]. Имея степень доктора права и философии и будучи чиновником особых поручений при министре внутренних дел, членом Главного управления по делам печати (1865–1883), членом Совета при министре внутренних дел (1883–1886), он имел возможность на практике узнать процессы, происходившие в министерстве, и дать им квалифицированную оценку как практик и как ученый.

Исторический обзор был издан в период с 1858 г. по 1863 г. Н. В. Варадинов в пояснении к первой части сформулировал основные этапы развития МВД, в соответствии с которыми составлена общая структура обзора. Часть 1 представляет одну книгу и охватывает период с 1802 г. по 1809 г. Часть 2 состоит из двух книг — с 1810 г. по 1825 г. Часть 3 включает четыре книги, охватывая период с 1826 г. по 1855 г. Книга восьмая является дополнительной, посвящена истории распоряжений МВД по расколу.

Каждая книга (кроме восьмой) состоит из двух частей. Первая часть — история учреждений, в которой рассматриваются вопросы изменения системы МВД и ее структурных подразделений, меры

по совершенствованию управления. Вторая часть (история деятельности) представляет собой изложение в хронологическом порядке сведений о состоянии дел по основным направлениям государственного управления, находившимся в ведении МВД (продовольственная часть, сельское хозяйство, губернское управление и иное). С точки зрения изучения истории самого министерства, первые части книг представляют наибольший интерес, поскольку автор подробнейшим образом систематично раскрывал различные аспекты его развития, происходившие изменения, структуру, кадровые вопросы, изменения в обязанностях, компетенции МВД и многое другое. В работе учтены, казалось бы, мелочи, частные сведения, например описание мундиров для чиновников МВД [7, с. 74]. Однако именно подробное, не имеющее значительных пробелов, описание событий истории, жизни министерства и является одной из главных ценностей столь монументального труда. Во многом последующие исследования по истории МВД основывались именно на этих сведениях.

Значительное внимание уделено нормативной правовой основе деятельности МВД, в том числе приводятся полностью или в извлечениях отдельные законодательные и ведомственные нормативные акты, раскрывается их значение, влияние на деятельность министерства.

Книги содержат значительный объем статистического материала, иллюстративных данных. Например, в Части 1 после основного текста размещены нумерованные листы, содержащие таблицы «Обозрение изменений в составных частях Министерства внутренних дел» [7], содержащие в сжатом виде сведения о структуре Министерства, штате, основных обязанностях структурных подразделений. На каждой странице содержатся ссылки в конце текста на источники информации.

В предисловии к восьмой книге автор указывает, что писал исторический очерк в течение шести лет. При подготовке использован широчайший комплекс источников: архивные документы МВД и иных ведомств; Полное собрание законов Российской империи; ежегодные отчеты министров императору; периодические издания: «Санкт-Петербургский журнал», «Северная Почта», «Журнал Министерства внутренних дел» и ведомственные журналы иных министерств; иные источники. Николай Варадинов писал: «Точность и полнота составляли исходную точку разработки материалов» [8, с. III¹].

¹ Страницы предисловия имеют нумерацию римскими цифрами.

Собственные комментарии, интерпретации, суждения автора немногочисленны и вплетены в системное изложение фактов, событий, статистических данных, хотя он и не ставил своей целью проведение их критического анализа.

Труд Николая Варадинова становится важным источником по истории МВД уже в первое время после издания. Например, ссылка на него содержится в книге Е. Н. Анучина «Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени» [9, с. 17]. Варадинов писал, что результатами его труда пользуются в том числе и чиновники при подготовке служебных документов, журналы перепечатывали фрагменты, «не указывая обыкновенно, откуда заимствовали свои данные» [8, с. III].

Подводя итог, следует отметить, что труд Николая Васильевича Варадинова «История Министерства Внутренних Дел» являлся первым крупным, систематизированным исследованием по истории Министерства внутренних дел и до настоящего времени является ценнейшим источником информации о формировании и развитии МВД в первой половине — середине XIX в.

«Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г.» [10] был подготовлен как своего рода отчет и адресован императору, на титульном листе указано, что был предоставлен императору (Александру II) 19 февраля 1880 г., в тексте периодически встречаются обращения «ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО»². Авторы (составители) не указаны.

Создание данного очерка было связано с необходимостью подведения итогов деятельности Министерства внутренних дел за четверть века. В этот период Россия переживала значительные изменения, включая реформы Александра II, такие как отмена крепостного права, судебная реформа и другие важные преобразования. Очерк, предположительно, был задуман как способ продемонстрировать успехи и достижения министерства в управлении внутренними делами страны.

Первый (вступительный) раздел кратко раскрывает заслуги, основные свершения МВД с момента окончания Крымской войны. Второй раздел посвящен «учреждению министерства», в нем рассматривается эволюция внутреннего устройства МВД. Остальные 14 разделов посвящены отдельным направлениям деятельности министерства, участию в реализации государственных преобразований, наиболее значительных событиях в жизни страны. В частности, разделы «Освобождение помещичьих

крестьян от крепостной зависимости и устройство сельского состояния», «Введение земских учреждений», «Обеспечение народного продовольствия» и другие.

Авторы (автор) очерка стремились показать роль МВД в реализации реформ, продемонстрировать его успехи и достижения, представить его как основу государственного управления и государственной жизни в целом.

В связи с этим наибольший интерес представляет отражение позиции МВД в отношении происходивших событий, его роль в решении государственных задач, общественных проблем, что делает данное издание ценным источником по истории государственного реформирования второй половины XIX в.

Важным элементом являются также статистические данные, демонстрирующие показатели деятельности МВД. Значительный интерес представляют результаты проводимых преобразований и участия в них министерства.

К недостаткам работы можно отнести отсутствие критики либо ее завуалированность, стремление показать работу МВД в лучшем свете, затушевывая или опустив имевшиеся проблемы.

Резким диссонансом среди всех трудов, затрагивающих историю, деятельность Министерства внутренних дел, предстает работа Леонида Вячеславовича Дашкевича «Наше Министерство внутренних дел» [11], изданное в Берлине в 1895 г. В ней подвергается критике деятельность МВД в сфере управления земскими губерниями. Автор являлся членом земских управ, поэтому знал проблемы земства изнутри. Будучи представителем либерального направления, считал что законодательство, регулирующее губернское управление, деятельность земских органов, не отвечает требованиям ситуации в стране. Вину за несовершенство законодательства и недостатки центрального управления в отношении губерний он возлагал на Министерство внутренних дел.

Данное издание интересно именно критическим взглядом, анализом законодательных актов, практики их реализации, деятельности министерства по управлению губерниями сквозь призму проблем, реальной ситуации на местах.

Еще одним изданием, представляющим собой описание деятельности Министерства внутренних дел, является «Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III» опубликованный в Санкт-Петербурге в 1901 г. [12]. Авторы издания не указаны, предположительно, в подготовке принимали участие чиновники Министерства внутренних дел.

² В тексте согласно правилам того времени при упоминании императора все буквы должны были быть прописными.

Издание напечатано спустя семь лет после смерти Александра III в период правления императора Николая II. Его подготовка, вероятно, связана со стремлением систематизировать данные о деятельности МВД за период прошлого царствования. Данный обзор, очевидно, предназначался для императора Николая II, поскольку в тексте имеются обращения к императорской особе. Основная цель заключалась в том, чтобы показать преемственность и эффективность политики МВД в рамках общего курса реформ и контрреформ, проводимых Александром III.

Книга содержит подробный анализ работы различных департаментов и управлений МВД, включая полицию, систему здравоохранения, управление губерний и другие направления. Например, имеются такие разделы: «Преобразования в центральных и местных учреждениях Министерства внутренних дел», «Крестьянское дело», «Преобразование земских учреждений», «Меры по полицейской части» и другие.

Особый интерес для исследователя может представлять изложение причин, мотивов разработки и принятия тех или иных нормативных правовых актов, управленческих решений. Ограниченно подчеркиваются недостатки в системе управления, проблемы реализации ранее принятых указов и иных актов. Авторы стремятся продемонстрировать итоги реализации императорских указов, например, Положения о земских участковых начальниках (1889 г.), обозначая неудовлетворительное состояние управления в уездах как причину принятия данного акта и демонстрируя в выгодном свете роль МВД в его реализации.

Таким образом, книга представляет собой ценнейший источник для изучения внутренней политики Российской империи конца XIX в. и деятельности Министерства внутренних дел.

Особое внимание привлекает юбилейное ведомственное издание «Министерство внутренних дел: исторический очерк: (1802–1902)» [13]. Инициатором начала работы по составлению данного исторического обзора являлся министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин, о чем говорится в небольшом вступлении, предвещающем основную часть.

Издание состоит из основной книги (собственно исторического очерка) и двух книг-приложений. Автором исторического очерка являлся Сергей Александрович Адрианов (1871–1942) — литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. В 1900–1910-х гг. он осуществлял организационную и редакторскую подготовку юбилейных изданий по истории министерств. Приложения, материалы по отдельным направлениям деятельности Министерства внутренних дел (Почтового и Телеграфного ведомств) подготовили служащие МВД — столоничальник Главного управления почт и телеграфов

Н. И. Соколов и чиновник по особым поручениям при начальнике Главного управления почт и телеграфов Н. Е. Славинский. Обращает на себя внимание одна деталь: история Министерства рассматривается по 1902 г., хотя годом издания типографией Министерства внутренних дел указан 1901 г.

Очерк подготовлен на обширной источниковой базе, включая документы архивов МВД и иных ведомств, материалы ведомственных периодических изданий и сборников, ранее изданные работы по истории Министерства внутренних дел (какие конкретно — не указывается). В отличие от труда Н. В. Варадинова, отсутствуют ссылки на источники информации, что в целом простительно для ненаучного, юбилейного издания.

Основной том состоит из предисловия и четырех отделов, каждый из которых посвящен определенному историческому периоду. Несмотря на юбилейный, «парадный» характер, в книге представлены не только сведения о тех или иных событиях, но и раскрываются причины проведения тех или иных преобразований, принятия административных решений. Дается анализ законодательных и ведомственных актов по вопросам организации и работы МВД и его структурных подразделений. Автор представляет характеристику проводимых преобразований, их положительные и, в меньшей степени, отрицательные стороны. Раскрываются взгляды министров, иных государственных деятелей на реформы, методы деятельности МВД.

К сожалению, аналитическая составляющая достаточно краткая, практически не содержит критики, глубокого осмысления проблем и недостатков реформ и деятельности Министерства внутренних дел.

Собрание включает множество иллюстраций на отдельных листах — портреты императоров, министров, иных государственных деятелей и сановников, изображений различных памятников, иных объектов, связанных с историей МВД.

В Приложение 1 включены копии Высочайших резолюций, документы с автографами министров внутренних дел и министров полиции В. П. Кочубея, М. М. Сперанского, С. К. Вязьмитинова и других. Основная часть приложения представляет собой альбом тематических фотографий по разделам. Фотографии исторических зданий (например, фото дворца царевича Дмитрия в Угличе), памятников, городских и земских, церковных, лечебных, промышленных и иных зданий. Завершается Приложение фотографиями образцов обмундирования чинов полиции. Приложение 2 посвящено истории развития в России почты и телеграфа, роли МВД в организации их деятельности.

В целом издание является сосредоточением уникальной информации по различным аспектам жизни

российского общества, государственного реформирования, деятельности МВД.

Подводя итог, можно отметить, что большинство изданий представляли собой исторические обзоры, в том числе предназначенные прежде всего для представления императору. Положительной их стороной является информативность, использование при подготовке значительного круга разнообразных источников (часть из которых, возможно, до нашего времени не дошла). Особенно это можно отметить в отношении таких трудов, как «История Министерства внутренних дел» и «Министерство

внутренних дел: исторический очерк: (1802–1902)». Значителен объем статистической информации, сведений о конкретных мерах, предпринятых МВД по различным направлениям управленческой и иной деятельности. К недостаткам можно отнести недостаточность аналитического осмысления событий, правовых актов, критического подхода. Рассмотренные труды и в настоящее время являются источниками исторической информации и далее будут востребованы исследователями в самых различных областях истории отечественного государства и права, общества в целом.

Список источников

1. *Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.)* / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2001.
2. *Борисов А. В.* Министры внутренних дел России, 1802–окт. 1917. СПб., 2001.
3. *Долженкова Г. Д., Полубинский В. И.* Министерство внутренних дел России: задачи, функции, структура : монография. М., 2002.
4. *МВД России.* Люди, структура, деятельность. Министерство внутренних дел Российской империи, 1802–1917 / автор-составитель канд. юрид. наук С. А. Лукьянов [и др.]. М., 2011.
5. *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : монография. М., 2015.
6. *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел : 2-е изд. СПб., 1858–1863. Т. 8.
7. *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел: Ч. 1: Период первоначального учреждения министерств : С 8 сент. 1802 г. по 1809 г. включительно. СПб., 1858.
8. *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел: История распоряжений по расколу. СПб., 1863.
9. *Анучин Е. Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / сост. по распоряжению министра внутренних дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным. СПб., 1872.
10. *Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г.* СПб., 1880.
11. *Наше Министерство внутренних дел* / [Соч.] Леонида Дашкевича. Берлин, 1895.
12. *Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III.* СПб., 1901.
13. *Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802–1902).* СПб., 1901.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 303.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-323-329

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Изучение жизненного мира: социальные исследования между феноменологией и философской антропологией

Андрей Анатольевич Морозов

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹,

✉ moroz_may@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье проводится концептуализация понятия «жизненный мир» и выявление новых возможностей его использования в социальных науках и, в частности, при проведении эмпирических исследований. Основой работы является анализ теоретических построений Э. Гуссерля, Г. Гарфинкеля, А. Шюца. Рассуждения Э. Гуссерля позволяют операционализировать понятие жизненного мира, редуцируя его до опыта, мыслей и оценок, которые высказывают в ходе социальных исследований респонденты. Значимую роль в них играет включенность ученого в жизненный мир, который он изучает. Эта проблема находит разрешение в построениях Г. Гарфинкеля, А. Шюца, Ю. Хабермаса. Использование их теоретических построений может стать предпосылкой проведения социальных исследований, обеспечивающих познание реального жизненного мира.

Ключевые слова: жизненный мир, феноменология, эмпирические исследования, социальные науки, методология

Для цитирования: Морозов А. А. Изучение жизненного мира: социальные исследования между феноменологией и философской антропологией // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 323–329.

Study of the Lifeworld: Social Studies of Phenomenology and Philosophical Anthropology

Andrey A. Morozov

Candidate of Science (in History), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ moroz_may@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article conceptualizes the concept of “lifeworld” and identifies new possibilities for its use in social sciences and, in particular, in conducting empirical studies. The basis of the work is the analysis of theoretical constructions of E. Husserl, H. Garfinkel, A. Schütz. The reasoning of E. Husserl makes it possible to operationalize the concept of the lifeworld, reducing it to the experiences, thoughts and assessments that respondents express in social surveys. The important role in the study is played by the inclusion of the scientist in the lifeworld that he studies. This problem is solved in the constructions of H. Garfinkel, A. Schütz, J. Habermas. The use of their theoretical constructions can become a prerequisite for conducting social studies that provide cognition of the real lifeworld.

Keywords: lifeworld, phenomenology, empirical studies, social sciences, methodology

Citation: Morozov A. A. Study of the Lifeworld: Social Studies of Phenomenology and Philosophical Anthropology. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 3(98). Pp. 323–329 (In Russ.).

Серьезной проблемой современных социальных исследований остается возможность получения достоверной, соответствующей наличной реальности эмпирической информации и адекватности наших теоретических построений относительно фактически складывающейся ситуации. Круг подобных исследований достаточно широк и затрагивает социологическую, правовую, социально-философскую проблематику. Ученые стремятся понять идеальный тип современного человека, определить его личностные особенности, прояснить вопросы мировоззренческого выбора, системы убеждений, жизненных приоритетов. Эта проблематика не является новой для социальных исследований, как и поиски инструментов получения достоверной информации и валидных выводов.

После опыта феноменологии Э. Гуссерля одним из существенных моментов таких исследований стало обращение к понятию «жизненный мир». В связи с его осмыслением сложилась особая теоретическая традиция на основе трудов выдающихся социальных мыслителей XX–XXI вв.

Целью данной статьи является проведение концептуализации понятия «жизненный мир» с учетом сложившихся вариантов интерпретации понятия и раскрытие новых его возможностей для исследования современных форм и образов социальной жизни. Особой задачей представляется поиск возможностей интеграции субъективного и интерсубъективного уровней изучения жизненного мира.

Обзоры проблематики жизненного мира всегда включают классический блок, в котором фиксируется становление понятия в философской феноменологии Э. Гуссерля, затем производится переход к анализу социальной феноменологии А. Шюца, далее П. Бергера и Т. Лукмана и, наконец, к социальной теории Ю. Хабермаса. И распространенным выводом является утверждение, что «категория „жизненного мира“ в социологии оказывается инструментом анализа как субъективного мира человека, так и интерсубъективной социальной реальности» [1, с. 7]. К. С. Дивисенко выделяет в исследованиях жизненного мира два основных направления. Первое — социально-феноменологическое — направление ставит задачу описать социальную реальность в том виде, в каком ее воспринимают сами субъекты социальной жизни. При этом феноменологическая методология востребована в силу того, что респонденты не в состоянии самостоятельно дать ответы на вопросы, формулируемые исследователями. Но вопросы должны подтолкнуть респондента к саморефлексии. Конечным итогом этих усилий становится воссоздание жизненного мира.

Второе — социально-критическое — направление в исследовании жизненного мира связывается

с социальной философией Ю. Хабермаса. Основное внимание уделяется взаимодействию жизненного мира и социальной системы. Акцент делается на воздействии, которое оказывают на жизненный мир наука, техника, технология, информационный контент. Обращаясь к современной российской реальности, можно заметить, что именно в контексте социально-критического подхода можно установить практический эффект усилий по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей со стороны органов публичной власти, общественных организаций, системы образования. В этом случае, например, возможна операционализация понятия «жизненный мир» как «мир ценностей и смыслов». И в дальнейшем, проводя анализ сложившихся у разных авторов представлений о жизненном мире, будем обращаться к формулированию проблем исследования российской реальности и, в частности, жизненного мира молодежи. Наше исследование направлено на раскрытие эпистемологических возможностей понятия жизненного мира в социальных науках.

Исходным пунктом наших дальнейших рассуждений станут идеи Э. Гуссерля. Сразу оговоримся, что не претендуем на полноту охвата идей немецкого философа. Мы будем действовать настолько прагматично, насколько нам это обеспечит достижение цели.

Э. Гуссерль, опираясь на невысказанную «предпосылку» И. Канта, признает существующим повседневный окружающий мир, в котором все мы, люди, одновременно являемся и объектами, и субъектами [2, с. 145, 151]. Наша объектность обеспечивает познаваемость жизненного мира. Мир со всеми нами предзадан нашему опыту. Вместе с тем в процессе познания мы придаем жизненному миру бытийный смысл. Со своей стороны, взяв в качестве предпосылки рассуждения Э. Гуссерля, мы можем операционализировать понятие жизненного мира, редуцируя его до опыта, мыслей и оценок, которые высказывают в ходе социальных исследований респонденты. Используя субъект-объектное понимание личности в пределах жизненного мира, необходимо направить мысль респондента и на себя, и на другого, а также заставить его воспроизвести оценку другого по отношению к нему.

Указывая на контраст между субъективностью жизненного мира и «объективным», «истинным» миром, Э. Гуссерль отмечает принципиальную непознаваемость последнего при принципиальной индуктивной познаваемости субъективности. В связи с этим он пишет: «Жизненный мир есть царство изначальных очевидностей. Данное с очевидностью, в зависимости от того, идет ли речь о восприятии или воспоминании, есть познанное в опыте как „оно

само“ в непосредственном присутствии [Präsenz] или припомненное как оно само; все прочие способы созерцания суть способы привести к присутствию [vergegenwärtigen] его само» [2, с. 175]. В практике социальных исследований это означает, что мы выявляем очевидные вещи, представленные в сознании респондента. Будучи объектом нашего исследования (тем, что нам предзадано), он фактически получает задачу провести рефлексивную работу и представить нам собственную версию жизненного мира, в который он помещен в конкретном месте и конкретном времени. Мы пробуждаем в нем субъектность и делаем его тем человеком, с которым мы вступаем во взаимодействие. Таким образом, ученый оказывается включенным в исследуемый им жизненный мир. И без этой включенности он фактически не имеет исследовательской перспективы.

Позднее это положение трансформируется у Ю. Хабермаса в «перформативную установку исследователя», которая и обеспечивает его методологический оптимизм. Он вполне выражен в утверждении, что «социальный ученый в состоянии, заняв перформативную установку как минимум виртуального участника взаимодействия, осуществить объективную интерпретацию наблюдаемых социальных процессов» [3, с. 3]. Ю. Хабермас утверждает, что модель действия демонстрирует отношение действующего субъекта к миру. А изменение первого сигнализирует нам об изменении второго. И это влияет не только на действия субъекта, но и на характер истолкования их действий интерпретатором.

Перформативная установка исследователя позволяет ему рационально истолковывать целерациональное, регулируемое и драматургическое действие. Ю. Хабермас подробно рассматривает возможности интерпретации в отношении каждого варианта. Основное условие способности ученого понимать жизненный мир и действия его субъектов — это принадлежность к нему.

Именно эта включенность приводит к тому, что мы адресуем вопросы жизненному миру, имея в виду собственные планы и давая интерпретацию еще не полученным ответам в своих гипотезах. Мы создаем коллизии столкновения собственных интересов и данности жизненного мира. Собственный интерес влияет на структуру и содержание вопросов, адресуемых объекту (превращающемуся в субъекта) исследования. Вместе с тем, по мысли Э. Гуссерля, люди живут среди других людей как объектов жизненного мира. И в этой конфигурации мы, существуя в горизонте других людей, в то же время уверены в той или иной степени, как именно люди представляют те или иные явления, которые стали объектом нашего интереса. Это позволяет Гуссерлю далее говорить об intersubjektivno тождественном для всех жизнен-

ном мире, который «служит интенциональным „индексом“, указывающим на многообразие явлений, сквозь которые, когда они связаны друг с другом в intersubjektivno синтезе, все Я-субъекты (а во все не каждый только сквозь свои, только ему индивидуально свойственные многообразия) оказываются ориентированы на общий для них мир и его вещи как на поле всех активных действий и т. д., связанных друг с другом во всеобщем Мы» [2, с. 231]. Это формирует особого рода ориентацию на общий для всех мир и его вещи.

И в завершение анализа гуссерлианских рассуждений позволим себе еще один практический вывод. Он состоит в том, что вопросы, которые мы обращаем к респондентам в ходе социальных исследований, обращены не столько к личности, обладающей своими неповторимыми чертами, но личности, являющейся носителем «хабитуальных черт и способностей», которые отражают жизненный мир как определенный набор объектов.

Самым известным в социальных науках последователем гуссерлианской феноменологии Р. Коллинз называет Г. Гарфинкеля [4, с. 280], который стал автором особой методологической программы социальных исследований — этнометодологии.

Раскрывая и разъясняя сущность этнометодологии, Г. Гарфинкель акцентирует внимание на практике осмысления индивидами своих действий. Выявляя рациональные их характеристики, он указывает, что «представления индивидов ... рефлексивны и по существу связаны социально организованными обстоятельствами» [5, с. 12]. Американский исследователь поднимает проблему понимания сказанного кем-то и воспринятого другим. Это понимание возможно в свете разделяемого согласия, когда люди уверены, что их усилия найдут отклик, если следовать определенному правилу. Он приходит к выводу, что «человек, занимающийся социологией, может относиться к коллективному пониманию как взаимному согласию по существенным вопросам и принимать как данность, что сказанное будет понято в соответствии с методами, которые не нужно оговаривать особо, т. е. методами, которые следует конкретизировать только в „специальных“ случаях» [5, с. 41]. В нашей практике изучения жизненного мира молодежи этот вывод имеет вполне конкретное значение. Мы должны удостовериться, что полученные ответы выражают взаимное согласие внутри исследуемой социальной группы и понимаются нами в том же контексте. Иначе говоря, мы должны быть уверены, что мы поняли именно то, что нам сказали. Мы должны найти способ в этом удостовериться. В нашем случае используется метод интервью и включенного наблюдения. Для интерпретации и подтверждения

принятых объяснений, полученных в результате анкетирования, мы образуем контрольную группу из числа обучающихся. Они выступают экспертами в оценке ответов, полученных в ходе анкетирования. Наиболее благоприятные условия для такой работы складываются на занятиях по социологии, когда активность исследуемых организуется в виде выполнения задания, что в данном случае играет роль легенды.

В качестве первостепенной проблемы социальных наук и социологии в особенности Г. Гарфинкель указывает на понимание мира здравого смысла повседневной жизни. Задача исследователя в первую очередь заключается в проблематизации обыденных ситуаций, жизненных решений, принимаемых членами общества. Прежде всего мы должны определить теоретическую значимость наших усилий, а затем создать условия, при которых обыденные высказывания были бы для нас понятны. Респондент, отвечая на наши вопросы, может ориентироваться на иной смысловой контекст, отличающийся от нашего по многим параметрам. Высказывания, воспринимаемые вне общего понимания, могут остаться непонятыми вообще или быть понятыми неверно. В своей обычной жизни, а также в сложившейся системе представлений человек ожидает, что объекты, слова, правила таковы, какими он привык их воспринимать. Вместе с тем интересующий нас результат в некоторых случаях может быть достигнут, если мы выведем человека из зоны комфорта, например, зададим неожиданный вопрос. Однако описанные Г. Гарфинкелем эксперименты демонстрируют, что необходимо соблюдать осторожность в использовании провокативных методов в силу того, что протест испытуемого нередко прекращает процесс исследования.

От проблем получения социальных знаний мы должны перейти к вопросу их интерпретации. Г. Гарфинкель анализирует проявления рациональности в различных формах поведения, а также формы научной рациональности. Но в итоге приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «Переосмысление проблемы рациональности для возвращения ее ученым заключается в обращении к социологам призыве отказаться от рассмотрения научных рациональностей как методологического правила интерпретации человеческих действий» [5, с. 303–304]. Это вовсе не означает, что в данном случае ученый отрицает значимость рациональности в научном творчестве. Он настаивает, что она имеет ограниченное применение. Он объявляет ее необходимость для научного теоретизирования в целях исключения несовместимых или противоречащих утверждений, нарушений правила вывода. Но он указывает, что обыденные действия и суж-

дения не подчиняются строгим правилам научной рациональности. Участник обыденной жизни посредством своих высказываний в большей мере демонстрирует свою лояльность группе и ожидает социальной поддержки [5, с. 306]. Исключив оценки действий и суждений как рациональных, нерациональных, иррациональных, арациональных, мы с большей степенью вероятности в рамках эмпирического исследования имеем шанс понять и описать основания действий и суждений людей в пределах их жизненного мира. Это вполне подтвердилось в рамках проводимых нами исследований. Так, изучение мировоззренческого выбора молодежи всякий раз показывает достаточно высокий уровень религиозной идентификации. В частности, в недавнем нашем исследовании 70% респондентов назвали себя православными. При этом вводимые показатели православной религиозности — молитва и участие в богослужении — оказываются на крайне низком уровне [6, с. 402–403]. Мы будто бы выявляем противоречие в сознании людей, так как признаем, что православный выбор автоматически предполагает включение молитвы и богослужения в образ жизни человека. И это было справедливо на протяжении долгого времени. Но это имеет совсем другие коннотации в сознании современных молодых людей. Интервью с молодыми людьми из контрольной группы показало, что они не видят здесь противоречия, но находят вполне логичные объяснения. В частности, некоторые указывают на прерванную традицию православного исповедания или особенности современного восприятия.

В рамках нашей темы невозможно не сказать о теоретических разработках австрийского философа и социолога А. Шюца. Он признает серьезное и глубокое влияние Э. Гуссерля на развитие социальных наук (нужно отметить, что и Э. Гуссерль высоко оценивал труды А. Шюца). Его идеи, по мнению А. Шюца, играли значительную творческую роль даже в тех случаях, когда были истолкованы не совсем верно.

А. Шюц указывает на несколько важных проблем социальных наук, к решению которых могут быть применены теоретические разработки Э. Гуссерля. Во-первых, отношения, выстраиваемые между мотивом, спланированным действием и даже последующим действием могут быть прояснены на основе гуссерлианского анализа сознания внутреннего времени. Во-вторых, это установление ясности и отчетливости наличного знания как результат синтетических операций нашего сознания. В-третьих, теории Э. Гуссерля могут быть применены для анализа выбора в естественной установке. А. Шюц также говорит о применении результатов исследования Э. Гуссерля для создания возмож-

ностей «участвовать в потоке сознания Другого в живом настоящем». Он резюмирует: «Выдающийся вклад Гуссерля в социальные науки состоит ... скорее в богатстве относящегося к проблемам жизненного мира (*Lebenswelt*), который он намеревался развить в философскую антропологию» [7, с. 159]. Оценивая значение феноменологии, он указывает, что без нее невозможно дать ответы на вопросы об условиях взаимного понимания, коммуникации, осмысленного действия, интерпретации значения Другого и социальных взаимодействий [7, с. 178–179]. А. Шюц не ограничивается признанием идей Гуссерля, а вносит существенный вклад в разработку методологии социальных наук, в частности, в изучение жизненного мира.

А. Шюц в статье «Социальный мир и теория социального действия» в основу методологии социальных наук кладет следующий постулат: выберите схему соотнесения, адекватную той проблеме, которая вас интересует; рассмотрите ее пределы и возможности, совместите и согласуйте друг с другом содержащиеся в ней термины.

Гарантией того, что в своих исследованиях мы имеем дело с подлинно реальным жизненным миром, является признание мотивов в качестве оснований наших социальных действий. При этом мы учитываем, что мотивы могут быть двух категорий: мотив-для и мотив-потому что [7, с. 106]. И те и другие предполагают проект наших действий.

А. Шюц последовательно утверждает intersubjectивный характер социального мира, в котором каждый связан многочисленными отношениями с другими людьми. И мир в равной мере наделен смыслом как для меня, так и для других. Человек надеется на понимание своих действий [7, с. 109]. А. Шюц отмечает разницу между установками участника взаимоотношений и их стороннего наблюдателя. В процессе изучения жизненного мира молодежи уже немолодой исследователь (увы, динамичность современного мира требует это учитывать) рискует получить выводы, которые далеки от существующей реальности. Вопрос «что это значит для действующего субъекта» может оказаться неразрешимым для исследователя. Для решения проблемы оптимальным снова будет использование методов включенного наблюдения и интервью. При этом респонденты составляют контрольную группу, не принимавшую участия в основном исследовании. Их задача состоит в объяснении полученных ответов, а также в их оценке с точки зрения приемлемости в молодежной среде.

Однако и этого будет недостаточно. Исследователь должен оставаться действующим субъектом этого жизненного мира. Но собственно научная деятельность ставит его в положение обособленного

научного наблюдателя. В этой своей двойственности он формирует модель социального мира, в котором действует «идеальный тип» личности в веберовском понимании, сконструированный на основе соотнесения типичных действий с типичными мотивами. Эта методология должна выстраиваться с учетом четырех постулатов: релевантности, адекватности, логической согласованности, совместности [7, с. 113–114]. Здесь мы не будем содержательно раскрывать их, адресуя читателя к работе самого А. Шюца.

Обратимся к еще одному важному для нас вопросу, связанному с тем, что часть жизненного мира человек осмысливает как область применения собственных практических усилий, направленных на его преобразование и изменение. Это возможно при наличии доступных средств, которыми мы могли бы располагать. В рамках этих рассуждений как раз появляется вопрос о существовании условной границы, разделяющей область рутинной и преобразовательной деятельности в пределах жизненного мира. Очевидно, эта граница проходит не во внешнем мире, а в пределах сознания. Изучение осознания возможностей расширения области рутинной деятельности тесно связано с проблематикой ценностей, социальных и культурных стереотипов. В частности, мы задаемся вопросами целеполагания. Во-первых, принципиально важно, чем оно определяется. Во-вторых, интересен вопрос о том, до каких границ оно простирается, что является ограничителем в формировании целей в пределах осознаваемого жизненного мира. В пределах мира рутинной деятельности, по Шюцу, все оказывается знакомо, рассматривается как неоспоримая истина: «Это мир знакомых тем, знакомых интерпретаций и даже систем мотивов, управляющих моими действиями, — привычное обладание предшествующим опытом и оправданными ожиданиями» [7, с. 348]. В свете указанных рассуждений Шюца мы должны понимать, что в эмпирических исследованиях некоторые наши вопросы застают респондентов врасплох, так как то, о чем мы спрашивали, не воспринималось в качестве предмета специальных размышлений. А. Шюц называет это «непроблематизированными измерениями нашего жизненного мира». Многое из того, что нас интересует, представляется чем-то самоочевидным, не требующим специальной рефлексии. Возвращаясь к ранее обсуждаемому примеру, признаем тогда, что наименование себя православным без осознания необходимых действий, требуемых такой принадлежностью, вовсе не является самозванством. Неотрефлексированная идентичность в данном случае выступает формой конформной адаптации. Она указывает на ощущение прочности своей принадлежности к определенному сообществу.

Рефлексия изучаемых вопросов оказывается спонтанной реакцией респондента на наш вопрос. Именно поэтому мы надеемся, что эта неожиданность вопроса позволяет нам узнать о реальном присутствии исследуемых нами объектов в сознании людей. Как правило, если мы имеем дело с неактуальным для респондента в данном моменте знанием, то мы выступаем тем обстоятельством, которое заставляет его восстанавливать собственные рассуждения от энтимем до полных умозаключений.

И. Т. Касавин замечает, что после А. Шюца тематика жизненного мира окончательно освобождается от субъективистских экспликаций, что делает понятие жизненного мира востребованным в социологии. Оно погружается в эмпирические контексты и может быть широко использовано в социологических исследованиях по значительному кругу проблем.

Отмечая изменения научного и социального контекста со времени Э. Гуссерля, И. Т. Касавин говорит о видоизменении понимания жизненного мира. Обнаружение его изменчивости замыкает феноменологию Э. Гуссерля на описании лишь его классического типа. Провозглашенная Э. Гуссерлем субъективность оказывается развитием кантианских идей, связанных с его понятием трансцендентального субъекта [8, с. 8]. Но в современном мире структура субъективности кардинально изменилась в силу специфики протекающих экономических, политических, культурных процессов. А системы коммуникации и информационные технологии меняют жизненный мир заметным образом на небольших временных отрезках.

После А. Шюца разработка и использование концепции жизненного мира приобретает устойчивый характер. В отечественных социальных науках оно занимает особое место уже в постсоветский период. Однако анализ этого пласта концептуального осмысления жизненного мира мы оставляем для следующей статьи.

Проведенный нами анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Феноменологические исследования Э. Гуссерля открыли новые возможности в развитии социальных наук. Немецкий исследователь не только предложил изучение жизненного мира как основу

познания социальной реальности, но и определил различные пути такого познания, сформулировал многие проблемы и задачи для социальных исследований: контраст между субъективностью жизненного мира и «объективным», «истинным» миром; дуалистичность положения ученого в социальных науках; интересубъективность жизненного мира.

2. Г. Гарфинкель, выстраивая этнометодологию как основу социальных исследований, использует теоретические выкладки гуссерлианской феноменологии. В его методологии для нас наиболее существенными оказались вопросы практики осмысления индивидами своих действий, способы интерпретации полученных результатов эмпирических исследований, пределы использования провокативных методов.

3. А. Шюц осуществил, пожалуй, наиболее полную экспликацию теоретических положений Э. Гуссерля. Разработку последним учения о жизненном мире он признал наиболее существенным его вкладом в развитие социального познания. В основу собственной методологии социальных наук он положил признание мотивов в качестве оснований наших социальных действий, что является гарантией подлинности изучаемого реального жизненного мира. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение А. Шюцем субъективности и интересубъективности жизненного мира.

4. Использование рассмотренных в статье теоретических положений социальных мыслителей создает методологическую основу для проведения эмпирических исследований и теоретической интерпретации полученных результатов. Сочетание методов анкетирования, интервью и наблюдения в основном массиве респондентов с привлечением контрольных групп позволяет реализовать возможности субъект-объектного понимания личности в пределах жизненного мира, пробудить неотрефлексированную идентичность. Методология, выстроенная на феноменологическом основании, позволяет выявить условия взаимного понимания, коммуникации, осмысленного действия и характеристики реального жизненного мира, что открывает возможности для философско-антропологических экспликаций.

Список источников

1. Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004.
3. Тягунова Т., Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3.

4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции : монография. М., 2009.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
6. Морозов А. А. Традиционность и религиозность в жизненном мире современной молодежи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95).
7. Шюц А. Избранное: Мир, святающийся смыслом : избранное / пер. с нем. и англ. М., 2004.
8. Касавин И. Т. Мир науки и жизненный мир человека // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3.

УДК 27

doi: 10.24412/1999-625X-2025-398-330-337

5.7.9. Философия религии и религиоведение

Грекокатолическая интерпретация теологии Майдана

Сергей Фёдорович Самойлов

доктор философских наук, профессор, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹,
✉ samoilow111@yandex.ru

Андрей Александрович Литвинов

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин², ✉ regrezerv@yandex.ru

¹ Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России (Донецк, Россия)

² Краснодарский университет МВД России (Краснодар, Россия)

Представленная статья посвящена одной из наиболее сложных для исследования проблем — идеологической концепции цветных революций в грекокатолической интерпретации. В рамках статьи также рассматривается теология Евромайдана, ее характерные черты и особенности. Актуальность выбранного предмета обусловлена еще и тем, что, в отличие от подавляющего большинства идеологических концепций «цветных революций», уходящих в небытие после победы или провала, попытки государственного переворота идеологии Майдана в целом и майданное богословие в частности продолжают оказывать огромное влияние на политическую жизнь современной Украины. Кроме того, активное влияние в том числе оказывалось и на религиозную политику действующего киевского режима. Целью статьи является анализ грекокатолической версии теологии Майдана, в том числе выделения основных форм выражения активности католиков и грекокатоликов во время событий на Евромайдане.

Авторы резюмируют, что использование майданной теологии в области религиозной политики следует признать крайне опасным, поскольку это означает политизацию религии и способствует разделению конфессий на удобные и не удобные политическому режиму. В богословском отношении рассматриваемую религиозную доктрину также следует признать крайне опасной по причине того, что она, по сути, выхолащивает истинное содержание христианства и ориентирует верующих не на спасение души, а на социально-политическую борьбу, что несовместимо с фундаментальными христианскими ценностями.

Ключевые слова: Евромайдан, грекокатолическая интерпретация, теология Майдана, конфессии, «цветные революции», христианство, религиозная политика

Для цитирования: Самойлов С. Ф., Литвинов А. А. Грекокатолическая интерпретация теологии Майдана // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98). С. 330–337.

Greek Catholic Interpretation of Theology of Maidan

Sergey F. Samoilov

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, deputy-chief of the chair of Social Disciplines and Humanities¹,
✉ samoilow111@yandex.ru

Andrey A. Litvinov

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor at the chair of Social Disciplines and Humanities²,
✉ regrezerv@yandex.ru

¹ Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Donetsk, Russia),

² the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnodar, Russia)

The presented article is devoted to one of the most difficult problems for the research — the ideological conception of color revolutions in the Greek Catholic interpretation. The article also considers the theology of Euromaidan, its characteristics and peculiarities. The relevance of the chosen subject is also determined by the fact that, unlike the vast majority of ideological conceptions of color revolutions going into oblivion after victory or failure, the attempted coup d'état of Maidan's ideology in general and its theology in particular continue to have a huge influence on the political life of modern Ukraine. In addition, there was also an active influence on the religious policy of the current Kiev regime. The aim of the article is to analyze the Greek Catholic version of Maidan's theology,

including specification of the main forms of expression of the activities of Catholics and Greek Catholics during the events at Euromaidan.

The authors summarize that the use of Maidan's theology in the field of religious policy should be considered as extremely dangerous, since it means politicization of religion and contributes to the separation of denominations into those which are pleasing and not pleasing to the political regime. From a theological point of view, the religious doctrine under consideration should also be recognized as extremely dangerous, because it essentially dilutes the true content of Christianity and orients believers not to salvation of the soul but to social-political struggle, which is incompatible with fundamental Christian values.

Keywords: Euromaidan, Greek Catholic interpretation, Maidan's theology, denominations, "colour revolutions", Christianity, religious policy

Citation: Samoilov S. F., Litvinov A. A. Greek Catholic Interpretation of Theology of Maidan. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 3(98). Pp. 330–337 (In Russ.).

Среди идеологий радикальной и экстремистской направленности идеологическую концепцию цветных революций следует признать наиболее сложным предметом исследования. В первую очередь это обусловлено самим характером данных идеологических конструкций, важнейшими чертами которых следует признать ситуативность, рамочность, критичность. Другими словами, идеология «цветных революций», ставя перед собою цель обосновать свержение действующей власти путем привлечения к массовым протестам как можно больше представителей широких слоев населения, стремится к выдвиганию максимально обтекаемых лозунгов, которые могли бы объединить представителей самых различных, а порой и враждебных друг другу политических сил.

Кроме того, имея непосредственной целью свержение действующей власти, организаторы и идеологи «цветных революций» не ставят перед собой задачу разработать программу преобразования общества, рассчитанную на реальное воплощение. По этой причине идеологический аспект «цветных революций» за редким исключением выделяется в особый предмет научного исследования. Говоря о теории и практике «цветных революций», ученые обычно избирают в качестве тем своих исследований различные аспекты методов массового неповиновения. В связи с этим особый интерес представляют события украинского Евромайдана, которые в силу определенного отклонения от классической модели совершения «цветной революции», дают достаточно богатый материал в области данной разновидности радикальной идеологии.

Говоря об идеологии Евромайдана в целом, следует подчеркнуть, что она существенным образом отклонилась от идеала социальной аморфности, характерной для «цветных революций». В частности, в ней присутствовали элементы идеологического терроризма и экстремизма, которые в классической идеологии массового протестного движения традиционно скрываются в пользу либерально-демокра-

тических идеалов и ценностей. Другой интересной особенностью идеологии Евромайдана стало широкое привлечение представителей различных религиозных конфессий, которые не просто выразили свою поддержку протестующим, но и сформировали идеологический конструкт, получивший наименование «богословие» или теология Майдана.

В числе важнейших первоисточников по теологии Майдана следует указать публикации и интервью таких религиозных деятелей и конфессиональных публицистов, как И. Бей, А. Большаков [1], Т. Бублик [2], А. Булатова [3], А. Малер [4], А. В. Степанов [5], А. Чаплин [6], Верховный архиепископ Украинской греко-католической церкви (далее — УГКЦ) Святослав (Шевчук), Архимандрит Савва (Мажуко).

Следует подчеркнуть, что эта религиозно-политическая концепция стала предметом ряда публикаций уже во время событий зимы 2013–2014 гг. Однако данные публикации и последующие исследования этого феномена, как правило, носили мировоззренческий и политически ангажированный характер. Из значительного массива публикаций, посвященных рассматриваемой проблеме, следует выделить А. Большакова, А. Чаплина, И. Бей, А. Малера, М. Степаненко, Н. Лактионову, Л. Гарас.

В связи с этим рассмотрение идеологии Майдана в качестве отдельного исследования представляется своевременным и актуальным.

Актуальность выбранного предмета обусловлена еще и тем, что, в отличие от подавляющего большинства идеологических концепций «цветных революций», уходящих в небытие после победы или провала, попытки государственного переворота идеологии Майдана в целом и майданное богословие в частности продолжают оказывать огромное влияние на политическую жизнь современной Украины. Кроме того, активное влияние, в том числе, оказывалось и на религиозную политику действующего киевского режима.

Поскольку в событиях Евромайдана принимали участие представители почти всех основных конфессий, действующих на территории Украины, то сформировалось несколько интерпретаций идеологии Майдана. Самыми идеологически разработанными из них следует признать:

- либерально-православную;
- автокефальную;
- грекокатолическую;
- протестантскую.

В данной статье предлагается анализ грекокатолической версии теологии Майдана. Выбор в пользу грекокатолической интерпретации теологии Майдана был сделан не только в силу повышенной активности представителей данной конфессии в событиях Евромайдана и достаточно детальной разработки религиозного обоснования массовых протестов, но и в связи с наличием в католической традиции ряда идеологических предпосылок разработки такого рода религиозно-политических концепций. К числу таковых следует отнести леворадикальную по своей направленности «теологию освобождения», получившую наибольшее распространение в странах Латинской Америки, а также различные христианско-демократические концепции.

Среди украинских религиозных конфессий, принявших участие в событиях Евромайдана представители грекокатолической церкви были наиболее активны [2]. При этом данная активность проявилась как при участии в различных манифестациях и уличных беспорядках, так и в идеологическом обеспечении протестного движения. Наиболее ярким резонансным выражением участия грекокатоликов в событиях Евромайдана стало прибытие на протестные акции профессорско-преподавательского состава и студентов Львовского католического университета практически в полном составе. Помимо этого грекокатолические священники оказывали огромное морально-психологическое воздействие на участников бессрочных митингов, в частности, они являлись «капелланами» так называемых майданных сотен. В идеологическом отношении деятельность представителей грекокатолической церкви различного уровня также следует признать масштабной, особенно запомнившейся огромным числом выступлений, публикаций, интервью, заявлений для прессы, в которых попытка государственного переворота изображалась в качестве проявления законного гнева граждан про-

тив авторитарного и коррумпированного режима, свержение которого признавалось угодным Богу.

Политическая и идеологическая активность УГКЦ в событиях Евромайдана объясняется тесными историческими и современными связями, существующими между грекокатолицизмом и украинским национализмом, в первую очередь с Организацией украинских националистов (далее — ОУН)¹. Так, идеологи так называемого интегрального национализма, служащего идеологической базой ОУН еще в 20–30-х гг. прошлого столетия, подчеркивали важность религиозной составляющей в процессе внедрения в широкие слои украинского общества националистических идей. В частности, один из главных идеологов ОУН, Дмитрий Донцов, в своей работе «Москва и Запад» отмечал: «Религия, которая сможет углубить культурную пропасть, отделяющую нас от России, с национально-политической точки зрения очень полезна, всякая другая — вредна. И с этой точки зрения католицизму принадлежит первенство»².

Украинский интегральный национализм представляет собой идеологию ОУН, Украинской повстанческой армии (далее — УПА)³, ведших в 30–40-х гг. террористическую войну против стран с компактным проживанием украинского населения в целях создания тоталитарным образом организованного национального государства. В силу того что идеологии интегрального национализма присущи такие характерные черты, как волюнтаризм, крайний национализм, шовинизм, вождизм, авторитаризм, антикоммунизм, экспансионизм, она определяется как национальная разновидность фашистской идеологии. Главной целью интегрального национализма является создание Украинской Соборной Державы, которая претендует на ряд территорий сопредельных государств. При этом данное будущее государственное устройство должно базироваться на принципе «нациократии» — полном подчинении граждан интересам нации, которые воплощают в себе национальный вождь и руководимая им партия.

Несмотря на свою близость к немецкому фашизму, а также на сотрудничество ОУН с нацистской Германией до и во время Второй мировой войны, идеологию интегрального национализма принято отличать от идеологии национал-социализма. Основанием такого отличия служит отсутствие в ней в развитом виде расовой и антисемитской теорий. В качестве украинской разновидности неонацизма принято признавать близкую, но отличную от интегрального национализма идеологию так называемо-

¹ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Русская истина. Украинство против православия. URL: <https://politconservatism.ru/arhiv-publications/zhertva-ukrainstva> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

го «азовского движения», в которой два упомянутых выше элемента присутствуют в развернутом виде. Еще одним отличием идеологии интегрального национализма от разных видов неонацизма служит ее опора на традиционное христианство в форме грекокатолицизма и автокефального православия, тогда как неонацизм опирается на неоязычество.

Из сказанного следует, что католицизм в широком смысле данного термина, включая и грекокатолицизм, рассматривался в украинском национализме как важнейшее средство идеологической борьбы с Россией и русской культурой.

В свою очередь в этот же временной период в украинском грекокатолицизме национализм также рассматривался как важнейший союзник в борьбе за сознание широких масс украинского народа. Так, влиятельный грекокатолический богослов и священник 20–40-х гг. Николай (Микола) Конрад, привлеченный к преподаванию тогдашним главой украинских грекокатоликов митрополитом Андреем Шептицким, подчеркивал: «Собрать новую, энергичную элиту энтузиастов и поставить ее под руководство известных и характерных вождей, и сдвинуть с места народные массы — к решительной и бескомпромиссной борьбе с гнилым духом капитализма и с сатанинским коммунизмом, и к обновлению человеческой жизни — частной, семейной, национальной, государственной — на принципах христианской справедливости и любви ... Современное католическое и националистическое движения являются новейшим крестовым походом — в католицизме с лозунгом: „Верую! Так Бог хочет“, а в национализме с лозунгом: „Хочу!..“ Смесь религиозного характера и националистического воодушевления — это непреодолимая сила! Меч и крест — вот надежда народов и человечества в новое лучшее завтра»⁴.

Позицию Микола Конрада не следует рассматривать в качестве личного мнения отдельного члена Украинской греко-католической церкви, она, несомненно, находилась в русле всей политики данной религиозной организации в целом. Доказательством этому служит поддержка митрополитом Андреем Шептицким как немецкого вторжения в СССР, так и провозглашенной украинскими националистами Украинской Соборной Державы. Выражая свою поддержку Акту провозглашения Украинского государства во Львове, озвученному представителем С. Бандеры, Ярослав Стецько, предстоятель украинских греко-католиков, в своем пастырском послании, в частности, писал: «По воле Всемогущего и Всемилостивейшего Бога в Троице Единого началась новая

эпоха в жизни Державной Соборной Самостийной Украины. Народное Собрание, которое состоялось вчера, утвердило и провозгласило это историческое событие. ... Украинский народ должен в эти исторические минуты показать, что имеет достаточно чувства авторитета, солидарности и жизненной силы, чтобы заслужить такое же положение среди народов Европы, в котором мог бы развить все Богом данные ему силы. Солидарностью, добросовестным исполнением обязанностей докажете, что Вы созрели к Державной Жизни».

Говоря о тесном сотрудничестве УГКЦ и Организации украинских националистов⁵ в годы Второй мировой войны, необходимо подчеркнуть, что данный союз сформировался далеко не сразу. Первоначально УГКЦ претендовала на роль главной выразительницы интересов украинского народа и по этой причине в годы пребывания западно-украинских земель в составе Польши конкурировала с ОУН, не всегда одобряя ее насильственные методы. И только после того, как ОУН стала пользоваться поддержкой Третьего Рейха, руководство УГКЦ согласилось на вспомогательную роль в украинском националистическом движении.

Естественно, что традиционные связи между украинским грекокатолицизмом и национализмом не ограничивались только идеологическим уровнем. События на Западной Украине в предвоенные годы, во время Великой Отечественной войны и послевоенные годы ярко продемонстрировали то, что греко католицизм и украинский национализм могут действовать в тесном взаимодействии. В силу сложившейся традиции социально-политического взаимодействия Грекокатолической церкви и украинского национализма данные социальные силы выступили во время событий Евромайдана единым фронтом.

Итак, стратегия взаимодействия с представителями религиозных конфессии была заимствована майданными радикалами у украинских националистов 20–50-х гг. прошлого столетия, которые на фоне антирелигиозной направленности советской идеологии стремились опереться на поддержку верующих. Как уже было сказано, активное привлечение политизированных представителей различных конфессий было характерно прежде всего для украинских праворадикальных партий, относящихся к идеологии интегрального национализма, под которой следует понимать идеологию ОУН.

К числу современных последователей идеологии украинского интегрального национализма следует

⁴ Красная весна. Андрей Шептицкий и «восточный проект» Ватикана — «Украинство...». URL: <https://rossaprimavera.ru/article/56d796e6> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

отнести такие украинские праворадикальные организации, как:

- общественное объединение «Организация украинских националистов»⁶;
- политическая партия «Конгресс украинских националистов» (КУН);
- политическая партия «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная оборона» (УНА — УНСО)⁷;
- украинская организация «Тризуб им. Степана Бандеры»⁸;
- украинская организация «Правый сектор»⁹.

Поскольку наибольшую поддержку националистические организации «оуновского» толка традиционно имели на Западной Украине, то в ходе событий Евромайдана в качестве парадигмы взаимодействия между политическими радикалами и верующими были взяты отношения между ними, которые опирались прежде всего на униатские и католические церкви, а именно:

- Украинскую грекокатолическую церковь;
- Русинскую грекокатолическую церковь (Мукачевская епископия) (РГКЦ);
- Архиепископство Львова, объединяющий католиков латинского обряда на Украине.

Сотрудничество украинских праворадикалов с данными религиозными организациями имеет давнюю историю и осуществляется по многим направлениям, в том числе и по линии партийных молодежных организаций. По этой причине УГКЦ оказывала протестующим на Евромайдане всестороннюю помощь.

Так, в самый напряженный для протестующих момент во время спада числа митингующих на площади Независимости по инициативе декана Киевской духовной семинарии греко-католической церкви Игоря Онишкевича в солдатской палатке была открыта временная часовня. Одновременно с этим глава данной церкви архиепископ Святослав (Шевчук), выражая всестороннюю поддержку протестующим, заявил, что желает «выразить свою солидарность с молодежью, с нашими гражданами, которые действительно не являются безразличны и к судьбе своей страны и активно манифестируют свою гражданскую позицию»¹⁰.

В свою очередь Синод УГКЦ заявил о своей полной поддержке протестного движения, направлен-

ного на свержение действующей законно избранной власти, что вступало в полное противоречие с самим духом христианства. Так, в своем совместном заявлении высшие иерархи УГКЦ подчеркнули: «Мы заявляем о нашей поддержке и солидарности со всеми теми, кто на Майдане свидетельствует о своих достоинствах, достоинствах своих ближних и своего народа. Мы решительно поддерживаем мирный характер этого общественного собрания»¹¹.

Ярким примером вмешательства высших иерархов католической и грекокатолической церквей в политический кризис во время событий Евромайдана является призыв одного из духовных лидеров украинских грекокатоликов, бывшего главы УГКЦ Любомира Гузара. В своем выступлении по телевидению он, обращаясь к родственникам сотрудников правоохранительных органов, выполнявших свой служебный долг, заявил: «Поднимите сейчас трубку и позвоните своим мужьям, родителям, сыновьям, зятям, друзьям и соседям: скажите им, что каждый, кто дает приказ к насилию, и каждый, кто его выполняет, будет за него отвечать перед Богом, перед народом, перед историей. Сделайте эту услугу тому человеку, который вам близок, и который сегодня в форме...»¹².

Из вышеприведенных цитат может сложиться мнение, что католическое и грекокатолическое священство, одобряя право граждан на борьбу за свои права, стремилось не допустить применения насилия как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны протестующих, однако данное впечатление следует признать ошибочным. Рядовые грекокатолические священнослужители проявили себя на Евромайдане как самые злостные подстрекатели к совершению насильственных действий.

Одним из наиболее ярких примеров такого подстрекательства следует признать высказывание настоятеля грекокатолического храма в Ивано-Франковской области М. Арсенича: «Я не знаю, как могла мать кормить своей грудью человека, который сегодня остается в Партии Регионов! Это не материны дети, это сучьи дети! Терпели бы вояки УПА сегодня Табачников и Януковичей?! Только attentatом¹³ можно вести борьбу! С врагом не может быть другого разговора, как разговор пуля! С врагом не может быть другого языка, как шум леса — шум удавок, на которых повиснут коммунисты! Шум, который каж-

⁶ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁷ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ Униатский «майдан». URL: https://www.stoletie.ru/politika/uniatskij_majdan_367.htm (дата обращения: 31.03.2025).

¹¹ УПЦ осудила разгон активистов Евромайдана. URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2013-12-11/upcs-osudila-razgon-aktivistov-evromaydana-4205530> (дата обращения: 30.03.2025).

¹² Украины больше нет! URL: https://vk.com/wall-94269450_1136275 (дата обращения: 30.03.2025).

¹³ Политическое убийство, типичная практика украинских националистов.

дому нашему сердцу взывает — возьми в руки оружие и отбрось страх! Не время бояться! Мы двадцать лет ждем!» [5].

Для адекватной оценки приведенных выше цитат как высших иерархов Римско-католической и Греко-католической церквей, так и ее священников, следует добавить, что роль данных религиозных организаций не ограничилась морально-психологической поддержкой протестного движения. Не будет преувеличением сказать, что украинские католики, особенно грекокатолики, проявили повышенную активность в событиях Евромайдана, являясь, наряду с представителями многочисленных праворадикальных партий, главным наиболее бескомпромиссным и волевым элементом. Так, более половины погибших протестующих из числа Небесной сотни составили выходцы из Западной Украины, региона наибольшего распространения католицизма и грекокатолицизма в стране.

Тесная связь между УГКЦ и радикалами, принявшими участие в событиях Евромайдана, наиболее ярко проявилась после начала войны на Донбассе. В частности, многие священники УГКЦ, непосредственно участвующие в событиях Евромайдана, вступили в ряды националистических вооруженных формирований в качестве капелланов. Одним из таких капелланов являлся священник-униат Николай Мединский, служивший в Добровольческом украинском корпусе «Правого сектора»¹⁴. Выражая свое отношение к идеологии украинского интегрального национализма и лично к Дмитрию Ярошу¹⁵, Николай Мединский подчеркнул: «Дмитрий Ярош со времени Степана Бандеры — это единственный лидер-националист, который сможет объединить эту борьбу и возглавить процесс государствостроения»¹⁶.

Важнейшими проявлениями активности католиков и грекокатоликов во время событий на Евромайдане следует признать:

- выступление преподавателей и студентов Украинского католического университета во Львове и объявление бессрочного митинга с одновременным призывом поддержать его во всей стране;

- организацию УГКЦ в Риме поминовения жертв голодомора на Украине, с одновременным призывом студентов католических университетов к акциям протеста в Киеве в знак несогласия с решением президента Януковича подписывать соглашения с Евросоюзом;

- наличие большого числа (до 300 человек) священнослужителей, семинаристов и студентов различных образовательных организаций, освобожден-

ных от своих непосредственных обязанностей и доставленных в Киев преимущественно из западных областей страны;

- религиозное оправдание протестного движения, его признание «богоугодным делом» и организация во время бессрочных митингов утренних и вечерних коллективных молений;

- участие в волонтерской работе представителей различных католических конгрегаций, таких как «Мальтийский орден» и «Общество Иисуса» (иезуиты);

- распространение среди митингующих пропагандистских материалов, таких как «Молитвенник революционера», в которых представители власти, включая сотрудников правоохранительных органов, признавалась грешниками, а протестующим даровалось право их прощения;

- заявления высших иерархов католической и греко-католической церкви, включая папского нунция, оправдавших и благословивших митингующих;

- освящение памяти протестующих, погибших в ходе противоправных и насильственных акций;

- организацию полевых кухонь для протестующих.

Активное участие Римско-католической и Украинской греко-католической церквей в событиях Евромайдана привело к попыткам их сакрализации не только в массовом сознании части верующих, но и со стороны высших иерархов данных религиозных конфессий. Итогом такого рода попыток освещения данного политического события, которое принципиально противоречит не только нормам католицизма и грекокатолицизма, но и самому духу христианства стало явление, получившее название «теология майдана». Как отмечает А. Степанов, «поскольку попытки освещения событий Евромайдана предпринимались не только представителями двух указанных конфессий, то представляется целесообразным говорить о грекокатолической версии теологии Майдана» [5]. Как и другие варианты данной «теологии», она представляет собой, с одной стороны, вторжение политического сознания в сознание религиозное, а с другой — попытку сакрализации чисто политического события. Но в обоих случаях речь, несомненно, идет об искажении подлинно религиозного сознания, всегда ориентированного на подлинно духовные ценности.

Итак, в основе грекокатолической версии теологии Майдана лежит идея о тождественности

¹⁴ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁵ Лицо входит в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

¹⁶ Национальная революция униатов. URL: <https://svpressa.ru/society/article/111990/> (дата обращения: 30.03.2025).

политической и религиозной сфер жизни общества, поскольку Бог управляет всемирно-историческим процессом и ведет ее к торжеству Своей Церкви. При этом существует позиция «правильная», т. е. религиозно оправданная, и «неправильная», противоречащая религии, «гражданская», т. е. политическая позиция. «Неправильная» политическая позиция всегда в той или иной степени антицерковная, может быть связана с какой-либо ересью (например, православие) либо быть атеистической, как коммунизм. В свою очередь «правильная» (христианская) политическая позиция всегда связана с европейскими ценностями, поскольку европейская цивилизация сформировалась ортодоксальной, правоверной, т. е. католической интерпретацией христианства. С точки зрения теологии Майдана, общим для современной европейской цивилизации и христианства является признание самоценности человеческой индивидуальности и ее личностного характера, а различие между христианством и современным цивилизованным миром состоит в том, что он полагает, что нормальная человеческая личность может сформироваться вне единственной подлинно адекватной социальной общности — Церкви, которая связывает человеческую личность с Богочеловеческой личностью — с Христом.

Идеологи теологии Майдана утверждают, что Украина в своем историческом развитии как уклонялась от Европы и подлинного христианства, так и шла навстречу им, например, при отказе от своего «еретичества» и принятии Унии. При этом ассоциация Украины с Евросоюзом означает не только ее сближение с европейской цивилизацией, но и ее приближение к правильному, западному христианству, которое адекватным образом представлено Римской католической церковью и УГКЦ.

Одной из ярких черт теологии Майдана выступает признание режима политической власти Президента Януковича авторитарным, коррумпированным режимом, который является прямым наследником православной ереси и коммунистического тоталитаризма и по своей сути носит азиатский, неевропейский, а следовательно, и не христианский характер. Победа над авторитарным режимом Януковича и ассоциация с Евросоюзом — это победа свободной личности над политическим деспотизмом и важный шаг возвращения Украины к истинному, католическому христианству.

Наконец, события на Евромайдане признаются не рядовыми политическими событиями, а ключевым моментом украинской истории, еще одним

шансом, даруемым Украине Богом, чтобы она снова смогла стать причастной к христианству европейской цивилизации, а люди, участвуя в событиях на Евромайдане, становятся причастными к самому Божественному Провидению, а также они получают не только опыт борьбы за свои права, но и христианский опыт.

Важность событий Евромайдана для распространения грекокатоличества столь важна, что допускает некоторый отход от христианских догм, к числу которых следует отнести:

- прямое вмешательство церкви в политическую борьбу на одной из сторон, вместо призывов к социально-политическому согласию;
- нарушение христианского идеала смирения и прямое разжигание среди протестующих чувства ненависти;
- отказ от традиционного для христианства подчинения властям, демонизация режима Януковича и благословение паствы на бунт;
- признание уличного бунта, которым являлся Евромайдан, действием Святого Духа;
- объявление всех участников митингов избранными Божиими, несущими крест за весь украинский народ;
- сравнение лишений, переносимых митингующими, с Пасхальной жертвой Христа;
- утверждение предстоятеля УГКЦ, что кровь погибших во время беспорядков и получивших наименование «Небесная сотня», является «животворящей кровью», «ведущей от смерти к жизни», «от рабства к свободе», что с христианской точки зрения является хулой на жертву Христову;
- провозглашение погибших во время уличных беспорядков «украинскими новомучениками», без соблюдения необходимых для этого процедур;
- провозглашение Матери Божьей «покровительницей Майдана»;
- написание в нарушение иконописных правил «Иконы Новомучеников украинского народа», с символикой Украины и украинской повстанческой армии (УПА)¹⁷, и поклонение ей;
- создание часовни «Непорочного Сердца Матери Божьей и Новомучеников украинского народа (Небесная сотня)», открытой для поклонения представителям всех христианских конфессий;
- совершение в созданной с нарушением всех канонических правил вышеуказанной часовни Божественной литургии.

Из сказанного следует, что грекокатолическая версия теологии Майдана является абсолютно политизированной доктриной, созданной в качестве

¹⁷ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

реакции на конкретное социально-политическое событие и содержащей ряд откровенно еретических положений.

Использование майданной теологии в области религиозной политики следует признать крайне опасным, поскольку это означает политизацию религии и способствует разделению конфессий на удобные и неудобные, действуя на политический режим. В богословском отношении рассматриваемую религиозную доктрину также следует признать крайне опасной, поскольку она выхолщивает содержание христианства и ориентирует верующих не на спасение души, а на социально-политическую борьбу, что несовместимо с фундаментальными христианскими ценностями. Говоря о специфике грекокатолической версии теологии Майдана, необходимо подчеркнуть, что она, продолжая традиции взаимодействия УГКЦ и ОУН¹⁸, является неотъемлемой частью современного украинского праворадикализма в его западно-украинском варианте. Общей мировоззренческой платформой грекокатолической версии теологии Майдана и современных вариантов украинского интегрального национализма, как и прежде, служит ярковыраженная русофобия.

Таким образом, теология Майдана представляет собой прямую угрозу безопасности Российской Федерации в силу того, что она:

— является составной частью идеологии «цветных революций» и посредством искажения установ-

ки религиозного сознания на признание богоданности любой действующей государственной власти разрабатывает обоснования технологии гражданского неповиновения, а также применения насилия в политической борьбе;

— в нарушение фундаментальных положений религиозной этики разжигает различные виды социальной ненависти, прежде всего политическую ненависть;

— способствует расколу как между верующими, так и в обществе в целом;

— формирует у своих сторонников представления о своей исключительности при одновременном унижении чести и достоинства своих политических противников и не разделяющих ее призывов единоверцев;

— в ряде случаев оправдывает межконфессиональную рознь и русофобию;

— служит средством религиозной поддержки членов радикальных, экстремистских и террористических сообществ;

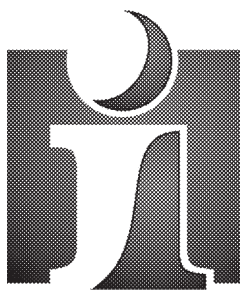
— выступает инструментом гибридной войны действующего киевского режима и стран коллективного Запада против России и русского мира.

Можно с уверенностью утверждать, что теология Майдана — это не теологическая доктрина, выполняющая функции социальной концепции той или иной конфессии, а метод распространения радикальных идей и экстремистских моделей поведения.

Список источников

1. *Большаков А.* Униатский «майдан»: Заметки о роли греко-католической церкви в государственном перевороте на Украине. URL: http://www.stoletie.ru/politika/uniatskij_maj_dan_367.htm (дата обращения: 25.12.2024).
2. *Бублык Т.* Проблема греко-католической идентичности в Западной Украине в ходе борьбы за легализацию (рубеж 1980–1990-х гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32, № 4.
3. *Булатова А.* Украинская греко-католическая церковь в политическом процессе на Украине // Обозреватель. 2007. № 5(208).
4. *Малер А.* От «богословия Майдана» к постпраздничному отрезвлению. URL: http://www.religare.ru/2_103479.html (дата обращения: 23.12.2024).
5. *Степанов А. В.* Роль политической составляющей в истории Украинской греко-католической церкви // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2017. № 6.
6. *Чаплин А.* «Майданное богословие» сторонников автокефалии // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2015. № 3.

¹⁸ Признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- квалификация преступлений при наличии фактических ошибок в объекте
- новеллы правовой регламентации профилактики правонарушений органами внутренних дел

Право и государство

- разрешение вопросов местного значения населением федеральной территории «Сириус»
- профессиональное правосознание прокуроров, осуществляющих надзор за оперативно-розыскной деятельностью

Философский инструментарий

- философия и политика формирования национализма в предвоенной Латвии
- культурные вызовы цифровой модернизации: власть как фактор формирования цифровой культуры

а также

- классификация криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве
- соотношение морали, этики и права в розыскной и идентификационной деятельности
- дистанционное участие в уголовном судопроизводстве: влияние на непосредственность судебного разбирательства
- правовой режим чрезвычайных обстоятельств как важное условие деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе
- другие материалы

